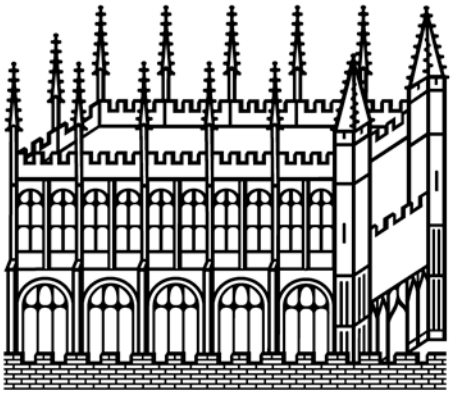


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

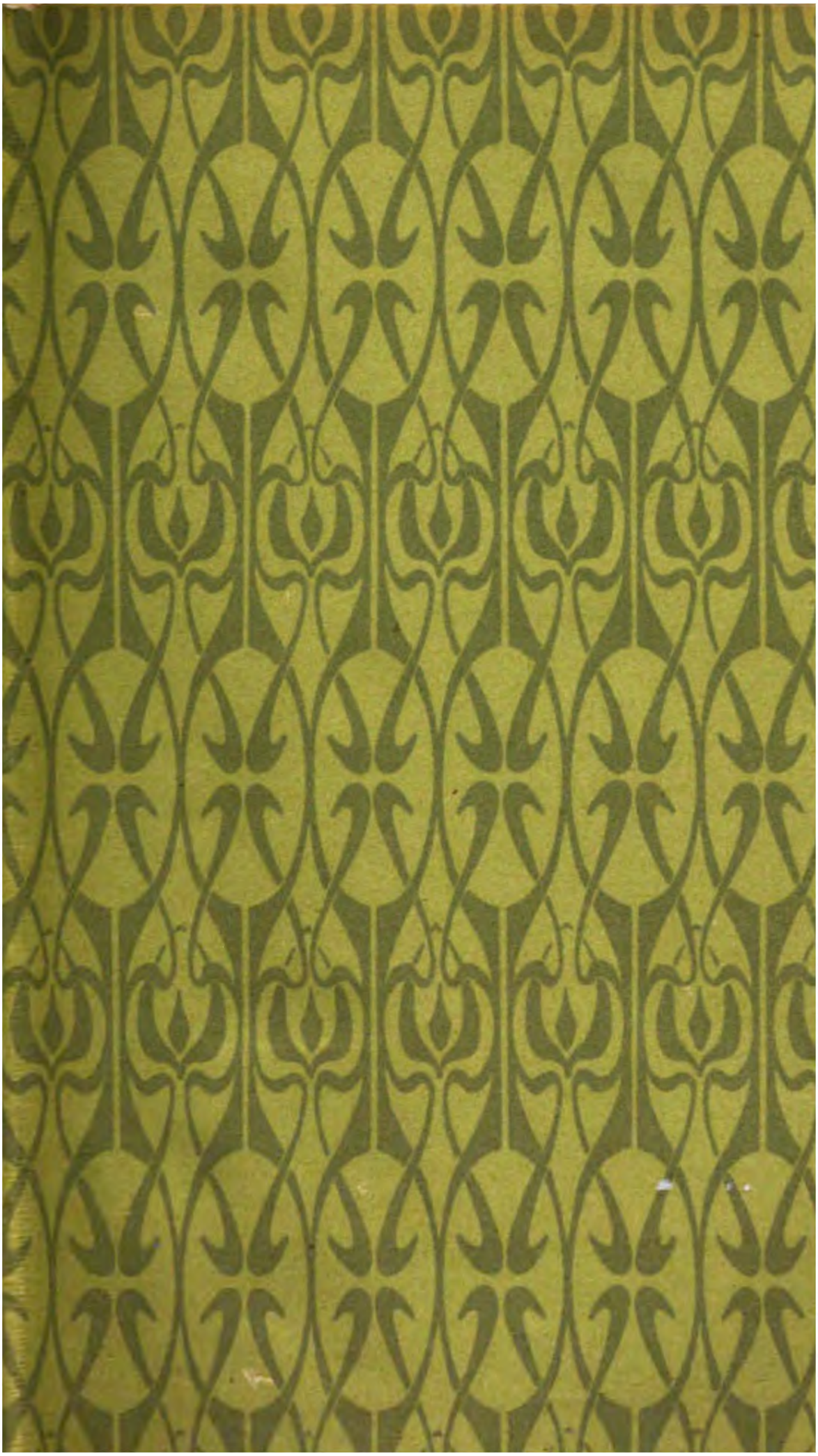
For more information see:

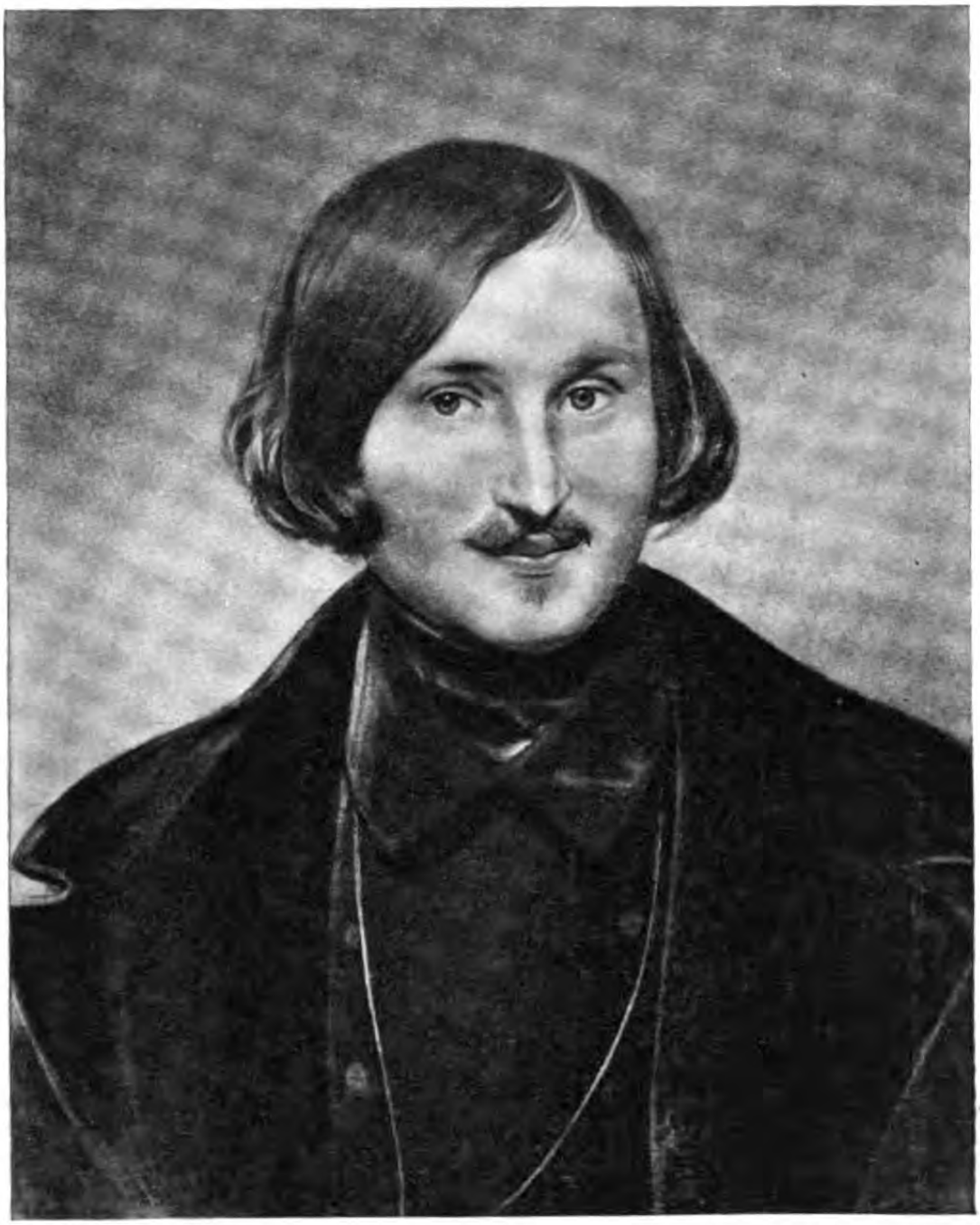
http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

PG3332.A1.1896 (4)
= Rep. Slav. 105
300 JJ
41

Presented to the Library
by Dr. Joy Williams.
UPROV.





Гоголь въ 1841 г.

(Съ портрета масл. красками работы Ѳ. Моллера.)

Сочиненія и письма

Н. В. Гоголя.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Русскіе писатели:

Аксаковъ, С. Т., подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
Андреевъ, Л. Н., со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ан—скій, С. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Амфитеатровъ, А. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
Айзманъ, Д. Я., подъ наблюденіемъ *автора;*
Гоголь, Н. В., подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Добролюбовъ, Н. А., подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Достоевскій, Ѳ. М., съ многочисл. приложеніями;
Златовратскій, Н. Н., подъ наблюденіемъ *автора;*
Кольцовъ, А. В., подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
Крыловъ, И. А., подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Лазаревскій, Б. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Левитовъ, А. И., со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
Лермонтовъ, М. Ю., подъ ред. *Арс. И. Введенскаго;*
Максимовъ, С. В., со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
Мачтетъ, Г. А., подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
Муйжель, В. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
Невѣжинъ, П. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
Никитинъ, И. С., подъ ред. *А. Г. Фомина*, со вступительной статьей *Ю. И. Айхенвальда;*
Немировичъ-Данченко, Вас. И., подъ наблюденіемъ *автора;*
Олигеръ, Н. Ф., подъ наблюденіемъ *автора;*
Осиповичъ, Н. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
Островскій, А. Н., подъ ред. *М. И. Писарева;*
Помяловскій, Н. Г., съ біограф. очеркомъ *Н. А. Благовѣщенскаго*
Потѣхинъ, А. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Пушкинъ, А. С., подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
Соловьевъ, Н. Я., съ портретомъ *автора;*
Танъ, В. Г., подъ наблюденіемъ *автора;*
Толстой, Л. Н., подъ редакціей *А. М. Хирьякова;*
Шапиръ, Ольга, подъ наблюденіемъ *автора.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Сочиненія и письма

Н. В. Гоголя.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ четвертый.

Мертвыя души.

Томъ первый.

С.-Петербургъ.
Типо литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
9 SEP. 1942
OF OXFORD

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе IV тома.

		Стр
Вступительная статья		1
Мертвыя Души, т. I:		
Глава I.	(Въѣздъ.)	29
Глава II.	(Маниловъ.)	44
Глава III.	(Коробочка.)	71
Глава IV.	(Ноздревъ.)	99
Глава V.	(Собакевичъ.)	135
Глава VI.	(Плюшкинъ.)	163
Глава VII.	(Городскіе чиновники.)	193
Глава VIII.	(Балъ.)	221
Глава IX.	(Городскія дамы.)	253
Глава X.	(Совѣщанія чиновниковъ и повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ.)	278
Глава XI.	(Отъѣздъ, дѣтство Чичикова.)	303
Приложенія:	Предисловіе Гоголя	349
	Замѣтки Гоголя	353
	Окончаніе IX главы	355
	Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ (2 редакціи)	363
	Размышленія о нѣкоторыхъ герояхъ I тома Мертвыхъ Душъ	375
Примѣчанія		379
Указанія Гоголя и его современниковъ на послѣдующее содержаніе „Мертвыхъ Душъ“		385

Списокъ иллюстрацій.

Стр.

Портретъ Гоголя (работы Моллера) 1

Гоголь на репетиціи „Ревизора“ (по акварели П. А. Каратыгина) 192

Гоголь въ 1852 г. (съ литографіи по рисунку Мамонова) 352

Гоголь (портретъ работы Рабуса) 368

Вступительная статья.

„Мертвыя Души“ (томъ I).

Вскорѣ послѣ выхода „Мертвыхъ Душъ“ Бѣлинскій писалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1842, XXIII): „Мертвыя Души“ — произведеніе общественное, произведеніе необъятно художественное, дышащее страстною любовью къ зерну русской жизни, глубокое по мысли, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности, соціальное, общественное и историческое“.

Это — краткая формула общаго культурно-историческаго значенія великой поэмы. Біографическое значеніе ея намѣчается однимъ удивительно мѣткимъ выраженіемъ Анненкова („Воспом. и крит. очерки“, I, Спб., 1877, стр. 195): „Мертвыя Души“ была та подвижническая келья, въ которой онъ (Гоголь) бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея“.

Какъ извѣстно, сюжетъ поэмы былъ данъ Гоголю Пушкинымъ. Объ этомъ говоритъ самъ Н. В. въ своей „Авторской Исповѣди“:

„Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ

приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости. Можетъ быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!“ Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за „Донкишота“, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. (Мысль „Ревизора“ принадлежитъ также ему.) На этотъ разъ и я самъ уже задумался серьезно, — тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе года, когда самъ собой приходитъ запросъ всякому поступку: зачѣмъ и для чего его дѣлаешь? Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами. Послѣ „Ревизора“ я почувствовалъ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы

уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что̀ такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными. Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ? къ чему это? что долженъ сказать собою такой то характеръ? что должно выразить собою такое то явленіе? Спрашивается: что нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что то въ родѣ отвращенья: все у меня выходило натянуто, насильно, и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально. Я увидѣлъ ясно, что больше не могу писать безъ плана, вполнѣ опредѣлительнаго и яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость, вслѣдствіе чего самъ авторъ возгорѣлся бы любовью истинной и сильной къ труду своему, которая животворитъ все, и безъ которой нейдетъ работа, — словомъ, чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя творенье свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно ему даны способности и силы, и что, исполняя его, онъ служитъ въ то же самое время такъ же государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился въ государственной службѣ“.

Гоголь говоритъ о добровольной уступкѣ Пушкинымъ сюжета. Подтвержденіе этому есть въ апокрифическихъ запискахъ А. О. Смирновой, поддѣланныхъ ея дочерью, но ихъ разсказъ несомнѣнно вышелъ изъ приведеннаго выше мѣста „Авторской Исповѣди“ Гоголя. Въ дѣйствительности дѣло не было такъ просто. Какъ извѣстно, съ 1833 г. Пушкинъ носится съ мыслью создать реальный соціальный романъ въ прозѣ, „который отразилъ бы цѣликомъ многоразличныя стороны нашего общества за какую-либо часть его историческаго существованія, не исключая изъ картины и низшихъ

слоевъ, на которыхъ это общество покоилось". Въ 1835 г. онъ задумываетъ по образцу „Пельгама" Бульвера своего „Пелымова", соціальный романъ изъ современной дѣйствительности [1]. Понятно, что сюжетъ „Мертвыхъ Душъ" былъ для него находкой, и что онъ могъ уступить его Гоголю не безъ внутренней борьбы.

Хорошо освѣдомленный Анненковъ [2] говоритъ: „извѣстно, что Гоголь взялъ у Пушкина мысль „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ", но менѣе извѣстно, что Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ ему свое достояніе. Однакожъ въ кругу своихъ домашнихъ Пушкинъ говорилъ, смѣясь: „съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя".

Кричать, значитъ, всетаки ему хотѣлось, но удерживало сознаніе, что Гоголь лучше справится съ этою темой...

Со словъ своей матери племянникъ Пушкина, г. Павлищевъ, разсказываетъ [3]: „Гоголь, въ которомъ А. С. первый открылъ громадный талантъ и много содѣйствовалъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ, сблизился съ Пушкинымъ въ 1832—1833 годахъ. Посѣщая А. С., онъ часто пользовался его совѣтами. Бесѣдовали же они, большею частью, глазъ на глазъ, такъ какъ Н. В. въ присутствіи дамъ конфузился, въ чемъ неоднократно сознавался А. С. Въ одну изъ этихъ бесѣдъ Пушкинъ передалъ Гоголю слышанную имъ новость, что какой то господинъ, жившій въ Псковской губерніи (неподалеку отъ Михайловскаго), занимаясь покупкою мертвыхъ ревизскихъ душъ, попался въ этихъ подвигахъ властямъ предержащимъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ: „Знаете ли, Гоголь, что это отличный матеріалъ, и какъ разъ мнѣ на руку: я имъ займусь... Къ стихамъ я нынѣ охладѣлъ и, какъ вамъ извѣстно, занимаюсь прозою...". Н. В. выслушалъ исторію о первообразѣ своего Чичикова съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, не подавая вида, что принимаетъ ее къ свѣдѣнію. Между тѣмъ, впослѣдствіи, А. С. показывалъ своей сестрѣ самую программу повѣсти или романа, на сюжетъ похожденій скупщика мертвыхъ душъ. Но Гоголь предупредилъ его, и когда трудъ его настолько подвинулся, что онъ сообщилъ о немъ Жуковскому и Плетневу, А. С. былъ этимъ крайне недоволенъ. — „Языкъ мой — врагъ мой, — говорилъ онъ женѣ своей. — Гоголь, хитрый малороссъ, воспользовался моимъ сюже-

---

[1] См. „П. В. Анненковъ и его друзья", I, Спб., 1892, стр. 451 — 452.
[2] „Воспом. и критическіе очерки", I, стр. 184.
[3] „Русская Старина", 1880, V, 79—80.

томъ. Исторію г. NN. которую я ему разсказывалъ, онъ какъ будто пропустилъ мимо ушей... Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна юмору и наблюдательности, которыхъ во мнѣ нѣтъ". Чтеніе самимъ Гоголемъ первыхъ главъ его „Мертвыхъ Душъ" Пушкину не только примирило великаго поэта съ похитителемъ его идеи, но заставило еще болѣе прежняго поощрять Н. В. къ его литературнымъ трудамъ".

Вѣроятно, послѣ чтенія первыхъ набросковъ Пушкинъ отказался отъ своей мысли, не желая конкурировать съ Гоголемъ, и окончательно уступилъ ему свой сюжетъ, котораго бы „не отдалъ другому никому". „Хитрость" Гоголя была, конечно, возможна только при очень хорошихъ отношеніяхъ къ нему великаго поэта, извѣстномъ безкорыстіи и благородствѣ его характера, объясняется и до извѣстной степени оправдывается заманчивостью сюжета.

Засѣвъ за серьезную работу надъ своей поэмой, Гоголь уже совершенно спокойно извѣщаетъ Пушкина 7 октября 1835 г.[1]: „началъ писать „Мертвыхъ Душъ". Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь".

Если понять слово „началъ" въ буквальномъ смыслѣ, то придется предположить, что въ разсказѣ г. Павлищева есть неточности, и что Гоголь выпросилъ у Пушкина сюжетъ, послѣ чего занялся его разработкой.

Случаи спекуляціи мертвыми душами были, вѣроятно, тогда довольно обычными, но только Пушкинъ ухватился за нихъ, какъ за богатый литературный сюжетъ, и увлекъ за собою Гоголя.

Н. В. могъ слышать о нихъ въ Малороссіи, и не придать имъ особаго значенія.

Въ своемъ „Обозѣ къ потомству" Сушковъ вспоминаетъ[2]: „безъ стыда и безъ совѣсти, даже и безъ страха наказанія, на-пропалую, что бы послѣ ни случилось, скупали „мертвыя души" — это не сказка: я, лѣтъ двадцать назадъ слишкомъ, слышалъ въ Малороссіи разсказъ о какомъ то, не очень помню, дворянинѣ Калинѣ, Малинѣ или Черной Смородинѣ — да пусть онъ будетъ хоть Рябиною, — я слышалъ, что этотъ г. Рябина

---

[1] „Письма Гоголя", I, 353—354.
[2] „Раутъ", 1854, III, 382.

дѣйствительно покупалъ у сосѣдей умершихъ крестьянъ, для причисленія ихъ къ своей незаселенной землѣ, чтобы имѣть право курить вино". (У Чичикова смѣлѣе мысль: заложить въ ломбардъ!)

Далекая родственница Гоголя разсказывала г. Гиляровскому („На родинѣ Гоголя", М., 1902, стр. 47—48): „Мысль написать „Мертвыя Души" взята съ моего дяди Пивинскаго... Чичикова съ другого кого то списалъ, а самую мысль „М. Д." далъ Пивинскій.. У Пивинскихъ было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Тогда у многихъ помѣщиковъ были свои винокурни, акцизовъ никакихъ не было. Вдругъ, это еще до меня было, начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ 50 душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались наши мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни. А Х. П. Пивинскій хлопнулъ себя по лбу да сказалъ: „эге! не додумались!" И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ... А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до 50 не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ, и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ себѣ, и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ 50 душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ Федункахъ (имѣніе Пивинскихъ), да, кромѣ того, и вся миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго"[1].

Разработка даннаго Пушкинымъ сюжета пошла у Гоголя быстро. Романъ изъ „анекдота" постепенно претворялся въ широкую „поэму" русской жизни. Самая форма была подсказана распространеннымъ на Западѣ „романомъ приключеній и путешествій" и „романомъ плутовскимъ" (Reiseroman, Aventurroman, Schelmenroman или picaresco). Не даромъ Пушкинъ упомянулъ въ разговорѣ съ Гоголемъ о „Донъ-Кихотѣ" Сервантеса. Н. В. могъ знать о „Жизни Лазарильо изъ Тормесъ", несомнѣнно былъ знакомъ съ „Жиль-Блазомъ" Лесажа;

---

[1] Срв. еще „Русскій Архивъ", 1865, стр. 1213: „разсказываютъ за вѣрное, что и мысль о „М. Д." тоже принадлежитъ Пушкину. Въ Москвѣ Пушкинъ былъ съ однимъ пріятелемъ на бѣгу. Тамъ былъ также нѣкто П. (старинный франтъ). Указывая на него Пушкину, пріятель разсказалъ про него, какъ онъ скупилъ себѣ мертвыхъ душъ, заложилъ ихъ и получилъ большой барышъ. Пушкину это очень понравилось. „Изъ этого можно было бы сдѣлать романъ", сказалъ онъ, между прочимъ. Это было еще до 1828 г.".

ему должны были быть извѣстны „Россійскій Жильблазъ“ и „Аристіонъ“ Нарѣжнаго, „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина; Пушкинъ могъ обратить его вниманіе на „Пелама или приключенія одного благороднаго господина“ Бульвера, которымъ тогда увлекался.

Форма, такимъ образомъ, была подсказана устойчивой литературной традиціей. Отдѣльные типы и подробности разсказа Гоголя, можетъ быть, были навѣяны тѣми же книжными реминисценціями, хотя сходство могло быть вызвано и совпаденіемъ жизненныхъ наблюденій: скаредъ Тарахъ „Аристіона“ Нарѣжнаго очень близокъ къ Плюшкину; между „Россійскимъ Жильблазомъ“ Нарѣжнаго и „Мертвыми Душами“, помимо сходства основного плана, есть совпаденія въ мелкихъ чертахъ; нѣкоторые типы и подробности геніальной поэмы совпадаютъ съ „Выжигинымъ“ Булгарина [1] — конечно, результатъ безсознательной реминисценціи.

По мѣрѣ того, какъ расширяется передъ нимъ „даль свободнаго романа“, Гоголь будетъ относиться къ нему все серьезнѣе, пока онъ не вырастетъ для него, въ эпоху особаго прилива мистическаго идеализма, въ „Божественную комедію“ русской жизни, съ ея адомъ, чистилищемъ и раемъ [2], въ поэму русскую и общечеловѣческую, своего рода „Одиссею“ (какъ ее понималъ Н. В. въ своей статьѣ-письмѣ о переводѣ Жуковскаго). И „Мертвыя Души“ названы поэмою — можетъ быть, и въ воспоминаніе о томъ, что Пушкинъ собирался создать изъ этого сюжета поэму.

Пороки и пошлость своихъ героевъ Гоголь припишетъ позднѣе себѣ и будетъ говорить о томъ, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ онъ болѣе всего и прежде всего казнилъ самого себя. Но современники знали многіе оригиналы типовъ Гоголя [3], называемыхъ самимъ великимъ писателемъ не „простыми копіями“, но портретами, „созданными вслѣдствіе соображенія, а не воображенія“.

Многимъ Гоголь воспользовался и изъ своихъ путевыхъ записокъ, которыя велъ во время путешествія на родину лѣтомъ 1835 г. Изъ нихъ дошли до насъ только отрывки, которые кое въ чемъ совпадаютъ съ отдѣльными мѣстами перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

---

[1] См. „Иванъ Выжигинъ“ и „Мертвыя Души“, Ю. Ф. — „Русскій Архивъ“, 1902, 8, стр. 596—603; Н. Энгельгардтъ, „Гоголь и романы 20-хъ годовъ“, „Истор. Вѣсти.“, 1902, 2, стр. 560—580; А. Н. Веселовскій, „Этюды и характеристики“, 3, стр. 660—661; „Русская Старина“, 1887, XI, 104—105; 1891, VI, 533; г. Гершензонъ, „Другъ Пушкина П. В. Нащокинъ“, „Русская Мысль“, 1904 г., кн. 4, и пр.

[2] А. Н. Веселовскій, l. c.

[3] См. Марковскій, „Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ“, „Памяти Гоголя“, 1902, 142—143.

Работа надъ поэмой началась осенью 1835 г., въ сентябрѣ или октябрѣ. Она сначала шла быстро, и наброски первыхъ главъ сейчасъ же читались Пушкину (по словамъ Аксакова, „Пушкинъ погибъ, зная только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“). Гоголь испугался впечатлѣнія, которое они произвели на великаго поэта. Въ одномъ письмѣ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ онъ говоритъ: „когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „М. Д.“, въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственная выдумка (sic!). Тутъ то я увидѣлъ, что значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе свѣта. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести „Мертвыя Души“.

Слова эти были написаны въ 1846 году, въ самый разгаръ мистицизма, и Гоголь внесъ въ нихъ свое позднѣйшее настроеніе. Но они важны тѣмъ, что намекаютъ на внутренній переломъ, который произошелъ въ Гоголѣ послѣ первыхъ чтеній поэмы. Стихійное развитіе реалистическаго и сатирическаго таланта достигало своего кульминаціоннаго пункта, но теперь Гоголь созналъ это вполнѣ — почувствовалъ свою силу и въ то же время испугался ея. Въ его душѣ теперь борются стремленіе сказать всю правду русской жизни и желаніе смягчить производимое ею удручающее впечатлѣніе. Эта борьба, работа надъ „Ревизоромъ“ и тревоги, вызванныя его постановкой, отвлекли на время Н. В. отъ „Мертвыхъ Душъ“. Въ 1836 году онъ ѣдетъ за границу „разгулять, размыкать ту тоску, которую наносятъ ежедневно соотечественники“, „глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія“. Мало-помалу возвращается онъ къ прежней творческой работѣ, планъ поэмы расширяется и растетъ въ глазахъ автора. 12 ноября 1836 года онъ пишетъ Жуковскому: „Я принялся за „Мертвыя Души“, которыя было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ, и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись. Если совершу это твореніе такъ, какъ его

нужно совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь — вещь, которая вынесетъ мое имя". Позднѣе, изъ Парижа, онъ пишетъ Жуковскому такъ: „Мертвыя" текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ, вся православная Русь... Огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! Кто то незримый пишетъ передо мной могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни". Онъ склоненъ теперь преувеличенно небрежно отзываться о всѣхъ своихъ прежнихъ произведеніяхъ. 25-го января 1837 года онъ пишетъ, напримѣръ, Прокоповичу: „Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараніяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ... И еслибы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора", а съ нимъ „Арабески" и „Вечера", и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіе долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова, — я бы благодарилъ судьбу".

Лѣтомъ 1837 года первыя двѣ главы были вполнѣ обработаны, и онъ читаетъ ихъ въ Баденѣ въ кружкѣ Смирновой. Затѣмъ работа начала идти все медленнѣе и слабѣе. Гоголь болѣетъ, поддается припадкамъ меланхоліи. Въ 1838 году онъ почувствовалъ себя лучше, но его захватилъ планъ трагедіи изъ малорусской жизни „Выбритый усъ", и „Мертвыя Души" отступили на время на второй планъ. Болѣзненные припадки возобновились опять, приближается выпускъ его сестеръ изъ института, и Гоголю по-неволѣ пришлось вернуться въ Россію изъ своего „прекраснаго далека". Въ Петербургѣ въ компаніи своихъ земляковъ у Прокоповича, въ присутствіи Анненкова, онъ прочелъ первыя четыре главы „Мертвыхъ Душъ" [1]. „Однажды вечеромъ, явившись въ голубомъ фракѣ съ золотыми пуговицами, съ какого то обѣда къ старому товарищу своему Н. Я. Прокоповичу, онъ засталъ тамъ всѣхъ скромныхъ, безыз-

[1] Анненковъ, „Воспоминанія и критическіе очерки" I, стр. 173—174.

вѣстныхъ своихъ друзей и почитателей, которыми еще дорожилъ въ то время... Мы уже узнали, что онъ собирался прочесть намъ новое свое произведеніе, но приступить къ дѣлу было не легко. Гоголь, какъ ни въ чемъ не бывало, ходилъ по комнатѣ, добродушно посмѣиваясь надъ нѣкоторыми общими знакомыми, а о чтеніи и помину не было. Даже разъ онъ намекнулъ, что можно отложить засѣданіе, но Н. Я. Прокоповичъ, хорошо знавшій его привычки, вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ подошелъ къ Гоголю сзади, ощупалъ карманы его фрака, вытащилъ оттуда тетрадь почтовой бумаги въ осьмушку, мелко-на-мелко исписанную, и сказалъ по-малороссійски, кажется, такъ: „А що се таке у васъ, пане?“ Гоголь сердито выхватилъ тетрадку, сѣлъ мрачно на диванъ и тотчасъ же началъ читать, при всеобщемъ молчаніи. Онъ читалъ безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока истощился весь его голосъ и зарябило въ глазахъ. Мы узнали такимъ образомъ первыя четыре главы „Мертвыхъ Душъ“... Общій смѣхъ мало поразилъ Гоголя, но изъявленія нелицемѣрнаго восторга, которое видимо было на всѣхъ лицахъ, подъ конецъ чтенія его тронуло... Онъ былъ доволенъ. Кто то сказалъ, что привѣтствіе Селифана босой дѣвочкѣ, которую онъ сажаетъ на козлы вмѣсто проводника отъ Коробочки — привѣтствіе „ноздря“ не совсѣмъ прилично. Всѣ остальные слушатели возстали противъ этого замѣчанія, какъ выражающаго излишнюю щекотливость вкуса и отчасти испорченное воображеніе, но Гоголь прекратилъ споръ, взявъ сторону критика и замѣтивъ: „Если одному пришла такая мысль въ голову — значитъ, и многимъ можетъ придти. Это надо исправить“.

Въ Москвѣ у Аксаковыхъ и Кирѣевскаго онъ читаетъ первыя шесть главъ „Мертвыхъ Душъ“ и затѣмъ черезъ Вѣну отправляется въ Римъ. Въ Маріенбадѣ онъ попробовалъ пить воды, но ему дѣлалось все хуже и хуже, онъ боялся умереть на чужбинѣ и доходитъ до такого нервнаго разстройства, что даже думаетъ о самоубійствѣ. Только въ концѣ 1840 года онъ принимается за „совершенную очистку“ перваго тома своей поэмы и подготовленіе его къ печати. Въ письмѣ къ Аксакову есть любопытныя подробности относительно этой переработки: „Дальнѣйшее продолженіе его (перваго тома) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, со временемъ, выйдетъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скром-

ныя главы вы уже знаете". Чуткій Аксаковъ подмѣтилъ въ этомъ письмѣ начало новаго настроенія у Гоголя[1]: оно „написано уже въ совсѣмъ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Долженъ повѣрить, что много чуднаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ, но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладанію религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка... Слова самого Гоголя утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать „Мертвыя Души", какъ любопытный и забавный анекдотъ, что только впослѣдствіи онъ узналъ, говоря его словами, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ", что впослѣдствіи, мало-по-малу, составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни; что впослѣдствіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость — примиренія".

Все болѣе усиливающійся мистицизмъ (во время болѣзни у Гоголя были даже видѣнія) и пылкая славянофильская проповѣдь Константина Аксакова ярко отразились на творческой работѣ Гоголя. Не говоря уже о вставкѣ такихъ мѣстъ, какъ лирическія обращенія къ Руси, проникнутыя мессіаническими настроеніями, можно указать большую перемѣну и въ общемъ отношеніи автора къ своему произведенію. Гоголь хочетъ теперь въ слѣдующихъ томахъ поэмы изобразить высшую красоту русской души, воскресить „мертвыя души", проникнутый слезами смѣхъ прерывается повышеннымъ, даже нѣсколько реторическимъ лиризмомъ въ прежнихъ романтическихъ тонахъ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи переработка знаменитаго начала VII главы. Въ раннихъ редакціяхъ Гоголь еще твердо стоитъ на своемъ творческомъ пути реалистическаго изображенія „нашей презрительно-горько-обыкновенной жизни"; отъ другихъ поэтовъ онъ ждетъ „грозной вьюги вдохнове-

[1] С. Т. Аксаковъ, „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ". М., 1890 г., стр. 45—46.

нія“ и „неслышанныхъ пѣсенъ“, которыя въ позднѣйшей редакціи припишетъ самому себѣ [1].

О своемъ желаніи перейти къ инымъ темамъ онъ прямо говоритъ теперь читателямъ: „Но, можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, доселѣ еще не бранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать въ цѣломъ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ“.

Въ письмахъ этого времени Гоголь охотно и много говоритъ о своей поэмѣ, и въ его упоминаніяхъ все больше мистическаго восторга. Данилевскому, напримѣръ, онъ пишетъ: „властью высшею облечено отнынѣ мое слово“. Или въ другомъ письмѣ: „несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета“.

Къ августу 1841 года переработка и переписка поэмы были закончены. По словамъ Анненкова (ib., стр. 196), писавшаго подъ диктовку Гоголя, въ это время „онъ стоялъ на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художнической независимости — къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и — ея славы!“

Въ сентябрѣ 1841 года Гоголь отправился для печатанія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ въ Россію. Исторія печатанія изложена нами вкратцѣ въ примѣчаніяхъ къ этому тому.

Мы видѣли выше, какое мѣсто въ душевной жизни Гоголя заняла его знаменитая поэма. Она сдѣлалась

[1] См. Заболотскій, „Гоголь въ эпоху творчества тома „Мертвыхъ Душъ“. Варшава, 1902 г., стр. 15—17

главнымъ трудомъ его жизни, его славой и гибелью, нравственнымъ удовлетвореніемъ для „взыскательнаго художника“ и мистичести настроеннаго моралиста-патріота, и муками писательской агоніи. „Великій талантъ не совладалъ съ великой задачей и послѣ первой рѣшительный побѣды былъ осужденъ на долголѣтнюю безплодную работу, которая держала его все въ томъ же отдаленіи отъ намѣченной цѣли“ [1].

Цѣли были грандіозны. „По мысли автора „Мертвыя Души“ должны были быть „поэмой“, въ которой Россія явилась бы во всемъ разнообразіи ея государственной и соціальной жизни, со всѣми свѣтлыми и темными ея сторонами. Авторъ хотѣлъ воскресить въ новой формѣ старый эпосъ и, вѣроятно, не безъ намека на Гомеровы поэмы, назвалъ свой романъ — поэмой. Общій планъ этой поэмы пришелъ автору въ голову, конечно, не сразу и съ годами принялъ очень странное направленіе. Эпическій разсказъ, въ началѣ безпристрастный, переходилъ мало-по-малу въ проповѣдь нравственныхъ истинъ, и желаніе изобразить Россію со всѣхъ сторонъ замѣнялось у автора постепенно желаніемъ сказать людямъ нѣчто, вообще, для ихъ души и жизни весьма полезное“ [2].

Значеніе труда подымалось высшей санкціей Пушкина: онъ былъ какъ бы завѣщанъ Гоголю великимъ поэтомъ. Послѣ перерыва въ работѣ, вызваннаго болѣзнью, Н. В. писалъ: „я долженъ продолжать мною начатый большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который (трудъ) обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе“.

Ростъ плана поэмы приводитъ и къ подъему авторскаго самочувствія, которое получаетъ все болѣе мистико-провиденціальный характеръ. Вызывая Щепкина и Константина Аксакова за границу, чтобы они привезли его въ Россію, Гоголь пишетъ: „Меня теперь нужно лелѣять, не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь

---

[1] Котляревскій, „Гоголь“, 325.

[2] Ib., стр. 326. Въ учебной книгѣ словесности Гоголь говоритъ о повѣствовательныхъ сочиненіяхъ (стихотворныхъ и прозаическихъ), „составляющихъ какъ бы средину между романомъ и эпопеей, героемъ которыхъ бываетъ хотя частное и невидное лицо, но, однакоже, значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой“. Съ точки зрѣнія Гоголя подъ это понятіе „эпопеи“ или „поэмы“ вполнѣ подходили его „Мертвыя Души“. См. 10 изд., т. VI, стр. 414—415

заключено сокровище: стало быть, ее нужно беречь". „Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго".

„Анекдотъ" превращался въ грандіозную душеспасительную поэму, „прочное" сочиненіе, которое могло бы помочь человѣку въ страшныя минуты душевной грозы, сдѣлаться для него катехизисомъ спасенія. „Поэма должна была стать для читателя руководствомъ къ его нравственному возрожденію, будучи въ то же время для самого автора очистительной молитвой послѣ душевнаго и умственнаго просвѣтлѣнія и покаянія въ своихъ собственныхъ грѣхахъ"[1]. По словамъ Гоголя, „дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни"[2]. Кн. Вяземскій остроумно назвалъ „Мертвыя Души" „пляскою смертей". Какъ въ знаменитомъ „Danse macabre" Сенъ-Санса, эта пляска должна была закончиться умиротворяющимъ религіознымъ аккордомъ.

Напечатавъ свою поэму, Гоголь ждалъ нападокъ и обвиненій. Изъ-за нея должны были подняться споры и разгорѣться страсти. Первыя вылазки послѣдовали изъ стана литературныхъ враговъ.

Сенковскій („Библіотека для чтенія", 1842, LIII) въ своей статьѣ все время глумится надъ „Мертвыми Душами" и ихъ авторомъ, придираясь къ выхваченнымъ изъ контекста словамъ и не остановливаясь передъ клеветою (Гоголь будто бы на свой счетъ издалъ брошюру К. Аксакова о своей поэмѣ). Начинаетъ онъ шутовскимъ выраженіемъ мнимаго восторга: „Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ никогда еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія, объявляю вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности. Поэма! да еще какая поэма!.. „Одиссея", „Неистовый Орландъ", „Чайльдъ-Гарольдъ", „Фаустъ", „Онѣгинъ", съ позволенія сказать, — дрянь въ сравненіи съ этой поэмой! Поэтъ! да еще какой поэтъ! поэтъ, передъ которымъ Гомеръ, Аріосто, Пушкинъ, Лордъ Байронъ и Гёте, съ позволенія сказать, то, чѣмъ Ноздревъ называетъ Чичикова. Никогда еще геній человѣческій не производилъ подобной поэмы. Никогда смертный родъ Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмой не въ шутку. Поэтъ провозглашенъ первымъ современнымъ поэтомъ не въ насмѣшку. Все это, увѣряю васъ, серьезно, и очень серьезно. Можно съ ума сойти отъ радости, если хоть немножко любить

[1] Котляревскій, стр. 331—332.
[2] 10 изд., IV, 93.

искусство, русскій языкъ и честь своей литературы". Онъ издѣвается затѣмъ надъ языкомъ Гоголя, „неприличностью" отдѣльныхъ выраженій, „зловонностью" картинъ. „Ахъ, какой вы классикъ!" обращается онъ къ автору: „кто же теперь обращаетъ вниманіе на времена, на ясность, на правильность!.. Поэтъ — существо всемірное; онъ выше временъ, пространствъ и грамматики: отъ говоритъ въ стихахъ, въ прозѣ, или ни въ стихахъ, ни въ прозѣ; удивляйтесь поколѣнія! А понимай — кто можетъ и какъ можетъ!" Типы у Гоголя — карикатуры, не отвѣчающія дѣйствительности вообще, русской въ особенности. Всего хуже Плюшкинъ, невозможный въ Россіи. Продажа Чичикову душъ Собакевичемъ и Плюшкинымъ вызываетъ восклицаніе: „фуй! фуй!" и „ужасное негодованіе". „Какіе люди, какія понятія! И это, по-вашему, картина нравовъ и характеровъ Россіи, поэма изъ русской жизни, цвѣтки ея поэзіи!" Цѣлыя сцены (напр., балъ у губернатора) — плохіе каламбуры. Въ произведеніи систематически „унижаются русскіе люди". Сюжетъ избитъ и плохо разработанъ. Легко угадать продолженіе избитаго анекдота, легшаго въ основу поэмы: „Чичиковъ, во второй части, потребуетъ выдачи себѣ своей покупки отъ тѣхъ, которые продали ему мертвыя души, не упомянувъ въ купчихъ о томъ, что онѣ уже умерли. Онъ заведетъ съ ними процессъ, возьметъ съ нихъ по двѣ тысячи рублей за каждую или заставитъ ихъ выдать себѣ взамѣнъ четыреста живыхъ и здоровыхъ крестьянъ. Анекдотъ старый и всѣмъ извѣстный". Названіе такого произведенія поэмой — величайшая дерзость. Гоголь — ниже Поль-де-Кока. „При всей испорченности воображенія, при всей неблагопристойности сценъ, направленіе романа у Поль-де-Кока большею частью бываетъ нравственное. Въ его твореніяхъ вообще много сильнаго интереса. Въ твореніяхъ же вашего поэта вы не покажете мнѣ ничего подобнаго: они состоятъ изъ набора карикатуръ и гротесковъ, часто набросанныхъ съ большимъ юморомъ, но безъ связи между собою и безъ интереса для читателя".

Вслѣдъ за Сенковскимъ ополчились противъ Гоголя, конечно, Булгаринъ и Гречъ („Сѣверная Пчела", 1842, № 137). Критическая замѣтка открывается эпиграфомъ: „гора родила мышь". Славу Гоголя „раздули" его пріятели и поклонники. Новая поэма его не заслуживаетъ одобренія. Она смахиваетъ на „Ревизора" антихудожественнымъ и отталкивающимъ для патріота подборомъ однихъ отрицательныхъ типовъ. Прямо возмутительны

„наличность лишь однихъ негодяевъ и отсутствіе порядочныхъ людей, дурной тонъ и варварскій языкъ". „Чѣмъ же наполнены 475 большихъ страницъ этого тощаго содержаніемъ романа? Описаніемъ мѣстности, разныхъ сценъ его, изображеніемъ наружности дѣйствующихъ лицъ и ихъ разговорами, разными эпизодами, вставками, шуточками и прибаутками. Тутъ очень много забавнаго, смѣшного, зорко подмѣченнаго и счастливо переданнаго, много характернаго изъ низшихъ слоевъ нашей публики... Но все это утопаетъ въ какой то странной смѣси вздору, пошлостей и пустяковъ. Всѣ лица, выведенныя авторомъ на сцену, болѣе или менѣе каррикатурны... Нѣтъ ни одного порядочнаго, не говоримъ уже честнаго и благороднаго человѣка. Это какой то особый міръ негодяевъ, который никогда не существовалъ и не могъ существовать". Греча возмущаетъ помимо всего этого, „невѣроятность вымысла и равнодушіе къ своему таланту со стороны автора, который не возвышается даже до Поль-де-Кока".

Таковъ же отзывъ и Полевого („Русскій Вѣстникъ", 1842, № 6). То же сопоставленіе съ Поль-де-Кокомъ, также Диккенсомъ и Жоржъ Зандъ, которыхъ критикъ ставитъ очень низко. Гоголь не понялъ своего призванія, результатомъ чего и могли только появиться такія „уродливости", какъ „Мертвыя Души". „Изъ всего, что пишетъ и что о самомъ себѣ говоритъ г. Гоголь, можно заключить, что онъ превратно смотритъ на свое дарованіе. Покупая созданія свои тяжкимъ трудомъ, онъ не думаетъ шутить, видитъ въ нихъ какія то философски-гумористическія творенія, почитаетъ себя философомъ и дидактикомъ, составляетъ себѣ какую то ложную теорію искусства, и очень понятно, что, почитая себя геніемъ универсальнымъ, онъ считаетъ самый способъ выраженія, или языкъ свой, оригинальнымъ и самобытнымъ. Можетъ быть, такое мнѣніе о самомъ себѣ необходимо, по природѣ его, но мы не перестанемъ, однакожъ, думать, что при совѣтахъ благоразумныхъ друзей г. Гоголь могъ бы убѣдиться въ противномъ".

Еслибы „не сбили" Гоголя „съ панталыку" восхваленія друзей, онъ продолжалъ бы писать свои малорусскія сказки, веселыя и добродушныя, всего болѣе соотвѣтствующія его таланту. Но онъ вздумалъ писать произведенія, въ которыхъ нѣтъ, собственно, сюжета, зато много каррикатуръ. „Можно ли не пожалѣть, что прекрасное дарованіе г. Гоголя тратится на подобныя созданія! Мы уже не узнаемъ прежняго добродушнаго жартованья, прежней милой шутки, даже прежняго остроумія

нашего автора въ его каррикатурѣ, гдѣ герои кабаковъ и харчевенъ, пьяницы и мерзавцы намараны углемъ и сажею". Слогъ Гоголя „некрасивъ", сюжетъ бѣденъ; во всей поэмѣ не видно знанія „ни человѣка, ни искусства". „Кто же требуетъ отъ васъ... добродѣтельнаго человѣка? — Отъ васъ требуютъ только человѣка, и отказываются отъ несообразныхъ каррикатуръ, которыя вы изображаете намъ". Претензіи Гоголя „на глубокое познаніе человѣка" прямо „забавны"; самомнѣніе его смѣшно. „Еслибы мы осмѣлились взять на себя отвѣтъ автору отъ имени Руси, мы сказали бы ему: „милостивый государь! вы слишкомъ много о себѣ думаете, ваше самомнѣніе даже забавно, но мы сознаемъ, что у васъ есть дарованіе, и только то бѣда, что вы немножко сбиты съ панталыку! Оставьте въ покоѣ вашу вьюгу вдохновенія, научитесь русскому языку, да разсказывайте намъ прежнія ваши сказочки объ Иванѣ Ивановичѣ, о коляскѣ и носѣ, и не пишите ни такой галиматьи, какъ вашъ „Римъ", ни такой чепухи, какъ ваши „Мертвыя Души". Впрочемъ, воля ваша! Есть люди, которымъ и то, и другое нравится".

Приличнѣе и содержательнѣе отзывъ Масальскаго („Сынъ Отечества", 1842, кн. VI). Онъ признаетъ у Гоголя выдающійся талантъ (попавшій, однако, на ложную дорогу благодаря захваливаніямъ друзей и поклонниковъ) и красоты (тонущія, впрочемъ, въ массѣ каррикатуръ). „Всѣ лица автора, начиная съ героя, или шуты, или дураки, или подлецы, или невѣжды и ничтожные люди. Одна губернаторская дочь исключена изъ этого почтеннаго собранія, но и та не обрисована нисколько, ничего почти не говоритъ, ничего не дѣйствуетъ... Завязки въ поэмѣ нѣтъ никакой. Ни одно лицо не возбуждаетъ участія въ читателѣ. Интересъ поддерживается только желаніемъ узнать, для чего Чичиковъ скупаетъ мертвыя души... Это не романъ, и не поэма, а сатира въ лицахъ, переходящая иногда въ каррикатуру. Въ жизни мы видимъ безпрерывную борьбу добра со зломъ... Изобразите одно добро, картина ваша будетъ холодна и неестественна; изобразите одно зло — и въ картинѣ вашей не будетъ настоящей жизни".

Гоголя захвалили, и объ этомъ можно только пожалѣть. „И какъ послѣ этого не жалѣть, какъ не досадовать на льстецовъ автора, которые своими гиперболическими нелѣпыми похвалами произвели въ немъ самонадѣянность, ослѣпляющую автора до того, что онъ не видитъ въ произведеніяхъ своихъ явныхъ недостатковъ, бросающихся въ глаза каждому безпристрастному чита-

телю, — недостатковъ, которые были бы непростительны даже самому посредственному писателю, не только Гоголю". У него грязныя выраженія, балаганныя выходки, неправильный, часто „надутый" слогъ, неудачныя сравненія. Его можетъ постигнуть судьба Сумарокова, котораго неумѣренныя похвалы довели до дикаго, смѣшного самомнѣнія.

Всѣ эти критическіе отзывы не только характерны для нѣкоторой части нашей журналистики 30-хъ и 40-хъ годовъ, но и показываютъ, насколько „Мертвыя Души" шли вразрѣзъ съ установившимися литературными вкусами того времени, насколько Гоголь опередилъ въ своемъ творческомъ развитіи большинство своихъ современниковъ. У Булгарина и Сенковскаго были несомнѣнно свои счеты съ Гоголемъ; Полевой и Масальскій безусловно писали bona fide.

Но раздавались и противоположные голоса критиковъ болѣе чуткихъ, передовыхъ и образованныхъ. Къ нимъ особенно интересно прислушаться, и можно только пожалѣть, что, подавленные грандіозностью произведенія, они могли только слегка и отчасти затронуть всю полноту его содержанія.

Исходная точка статьи анонима въ „Литературной Газетѣ" (1842, № 23) — почти полное отсутствіе въ русской литературѣ положительныхъ типовъ и преобладаніе сатирической окраски. „Мертвыя Души" — ужасающая картина современной жизни". Въ Гоголѣ цѣнны его правдивость, рѣдкій даръ наблюдательности, исключительное умѣніе создавать характеры. Не нравятся рецензенту только „грязныя шуточки", мѣстами попадающіяся въ поэмѣ. Критикъ особенно выдвигаетъ значеніе Чичикова и заканчиваетъ его характеристику словами: „скажите по совѣсти, гдѣ вы не встрѣчали Чичиковыхъ? Погодите, дайте разойтись роману: подлинники Чичикова откликнутся вездѣ въ народѣ, въ гостиныхъ, въ литературѣ даже. Они признаютъ свой портретъ и не простятъ за него Гоголю".

Сорокинъ начинаетъ свою статью („С.-Петербургскія Вѣдомости", 1842, №№ 163—165) указаніемъ на споры, которые были вызваны въ литературѣ и обществѣ появленіемъ поэмы. Съ точки зрѣнія критика она имѣетъ много достоинствъ: авторъ обнаружилъ большую наблюдательность; его описанія природы глубоко-художественны; сатира отличается мѣткостью и остротою. Но нѣкоторыя изображенія его „смахиваютъ на каррикатуры", отдѣльныя выраженія и картины выходятъ за предѣлы приличій, въ его стилѣ есть много неровностей и непра-

вильностей. Юная жизнь, создавшаяся у насъ подъ вліяніемъ Европы, дала Чацкихъ, Онѣгиныхъ и Печориныхъ; устойчивыя переживанія „ветхой“ дѣйствительности нашей изображены Гоголемъ въ его поэмѣ, самомъ обширномъ по объему, поразительномъ по оригинальности и новизнѣ, выдержанности и разнообразію характеровъ, яркости и правдивости красокъ произведенію. „Мертвымъ Душамъ“ предстоитъ блестящая будущность. „Зоркій взглядъ опытнаго, глубокомысленнаго наблюдателя, проникающій въ природу, сердце и жизнь человѣка, рѣдкое умѣніе крупными, широкими чертами живописать страсти, изъ ихъ игры созидать характеры и изъ развитія сихъ послѣднихъ выводить дѣйствіе, воображеніе быстрое, дальновидное, всегда согрѣтое пламенемъ истиннаго чувства, острая, колкая сатира, по наружности забавная и смѣющаяся, но въ сущности глубоко грустная; языкъ иногда небрежный, но всегда живописный — вотъ черты, которыми болѣе или менѣе ознаменованы всѣ прежнія беллетристическія произведенія Гоголя и которыя всѣ отпечатлѣлись въ новой его поэмѣ. Нужно ли доказывать, что всѣ портреты и характеры съ удивительною полнотою и вѣрностью списываются имъ съ окружающей насъ природы?“ „Его находчивая фантазія находитъ... черты новыя и оригинальныя“ даже „въ избитой страсти“ Плюшкина.

По Плетневу („Современникъ“, 1842, т. XXVII) „Гоголь возвелъ характеръ искусства въ поразительное явленіе самой жизни“. Его поэма — высокій образецъ воплощенія дѣйствительности, самобытный и независимый, своеобразно соединяющій смѣшное съ серьезнымъ. Типы, кромѣ Манилова и Плюшкина, въ которыхъ замѣчается нѣкоторая аффектація, изображены мастерски. Въ языкѣ поэмы кое-гдѣ замѣчаются недосмотры. Ея основной смыслъ — въ „великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго жалкими страстями“. „Въ нашихъ русскихъ разговорахъ, мысляхъ и поступкахъ есть особенности національныя, но въ нихъ нѣтъ того, что придало бы имъ цѣнность общую и приводило бы ихъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста поэмы Гоголя, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художническаго мастерства Гоголя, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Въ этомъ, конечно,

Гоголь не виноватъ. Онъ возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само, да и притомъ у всѣхъ самыхъ великихъ писателей русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ". Нужно, однако, подождать конца поэмы. Очевидно, Плетневъ ждалъ отъ него великой побѣды Гоголя и былъ увѣренъ, что „Мертвыя Души" и для западнаго читателя получатъ „общественный интересъ".

Большая статья Мизко („Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя" — „Отечеств. Записки", 1843, ч. 27) направлена отчасти противъ Плетнева и доказываетъ, что „Мертвыя Души" представляютъ выдающійся общественный интересъ, такъ какъ „затрагиваютъ помѣщичью жизнь и нещадно бичуютъ ея темныя стороны". Идея ихъ — въ „высокогуманномъ взглядѣ поэта на жизнь и глубоко-національномъ пафосѣ". „Твореніе Гоголя... всесторонне касается русской жизни". Великая будущность Россіи „возможна только при одномъ условіи — при полномъ сознаніи своей грѣховности", и Гоголь, „пламенѣющій" къ родинѣ „не лицемѣрною, не безотчетною, а разумною любовью", всего больше сдѣлалъ для этого сознанія своею поэмою.

Шевыревъ („Москвитянинъ" 1842, ч. IV, №№ 3 и 8) ждетъ отъ Гоголя — въ будущемъ — выраженія „мысли всеобъемлющей, всемірной, всечеловѣческой, христіанской". Въ первомъ томѣ поэмы пока господствуетъ комическій юморъ автора; его реализмъ глубоко захватываетъ русскую дѣйствительность. Чичиковъ — герой своего времени; у него необыкновенный „поэтическій даръ вымысла средствъ къ пріобрѣтенію"; „въ его замыслѣ какая то геніальная бойкость, какая то удаль плутовства, фантазія и иронія, соединенныя вмѣстѣ". Столь же важны и характерны для русской жизни и остальные типы „Мертвыхъ Душъ". Смѣшное неуловимыми движеніями переходитъ въ серьезное и грустное. „Взгляните на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ? Сначала вы смѣетесь надъ Маниловымъ, смѣетесь надъ Коробочкой, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича, но, увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка! А герой поэмы? Много смѣшитъ онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и заводя всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка, не правда ли, что вы глубоко задумались? На-

конецъ, представимъ себѣ весь городъ N. Здѣсь, кажется, ужъ до-нельзя разыгрался комическій юморъ поэта, какъ будто къ концу тома сосредоточивъ всѣ свои силы". „Всѣ злоупотребленія, всѣ странные обычаи, всѣ предразсудки облекаетъ онъ одною сѣтью легкой смѣшливой иронiи. Такъ и должно быть... Но и тутъ даже, гдѣ смѣшное достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ авторъ, увлеченный своимъ юморомъ, отрѣшилъ мѣстами фантазію отъ существенной жизни... и здѣсь смѣхъ при концѣ смѣняется задумчивостью, когда среди этой праздной суматохи внезапно умираетъ прокуроръ, и всю тревогу заключаютъ похороны. Невольно опять припоминаются слова автора о томъ, какъ въ жизни веселое мигомъ обращается въ печальное".

Особенно сильный восторгъ по поводу „Мертвыхъ Душъ" высказалъ К. Аксаковъ („Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя" и т. д., М., 1842 и „Москвитянинъ", 1842, V, № 9). Онъ ставитъ Гоголя наряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ и выше всѣхъ другихъ поэтовъ. „Мертвыя Души" сходны съ „Иліадой" и „Одиссеей" и широтою содержанія, и пріемами, и общимъ характеромъ самого акта творчества. Въ нихъ „возникаетъ передъ нами древній эпосъ со своею глубиною и простымъ величіемъ... Тотъ же глубоко проникающій и все видящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое содержаніе". „Созерцаніе Гоголя — древнее, истинное, то же, какое у Гомера; изъ-подъ его творческой руки возстаетъ, наконецъ, древній, истинный эпосъ, надолго оставлявшій міръ, эпосъ самобытный, полный вѣчно свѣжей, спокойной жизни, безъ всякаго излишества. Чудное, чудное явленіе!" Содержаніе и герой поэмы „есть субстанція русскаго народа".

Эти преувеличенія и увлеченія не понравились Бѣлинскому, который ополчился противъ Аксакова, какъ одного изъ „изступленныхъ хвалителей Гоголя", и доказалъ ихъ неумѣстность [1]. Самъ великій критикъ не успѣлъ выполнить даннаго имъ обѣщанія — написать о „Мертвыхъ Душахъ" рядъ большихъ статей и высказался о нихъ только мимоходомъ.

Первое изданіе поэмы вызвало небольшую замѣтку (ib., стр. 246—258), въ которой Бѣлинскій, глубоко потрясенный чтеніемъ „великаго произведенія", успѣлъ только слегка намѣтить свою основную точку зрѣнія:

„Вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пу-

[1] Соч., VII, М., 1860, стр. 28—31; соч. подъ ред. С. А. Венгерова, т. VII, Спб., 1904, стр. 286—293, 326—339, 424—446.

стоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности, — вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта, — и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое". Въ немъ „глубокая, всеобъемлющая и гуманная субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостію ... которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ". „Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ „Мертвыхъ Душахъ" онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова".

Возражая Аксакову (ib., стр. 291), Бѣлинскій говоритъ: „мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его „Мертвыя Души" — великимъ произведеніемъ... Нельзя не дивиться его умѣнію оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическіе образы, его орлиному взгляду, которымъ онъ проникаетъ въ глубину тѣхъ тонкихъ и для простого взгляда недоступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣпая ограниченность видитъ мелочи и пустяки, не подозрѣвая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ вертится, увы! — цѣлая сфера жизни".

Въ „Литературномъ разговорѣ, подслушанномъ въ книжной лавкѣ" (ib., стр. 339) онъ беретъ, между прочимъ, подъ свою защиту слогъ Гоголя. „У Гоголя есть нѣчто такое, что заставляетъ не замѣчать небрежности его языка, — есть слогъ. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ;

его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово или другую фразу для выраженія этой мысли".

Сдержаннѣе отзывъ о второмъ изданіи поэмы (Соч., т. XI, М., 1861, стр. 69), предисловіе къ которому испугало Бѣлинскаго своимъ общимъ духомъ и въ особенности своимъ страннымъ обращеніемъ къ читателямъ [1].

„По нашему крайнему разумѣнію и искреннему, горячему убѣжденію, „Мертвыя Души" стоятъ весьма высоко въ русской литературѣ, ибо въ нихъ глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась съ удивительною художественностью образовъ, и этотъ романъ, почему то названный поэмою, представляетъ собою произведеніе столько же національное, сколько и высоко художественное. Въ немъ есть свои недостатки, важные и неважные. Къ послѣднимъ относимъ мы неправильности въ языкѣ, который вообще составляетъ столько же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его слогъ (стиль) составляетъ сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа „Мертвыя Души" находимъ мы почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ то прорицателемъ и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ. Къ счастію, число такихъ лирическихъ мѣстъ незначительно въ отношеніи къ объему всего романа, и ихъ можно пропускать при чтеніи, ничего не теряя отъ наслажденія, доставляемаго самимъ романомъ".

Поэма принесла Гоголю „славы дань, кривые толки, шумъ и брань", „изступленныя восхваленія" и „изступленныя хуленія", всего меньше — спокойное и трезвое признаніе его дѣйствительныхъ заслугъ.

Противорѣчія, даже сумбурность критическихъ статей еще болѣе увеличили тотъ внутренній разладъ, который уже назрѣлъ въ душѣ великаго писателя. И „Мертвыя Души" сдѣлались для него не только „подвижнической кельей", но и Голгоѳой его таланта.

„Гоголь пожелалъ въ одномъ цѣльномъ связномъ романѣ соединить всѣ свои наблюденія надъ русской жизнью, онъ задумалъ создать поэму, въ которой Россія предстала бы со всѣми ея пороками и добродѣтелями, ея тьмой и свѣтомъ. Но въ самый разгаръ ра-

---

[1] См. приложенія и примѣчанія къ настоящему тому.

боты надъ этимъ трудомъ онъ самъ начиналъ изнемогать отъ душевнаго разлада, которымъ болѣла его романтическая душа, не примирившаяся съ тѣми тѣневыми сторонами жизни, которыя ему были такъ хорошо видны. Отъ этого разлада пострадалъ, прежде всего, его талантъ бытописателя и реалиста, и художникъ успѣлъ закончить лишь первую часть задуманной имъ грандіозной работы. Но и этотъ отрывокъ былъ великъ силою своей художественной правды. Если авторъ не всегда выдерживалъ тонъ, начиналъ иногда проповѣдывать, вѣщать и наставлять, если въ компановкѣ романа и въ развитіи дѣйствія было нѣчто условное, напоминавшее пріемы старыхъ „нравоописательныхъ“ романовъ, если, наконецъ, многіе образы приближались къ типамъ слишкомъ общимъ и собирательнымъ, то зато какъ широка была сама картина, и сколько въ ней было детальныхъ этюдовъ, силуэтовъ, штриховъ, художественно передающихъ жизнь если не всѣхъ, то очень многихъ сословныхъ группъ того времени. Ни отъ одного памятника 30-хъ и 40-хъ годовъ не вѣяло такъ дыханіемъ жизни, какъ отъ „Мертвыхъ Душъ“, въ которыхъ хоть и не вполнѣ были исчерпаны всѣ внѣшнія формы нашего стараго помѣщичьяго и чиновнаго быта, зато схвачена его сущность, его главные стимулы и мотивы“ [1].

---

[1] Котляревскій, „Гоголь“, 429—430.

Похожденія Чичикова

или

Мертвыя Души.

Поэма.

Томъ первый.

Глава I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ, — словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ, и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали коекакія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. „Вишь ты“, сказалъ одинъ другому: „вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ то колесо, еслибъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?“ — „Доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. — „А въ Казань то, я думаю, не доѣдетъ?“ — „Въ Казань не доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой чело-

вѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною комодомъ, гдѣ устроивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, еслибъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устроиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ, какъ блинъ и, можетъ быть, такъ же замаслившимся, какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы — всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-сёмъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченый потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ сте-

клышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ — навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей, мозги съ горошкомъ, сосиськи съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой, по обыкновенію, отвѣчалъ: „ О, большой, сударь, мошенникъ!“ Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много

почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить съ слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы: онъ съ чрезвычайною точностію разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, — словомъ, не пропропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто проѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ, какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: „не нужно ли чего?“ Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой нумеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію.

На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: „Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ“. Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Домы были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой, какъ поле, улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: „Иностранецъ Василій Ѳедоровъ“ [1]; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: „И вотъ заведеніе“. Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ

[1] Подобныя вывѣски дѣйствительно бывали въ захолустныхъ и даже столичныхъ городахъ въ то время. См мою замѣтку въ „Истор. Вѣстн.“, 1902, февраль. *В. К.*

орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: „Питейный домъ“. Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что „городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день“, и что при этомъ „было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику“. Разспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую посединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой нумеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Ролла игралъ г. Поплевинъ, Кору — дѣвица Зяблова, прочія лица были и того

менѣе замѣчательны; однакоже, онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону — узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю насосную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну, и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь, какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ санов-

никовъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: „ваше превосходительство“, что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими то общими мѣстами, съ замѣтною скромностію, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначащій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать, наконецъ, мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подпершн ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ

манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала: коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали, — словомъ, все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій

гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, такъ же небрежно подсѣдали къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т. е. не такъ, чтобы слишкомъ толстые, однакожъ, и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ чортъ меня побери, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не за-

нимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ламбардъ; у толстаго спокойно глядь — и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ, толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ, наконецъ, присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ, какъ будто бы говорилъ: „пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что то скажу“, — человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка, — которые всѣ привѣтствовали его, какъ стариннаго знакомаго, на что Чичиковъ расклани-вался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ, не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ

на ногу, сказавши: „Прошу прощенія“. Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда, наконецъ, предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: „Пошла, старая попадья!“ если же король: „Пошелъ, тамбовскій мужикъ!“ А предсѣдатель приговаривалъ: „А я его по усамъ! А я ее по усамъ!“ Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: „А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!“ или же просто восклицанія: „черви! червоточина! пикенція!“ или: „пикендрасъ! пичурущухъ! пичура!“ и даже просто: „пичукъ!“ — названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: „Вы пошли“, но „вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку“, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіялки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали

въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе, какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: „И ко мнѣ прошу“, шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить ты. Съ полицеймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на ты и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицеймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты,

INSTITU
TY

который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленомъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вицъ-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который, впрочемъ, стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ — онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ, и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою — онъ показалъ, что ему небезызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ — и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели — и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина — и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ — и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ — что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты — что онъ знающій и почтенный человѣкъ;

полицеймейстеръ — что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полицеймейстера — что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комънибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: „Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!“ На что супруга отвѣчала: „Гм!“ и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

Глава II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ, онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить ло-

шадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ коегдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, немного времени и мѣста, потому что немного нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, тоесть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ,—онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; еслибы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою

какой то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался, да встряхивалъ головою, приговаривая: „Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню“. На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ быть, онъ говорилъ про себя: „И ты, однакожъ, хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...“. Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, — тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ

тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а все, однакожъ, нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, — а въ тотъ день случилось воскресенье, — выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: „Баринъ, подай сиротинкѣ!“ Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Небезъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся, наконецъ, по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій вересъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по снурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями,

въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и еслибы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ:

— Далеко ли деревня Заманиловка, — мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ:

— Маниловка, можетъ быть, а не Заманиловка?

— Ну, да, Маниловка.

— Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, тоесть, такъ прямо направо.

— Направо? — отозвался кучеръ.

— Направо, — сказалъ мужикъ. — Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, тоесть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный, въ два этажа, — господскій домъ, въ которомъ, то есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ

деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что въ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: „Храмъ уединеннаго размышленія“; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча[1] изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого то свѣтло-сѣраго цвѣта, — какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ сол-

[1] Палки, за которыя тянутъ бредень.

датъ, этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными, какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ [1] сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ, наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. — Насилу вы таки насъ вспомнили!

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какънибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно — черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ осо-

[1] Шерстяная матерія.

бенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: люди такъ себѣ, ни то, ни сё, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ, по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ, не можешь не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!“ Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, кото-

рая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ — у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: „Хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать“, — „Да, недурно“, отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. „Да, именно не дурно“, повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать“; „Ступай“, говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, еслибы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая то книжка, заложенная закладкою на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная

мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: „Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы“. Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: „Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель“. Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутнымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: „Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ“. Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій,

кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы — гость, — говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затруд-

няйтесь; пожалуйста, проходите, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему жъ образованному?.. Пожалуйста, проходите!

— Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего жъ?

— Ну, да ужъ оттого! — сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ, оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, — сказалъ Маниловъ. — Душенька! Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

— Да, — примолвилъ Маниловъ: — ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: „Да что же твой пріятель не ѣдетъ?“ „Погоди, душенька, пріѣдетъ“. А вотъ вы, наконецъ, и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете, — прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою: — все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ? — примолвила Манилова. — Пріятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, — отвѣчалъ Чичиковъ: — и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ? — прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда, — сказалъ Чичиковъ: — препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

— Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ, — присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и пріятный человѣкъ, — продолжалъ Чичиковъ: — и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ? — сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человѣкъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?

— Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!

— Ну, а какого вы мнѣнія женѣ полицеймейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, — отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? — сдѣлалъ, наконецъ, въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ, — отвѣчалъ Маниловъ. — Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, — продолжалъ Маниловъ: — другое дѣло, еслибы сосѣдство было хорошее, еслибы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое... — Здѣсь онъ еще что то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ:— тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь „Сынъ Отечества“.

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно,

прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеньи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавилъ Маниловъ: — все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! — прервалъ Чичиковъ. — Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ! Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія, сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ заластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента: — тогда чувствуешь какое то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что жъ за пріятный разговоръ?.. Ничтожный человѣкъ, и больше ничего, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостію отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, еслибы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше, — сказалъ Маниловъ.

— Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у

насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца! Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и, наконецъ, Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти! — сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ: — а который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть, — сказала Манилова.

— Ѳемистоклюсъ! — сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на юсъ; но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

— Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи?

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ:

— Парижъ.

— А у насъ какой лучшій городъ? — спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А еще какой?

— Москва, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— Умница, душенька! — сказалъ на это Чичиковъ. — Скажите, однакожъ... — продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. — Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!

— О, вы еще не знаете его! — отвѣчалъ Маниловъ: — у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ, букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Ѳемистоклюсъ! — продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему: — хочешь быть посланникомъ?

— Хочу, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя глѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ

прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову съ словами: „Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли“. На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: „Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда“.

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ, — сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. — Вотъ мой уголокъ, — сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комнатка, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табашницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, — сказалъ Маниловъ. — Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулѣ.

— Позвольте вамъ этого не позволить, — сказалъ Маниловъ съ улыбкою. — Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или не ради[1], но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою.

— Нѣтъ, не курю, — отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего? — сказалъ Маниловъ, тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается, и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... — проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. — Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да, ужъ давно; а лучше сказать—не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?

---

[1] Народная форма (вмѣсто „рады").

— А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившй бороду, ходившй въ сюртукѣ и, повидимому, проводившй очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный! сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

— Да какъ — сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ, — сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, на подобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ, — подхватилъ Маниловъ: — именно очень многіе умирали! — Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: — точно, очень многіе.

— А какъ, напримѣръ, числомъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ? — подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно, — сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову: — я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти, — сказалъ Чичиковъ: — и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно, — сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: — Слушаю! — и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно? — спросилъ, по уходѣ приказчика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе что то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ, наконецъ, услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ... — сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ, — сказалъ Маниловъ: — какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, — сказалъ Чичиковъ: — я желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые, — сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе

нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ, Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого: напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь? — замѣтилъ Чичиковъ.

— Я?... нѣтъ, я не то, — сказалъ Маниловъ: — но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ, — подхватилъ Чичиковъ: — нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то есть, тѣ души, которыя точно уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ — чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ носовыя ноздри.

— Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости, — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ! — сказалъ Чичиковъ. — Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня — дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ — и больше ничего.

— Можетъ быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то есть, критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція, — такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?...

— Я полагаю, что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего, — сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ? — сказалъ опять Маниловъ и остановился. — Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, еслибы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. По-

бужденный признательностію, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь.

— Очень не дрянь, — сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова: — Еслибъ вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ? А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ горемыкѣ!... — Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руки и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, еслибы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать? — сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька, — сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ: — Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу, — отвѣчала Манилова.

— Сударыня! Здѣсь, — сказалъ Чичиковъ: — здѣсь, вотъ гдѣ, — тутъ онъ положилъ руку на сердце: — да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня бо́льшаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ.

— А знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль: — какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, еслибы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!...

— О, это была бы райская жизнь! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. — Прощайте, сударыня! — продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой. — Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены! — отвѣчалъ Маниловъ. — Я съ вами разстаюсь не долѣе, какъ на два дни.

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки! — сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. — Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ? — продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

— Парапанъ, — отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ, — такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!

Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, останьтесь, Павелъ Ивановичъ! — сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. — Посмотрите, какія тучи.

— Это маленькія тучки, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

— Объ этомъ хочу спросить васъ.

— Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру. — Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію разсказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ вы.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ:

— Потрафимъ, ваше благородіе, — и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ, вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись не-

замѣтно къ другимъ предметамъ и, наконецъ, занеслись, Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

Глава III.

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны,. ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному

коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого то засѣдателя, трудился отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе.

— Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю! — говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца. — Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой — почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель — тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ! — Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: — У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!... — Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ. — Эй, вы, любезные! — и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: — Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить — съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколѣской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался, наконецъ, въ самыя отдаленныя отвлеченности. Еслибы Чи-

чиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ, громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: „Эй, вы, други почтенные!“ и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ

грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По разсчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая — хоть глазъ выколи.

— Селифанъ! — сказалъ онъ, наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ? — отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нѣтъ, баринь, нигдѣ не видно! — Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ — пѣсню не пѣсню, но что то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчами; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?— сказалъ Чичиковъ.

— Да что жъ, баринъ, дѣлать, время то какое; кнута не видишь, такая потьма! — Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь! — кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ, — говорилъ Селифанъ. — Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не

опрокину. — Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и, наконецъ, выворотилъ ее совершенно на-бокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія:

— Вишь ты, и опрокинулась!

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ, — сказаль Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это не хорошее дѣло — быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, — въ томъ нѣтъ худого, и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ? — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно, — отвѣчалъ на все согласный Селифанъ: — коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему жъ не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился только тогда, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ, и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, еслибы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:

— Кто стучитъ? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать, — произнесъ Чичиковъ.

— Вишь, ты какой востроногій, — сказала старуха: — пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

— Что жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время, — прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дуракъ. — сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой? — сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово дворянинъ заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать.

— Погодите, я скажу барынѣ, — произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ пономарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это, наконецъ, повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая то женщи-

на помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими то птицами; между оконъ — старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки, и держатъ голову нѣсколько на-бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ.

— Ничего, ничего! — сказала хозяйка. — Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть

чего-нибудь, да пора то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣніемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова? — сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди, или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль

мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи: гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья!— сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ. — Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ.

Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также, съ своей стороны, покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно поднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть, — обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять; въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и, наконецъ, вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычи-

щенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ, — окно же было очень близко отъ земли, — заболталъ ему что то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно: „желаю здравствовать“, на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на-бокъ, какъ будто къ чему то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка, и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ перегораживалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ;

ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ — гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. — Да у ней деревушка не маленькая, — сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? — сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что то навязано.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. — Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ

и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ, канцелярія — не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! „Да это не Иванъ Петровичъ“, говоришь, глядя на него. „Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется“. Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Пет-

ровичъ! „Эхе, хе, хе!“ думаешь себѣ... Но, однакожъ, обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, — сказала хозяйка: — да бѣда, времена плохія: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ, мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ?—спросила помѣщица:— вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка! — отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: — чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато — полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! —

сказала старуха, вздохнувши. — И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ — подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ то загорѣлось, чрезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: — противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко, и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны, какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ? — сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще, сверхъ того, дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка съ разстановкой: — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, еслибы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этого то я не думаю! Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

„Ну, баба, кажется, крѣпколобая!“ подумалъ про себя Чичиковъ.

— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! — подхватила помѣщица. — Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста, да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ, что ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову — двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... эхъ, какія вы! что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они уже мертвые.

„Экъ ее, дубинно-головая какая“, сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. „Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!“ Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ, какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резинный мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.

— Вы, матушка, — сказалъ онъ, — или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?

— По 12-ти рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей Богу, продала.

— Ну, видите ль? Такъ зато — это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души — дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да не серебромъ, а все синими ассигнаціями. — Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

— Право, — отвѣчала помѣщица: — мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А, можетъ, въ хозяйствѣ то какъ-нибудь подъ случай понадобятся... — возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!— воскликнула она, вся поблѣднѣвъ.—Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду ... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!— сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду ...

Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настастью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ:

— Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацiей! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу, — говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.

— Какъ же! Протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ, — сказала Коробочка.

Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненiй, самъ даже взялся сочинить.

„Хорошо бы было“, подумала между тѣмъ про себя Коробочка: „еслибы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ

пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ не много". Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненье мысль насчетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. „Экъ уморила какъ, проклятая старуха!" сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ; потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами, визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно сбоку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что

навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, — сказала она, подсѣвши къ нему. — Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ не мало. — Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: „Экой длинный!“ Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени — „Коровій Кирпичъ“, иной оказался просто: „Колесо Иванъ“. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка.

Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки[1], шанишки[2], пряглы[3], блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со снятточками, и ни вѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! — сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ? — сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настастья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны, — сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня то ихъ хорошо пекутъ, — сказала хозяйка, — да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная ... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? — проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ, — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.

---

[1] Пирожки.
[2] Родъ ватрушки.
[3] Пышки, оладьи.

— Такъ ужъ, пожалуйста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, — говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете? — сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ.

— Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать? — сказала хозяйка. — Разсказать то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму [1] съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ

[1] Шарообразный деревянный сосудъ съ узкимъ горломъ для меду и варенья.

долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная — мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: „Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли, — мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

— А вотъ бричка, вотъ бричка! — вскричалъ Чичиковъ, увидя, наконецъ, подъѣзжавшую свою бричку. — Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея! — сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью: — покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ, помѣстился, сказавши:

— А, теперь хорошо! Прощайте, матушка! — Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалося съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: „Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!“ и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни любезные, ни почтенные. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и

широкимъ частямъ. „Вишь ты, какъ разнесло его!“ думалъ онъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами. „Небось знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ, или подъ брюхо захлыстнетъ“.

— Направо, что ли? — съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу, — отвѣчала дѣвчонка.

— Куда жъ? — сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

— Вотъ куды, — отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ ты! — сказалъ Селифанъ. — Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши:

— Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе? — спросилъ Селифанъ.

— Трактиръ, — сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами доѣдемъ, — сказалъ Селифанъ: — ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы:

— Эхъ ты, черноногая!

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела восвояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

Глава IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растегаемъ или кулебякой съ сомовьимъ плесомъ [1], такъ что вчужѣ пронимаетъ аппетитъ, — вотъ эти господа, точно, пользуются за-

[1] См. Соч. Гоголя, 10 изд., т. VI, стр. 454: плесъ — хвостъ у сома, весь изъ жира.

виднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, нижѐ имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: „Сюда пожалуйте!“ Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ немало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленныя гладко сосновыя стѣны, трехугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ — четыре глаза, а вмѣсто лица какую то лепешку, наконецъ, натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ, и больше ничего.

— Поросенокъ есть? — съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаною?

— Съ хрѣномъ и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ — холостой или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ.

— А! Собакевича знаешь? — спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ повеликатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печонка, то и бараньей печонки спроситъ, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ зато все съѣстъ, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній

кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый — просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними колескѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіе немногихъ минутъ они, вѣроятно, бы разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано, и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, ба-

кенбардами. Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба! — вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ обѣ руки при видѣ Чичикова. — Какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить ты, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздилъ? — говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: — А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно! — Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку. — Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку. — Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища. — А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. „Ну, смотри“, говорю, „если мы не встрѣтимъ Чичикова“. Ну, братъ, еслибъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ... — Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой. — А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ, — продолжалъ Ноздревъ: — именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.

— Ты, однако, и тогда такъ говорилъ, — отвѣчалъ бѣлокурый: — а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.

— И не просадилъ бы! Ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле[1] на проклятой семеркѣ утку[2], я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожъ, не сорвалъ, — сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во-время. А ты думаешь, маіоръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо или не хорошо, однакожъ, онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность! — сказалъ Ноздревъ: — этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ[3], такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ ни было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ ... Какъ начали мы, братецъ, пить ... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. „Принеси-ка, братъ“, говоритъ, „бурдашки!“ Поручикъ Кувшинниковъ...

---

[1] Выигрывается втрое.
[2] Прибавка въ игрѣ на разъ или на два.
[3] Не отдѣлять отъ выигрыша, и пускать вдвое. (См. Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, 459.)

Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать: въ вино мѣшаетъ всякую дрянь: сандалъ, жженую пробку, и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но зато, ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое ... что предъ нимъ губернаторское? — просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое то кликоматрадура; это значитъ — двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ? — розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ — нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь, — замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?

— Къ чему же объ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну, да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не

разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ [1], и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну, что бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ эдакой! Поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что онъ мнѣ, или я ему? Онъ пріѣхалъ, Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу ... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros. Въ фортунку [2] крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, еслибъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши [3], и чортъ знаетъ, чего не было ... Я думаю себѣ только: „Чортъ возьми!“ А Кувшинниковъ, то есть, это такая бестія, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты ... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ: „попользоваться насчетъ клубнички“. Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ, — хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

— А я къ человѣчку къ одному, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, что человѣчекъ? брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!

— Нельзя, нельзя; есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподельдокъ Ивановичъ!

---

[1] Азартная карточная игра (Halbzwölf или Ландскнехтъ).
[2] Лоттерея.
[3] Оборки.

— Право, дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ: „Экъ его разобрало!“

— Что жъ тутъ смѣшного? — сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: „Ой, пощади! право, тресну со смѣху!“

— Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово, — сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ: „Для васъ только; всю ярмарку“, говоритъ, „обыщите, не найдете такого“. Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. „Вы“, говорю, „съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!“ Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю. — Эй, Порфирій! — закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая

что то изъ брички. — Эй, Порфирій! — кричалъ Ноздревъ: — принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову. — Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева ... — Чичиковъ, впрочемъ, отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

— Баринъ! ничего не хотите закусить? — сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?

— Анисовая, — отвѣчала старуха.

— Ну, давай анисовой, — сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужъ и мнѣ рюмку! — сказалъ бѣлокурый.

— Въ театрѣ одна актриса такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, „вотъ“, говоритъ, „братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!“ Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею. — Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась. — А, давай его сюда! — закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго съ щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамаслянѣй.

— Давай его, клади сюда на полъ!

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

— Вотъ щенокъ! — сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

— Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, — сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка: — и не подумалъ вычесать его?

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою.

— Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы! — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвиши: — Да, хорошая будетъ собака.

— А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою.

Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши:

— Хорошее чутье.

— Настоящій мордашъ, — продолжалъ Ноздревъ: — я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.

„А что жъ“, подумалъ про себя Чичиковъ, „заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало быть, у него даромъ можно кое-что выпросить“.

— Изволь, ѣдемъ, — сказалъ онъ: — но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Постой же! я тебя поцѣлую за это. — Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались. — И славно: втроемъ и покатимъ!

— Нѣтъ, ты ужъ пожалуйста меня то отпусти, говорилъ бѣлокурый: — мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ; не пущу.

— Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку — словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ! — сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и — бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили, — сказала старуха.

— А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуйста. У меня нѣтъ ни копейки въ карманѣ!

— Сколько тебѣ? — сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка? двугривенникъ всего, — сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ, — сказала старуха, однакожъ взяла деньги съ благодарностію и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стоила водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясчонка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ ты. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье

ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случится, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то всетаки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или провретъся самымъ жестокимъ образомъ, такъ, что, наконецъ, самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе, наконецъ, всѣ отходятъ, произнесши: „Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить“. Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда

вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой колежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только, да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстроивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: „Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь“. Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду — насколько хватало денегъ. Впро-

чемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ — съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посереди̇нѣ столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдого жеребца, на видъ и не казистаго, но за

котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десяти тысячъ ты за него не далъ, — замѣтилъ зять. — Онъ и одной не стоитъ.

— Ей Богу, далъ десять тысячъ, — сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь, — отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ? — сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волчонка, бывшаго на привязи.

— Вотъ волчонокъ! — сказалъ онъ: — я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ. — Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усомниться. — Я тебѣ, Чичиковъ, — сказалъ Ноздревъ: — покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ [1], просто, наводитъ изумленіе, щитокъ [2] — игла! — и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ [3], и чисто-псовыхъ [4], всѣхъ воз-

---

[1] Мускулы на заднихъ ногахъ.
[2] Вѣроятно, щипокъ или щипецъ, острая морда борзой собаки.
[3] Густая и длинная шерсть по всей собакѣ.
[4] Тонкая и мягкая шерсть (на хвостѣ и лижкахъ).

можныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ[1], черныхъ съ подпалинами[2], полво-пѣгихъ[3], муруго-пѣгихъ[4], красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ — хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ, — порхающій, по чудному выраженію русскаго мужика.

— А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница, — сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ, — сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле: — русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.

---

[1] Искрасна-черная, съ чернымъ рыломъ.
[2] Съ красной мордой.
[3] По бѣлому желтыя пятна.
[4] По желтому черныя пятна.

— Ну, русака ты не поймаешь рукою, — замѣтилъ зять.

— А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ! — отвѣчалъ Ноздревъ. — Теперь я поведу тебя посмотрѣть, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: — границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами [1] и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ бо́льшая, а гдѣ ме́ньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоящую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

— Вотъ граница! — сказалъ Ноздревъ: — все что ни видишь по эту сторону, — все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ — все мое.

— Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ? — спросилъ зять. — Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.

— Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я

---

[1] Заброшенная пахатная земля.

былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну, развѣ приказчикъ, — сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: Мастеръ Савелій Сибиряковъ. Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ же, провертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснею: Мальбругъ въ походъ поѣхалъ; а Мальбругъ въ походъ поѣхалъ неожиданно завершался какимъ то давно знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою то графинею, гдѣ то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной сюперфлю, — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно,

что поваръ руководствовался болѣе какимъ то вдохновеньемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась — совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, — словомъ, катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, „лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ“. Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принесть какую то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо, и налѣво, и зятю, и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ, однакоже, какъ то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить

съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни, ни! не пущу! — сказалъ Ноздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду, — говорилъ зять: — ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу: жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право, нужно, доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну, ее, жену, къ!... важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь? у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня! какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ: что въ немъ проку? — сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

— А и вправду! — сказалъ Ноздревъ, — смерть не люблю такихъ разстепелей! — и прибавилъ вслухъ: — Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, ветюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ветю-

комъ [1], — отвѣчалъ зять: — я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что̀ видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все разсказать... такая, право, милая.

— Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу. — Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь! — говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. — Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной не дуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтиться. Θетюкъ, просто θетюкъ!

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина, неизвѣстно, откуда взявшуюся, колоду картъ.

— А что, братъ, — говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: — ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиковъ прикинулся, какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ:

---

[1] Θетюкъ – слово обидное для мужчины, происходитъ отъ Θ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою.

Прим. Гоголя.

— А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба?

— Ну, да ужъ дай слово!

— Изволь.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?

— Ну, есть; а что?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ?

— Ну, да мнѣ нужно.

— Да на что?

— Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло, — словомъ, нужно.

— Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что?

— Да что жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя.

— Да зачѣмъ же они тебѣ?

— Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!

— Да къ чему жъ ты не хочешь сказать?

— Да что же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто, такъ, пришла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ.

— Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что.

„Что бы такое сказать ему?“ подумалъ Чичиковъ и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ,

что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки.

— Врешь, врешь! — сказалъ Ноздревъ, не давши окончить: — врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ.

— Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямѣе, — сказалъ онъ, поправившись: — только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ недостаетъ...

— Ну, врешь! врешь! — закричалъ опять Ноздревъ.

— Ну, вотъ ужъ здѣсь, — сказалъ Чичиковъ: — ни вотъ на столько не солгалъ, — и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однакожъ, это обидно! Что же я такое въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?

— Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ — позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамиліарнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

— Ей Богу, повѣсилъ бы, — повторилъ Ноз-

древъ: — я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказалъ Чичиковъ, съ чувствомъ достоинства: — если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы, — и потомъ присовокупилъ: — не хочешь подарить, такъ продай.

— Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?

— Эхъ! да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Что онѣ у тебя, брилліантовыя, что ли?

— Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, что жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на что жъ мнѣ жеребецъ? — сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

— Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!

— Ну, купи каурую кобылу!

— И кобылы не нужно.

— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.

— Да не нужны мнѣ лошади.

— Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.

— Такъ лучше жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая[1] съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ — земли не задѣнетъ!

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей.

— Да зачѣлъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще! — Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и не увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ.

— Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

---

[1] Породистая, съ усами и торчащей шерстью.

— Ну, вотъ еще! А я то въ чемъ поѣду?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка.

— Эхъ, его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ! — подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души — все вмѣстѣ.

— Не хочу! — сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отчего жъ ты не хочешь?

— Оттого, что, просто, не хочу — да и полно.

— Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня не нужную?

— Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности, — говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отчего жъ неизвѣстности? — сказалъ Ноздревъ. — Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастіе, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье! — говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору. — Экое счастье! экое счастье! Вонъ: такъ

и колотитъ! Вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: „чортъ тебя побери, продавай, проклятая!“

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отчего жъ ты не хочешь играть? — сказалъ Ноздревъ.

— Ну, оттого, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отчего жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ:

— Потому что не охотникъ.

— Дрянь же ты!

— Что жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Ѳетюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору.

— Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай — не отдамъ. Такой шильникъ [1], печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

---

[1] Жила, выжига.

— Лучше бъ ты мнѣ, просто, на глаза не показывался! — сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ то кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель:

— Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого роду, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ — человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить, чортъ знаетъ, что, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Не хорошо, не хорошо. „Просто, дуракъ, я!“ говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія то маленькія, пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: „А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!“ Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

— Такъ себѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ, — говорилъ Ноздревъ: — такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей, ей! И вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь: — штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

„Да“, подумалъ про-себя Чичиковъ: „хорошо бы, еслибъ тебя отодрали на-яву“.

— Ей Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одѣвайся; я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца приказчика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро выйти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь? — сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши: — не хочешь играть на души?

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить, — изволь, куплю.

— Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ

знаетъ чего. Въ банчикъ — другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь — твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!

— Напрасенъ трудъ: я не буду играть.

— Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.

„Сѣмъ-ка я, — подумалъ про себя Чичиковъ, — сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться“.

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю.

— Души идутъ въ ста рубляхъ!

— Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.

— Нѣтъ, что жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку къ часамъ.

— Ну, изволь! — сказалъ Чичиковъ.

— Сколько же ты мнѣ дашь впередъ? — сказалъ Ноздревъ.

— Это съ какой стати? Конечно, ничего.

— По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.

— Не хочу: я самъ плохо играю.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! — сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ! — говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! — сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ! — говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! — сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не бралъ я въ руки!.. Э, э! Это, братъ, что? отсади-ка ее назадъ! — говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку то, — сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ. — Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола: — съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ — по три шашки вдругъ!

— Отчего жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.

— А другая то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, что пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ — гдѣ мѣсто? — сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши: — да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

— За кого жъ ты меня почитаешь? — говорилъ Ноздревъ: — стану я развѣ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, — говорилъ Ноздревъ, горячась: — игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.

— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать, — сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

— Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.

— Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть.

— Такъ ты не хочешь играть?

— Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.

— Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть? — говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

— Не хочу, — сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай поближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій, Павлушка! — кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ

Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь оканчивать партіи? — говорилъ Ноздревъ. — Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— Партіи нѣтъ возможности оканчивать, — говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи? — повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ, какъ въ огнѣ.

— Еслибъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но теперь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его! — кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

— Бейте его! — кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. — Бейте его! — кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: „Ребята, впередъ!“ какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. „Ребята, впередъ!“ кричитъ онъ, порываясь, не помышляя,

что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ, и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ, ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги, и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?— сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю

честь говорить? — сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

— Капитанъ-исправникъ.

— А что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу? — сказалъ Ноздревъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ.

— Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.

— Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

Глава V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками; но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ. „Экъ, какую баню задалъ! Смотри ты какой!“ Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія

слова. Что жъ дѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ! Къ тому жъ дѣло было совсѣмъ нешуточное. „Что ни говори, — сказалъ онъ самъ въ себѣ: — а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы, какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени!“ Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

„Экой скверный баринъ! — думалъ про себя Селифанъ: — я еще не видалъ такого барина. То есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство“.

Кони тоже, казалось, думали невыгодно объ Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: „Эхъ ты, подлецъ!“, но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо, когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно, — не хорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней, и почти надъ головами ихъ раздался крикъ сидѣвшихъ въ колескѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера:

— Ахъ, ты, мошенникъ эдакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: „сворачивай, ворона, направо!“ Пьянъ ты, что ли?

Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь:

— А ты что такъ разскакался? Глаза то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?

Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ колескѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца: ея тоненькія ушки такъ же сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы — все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами.

— Отсаживай, что ли, нижегородская ворона! — кричалъ чужой кучеръ. Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ

обстоятельствѣ чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастію, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика — сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь, — только, сколько ни хлысталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ: „Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!“ Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ то было: ничего не пособилъ дядя Митяй. „Стой, стой! — кричали мужики: — садись-ка, ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!“ Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною, какъ уголь, бородою и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится

сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. „Теперь дѣло пойдетъ, — кричали мужики. — Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго, — что онъ корячится, какъ корамора[1]? Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ, кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась, какъ что то похожее на видѣнье, и опять осталась — дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ,— вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ пле-

[1] Корамора — большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топырится, или корячится, какъ говоритъ народъ.
Прим. Гоголя.

тется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша — гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только что начавшій жизненное поприще — и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. „Славная бабёшка!“ сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. „Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо? — Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то есть именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выйти и дрянь, — и выйдетъ дрянь! Вотъ пусть-

ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается, наконецъ, сама, и кончится тѣмъ, что станетъ, наконецъ, врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что!“ Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: „А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка“. Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіе хлопотни около экипажей, не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла — одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темно-сѣрыми или, лучше, дикими стѣнами, — домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со

вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ — удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожъ срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ[1], рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ поспатки, въ какомъ то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское — круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и

[1] Гладко вытесанныхъ.

ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: „Прошу!“ и повелъ его во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: „живетъ!“ Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ:

— Не побезпокоилъ ли я васъ?

Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на

кресла, сказавши опять: „прошу!“ Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно, какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась, и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

— Это моя Ѳеодулія Ивановна, — сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, — продолжалъ Собакевичъ: — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: „Прошу!“ и сдѣлавъ движеніе головою,

подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ[1] платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, креслы, стулья — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: „И я тоже Собакевичъ!“ или: „И я тоже очень похожъ на Собакевича!“

— Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора: — въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя, — отвѣчалъ Собакевичъ.

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой? — сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что масонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

---

[1] Изъ тонкой овечьей шерсти.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:

— Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. — Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ, — продолжалъ онъ. — Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много. — Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойничье! — сказалъ Собакевичъ. — Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копейку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога.

„Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ“, подумалъ про себя Чичиковъ. „А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, кажется, другъ его“.

— Впрочемъ, что до меня, — сказалъ онъ: — мнѣ признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что то простосердечное.

— Мошенникъ! — сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: — продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть

порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Что жъ, душенька, пойдемъ обѣдать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказалъ Собакевичъ.

За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ, — что то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ-роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками. — Этакой няни, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, — вы не

будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ, что подадутъ!

— У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья-поваръ, что выучился у француза, кота, обдеретъ его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу, какую ты непріятность говоришь! — сказала супруга Собакевича.

— А что жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ, да, въ супъ! туда его!

— Ты за столомъ всегда эдакое разскажешь, — возразила опять супруга Собакевича.

— Что жъ, душа моя, — сказалъ Собакевичъ: — еслибъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: — это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діэту — лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все... — Здѣсь Собакевичъ даже сер-

дито покачалъ головою. — Толкуютъ — просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина — всю свинью давай на столъ, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ. — Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

— Да, — подумалъ Чичиковъ, — у этого губа не дура.

— У меня не такъ, — говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки: — у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Мошенникъ, — отвѣчалъ Собакевичъ. — Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Вправду? — подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ: — и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ! — воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе. — Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ! — сказалъ Собакевичъ. — Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ, — отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ, что все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами:

— Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: — рѣдька, вареная въ меду!

— А вотъ мы его послѣ! — сказалъ Собакевичъ. — Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ:

— Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ, — и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка пригнулъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства, и

отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность, и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что, однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ взносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все по-прежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— Итакъ?.. — сказалъ Чичиковъ, ожидая, не безъ нѣкотораго волненія, отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? — спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да, — отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: — несуществующихъ.

— Найдутся; почему не быть... — сказалъ Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать, — сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

„Чортъ возьми!“ подумалъ Чичиковъ про себя: „этотъ ужъ продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!“ И проговорилъ вслухъ:

— А, напримѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...

— Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку, — сказалъ Собакевичъ.

— По сту! — вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

— Что жъ, развѣ это для васъ дорого? — произнесъ Собакевичъ, и потомъ прибавилъ: — А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?

— Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу — это самая красная цѣна!

— Экъ куда хватили — по восьми гривенокъ!

— Что жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.

— Вѣдь я продаю не лапти.

— Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.

— Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дамъ, а больше не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну!

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невозможно сдѣлать, — говорилъ Чичиковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь? — сказалъ Собакевичъ: — право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

— А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, про-

несло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

— Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А Еремѣй Сорокоплехинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.

— Но, позвольте, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: — зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ пословица.

— Да, конечно, мертвые, — сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ: — впрочемъ, и то сказать: что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? — мухи, а не люди.

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта.

— Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту! — Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратіона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся

слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго, знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремитъ взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники: и нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

— Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать, — сказалъ Чичиковъ.

— Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями — право, только для знакомства!

„Что онъ въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ про себя Чичиковъ: „за дурака, что ли, принимаетъ меня?“ и прибавилъ потомъ вслухъ:

— Мнѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое то театральное представленіе, или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто — фу, фу! Что жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?

— Да, вотъ, вы же покупаете; стало быть, нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильныя не мѣшаюсь, — это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика, — сказалъ Чичиковъ.

— Экъ, право! Затвердила сорока Якова — одно про всякаго, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!

„Ну, ужъ чортъ его побери!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!“

— Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа!

„Экой кулакъ!“ сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою:

— Да что въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ будто точно сурьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ ни по чемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки, — я это говорю между нами, по дружбѣ, — не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

„Вишь, куды мѣтитъ, подлецъ!“ подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ:

— Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите — прощайте!

„Его не собьешь, не податливъ!“ подумалъ Собакевичъ.

— Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!

— Позвольте, позвольте! — сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

— Прошу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!— Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться, и дѣлать разныя штуки на вопросы: „А покажи, Миша, какъ бабы парятся?“ или: „А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?“

— Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово. — Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ: — Хотите — уголъ[1]?

— То есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копейки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая жъ ваша будетъ послѣдняя цѣна?— сказалъ, наконецъ, Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубли дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убы-

[1] Четверть сотни, 25 руб.

токъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно: „Экъ наградилъ то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ бараньяго бока съ кашей, закусивши вотрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои — тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты

казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: „Дай-ка, себя покажу!“ Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно... Эхъ, еслибы всѣ кулаки!“ ...

— Готова записка! — сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда! — Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости, — словомъ: любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйте же задаточекъ, — сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все, знаете, такъ ужъ водится, — возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Что́ жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписку.

— Да на что жъ вамъ расписка?

— Все, знаете, лучше расписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги.

— На что жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишете расписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать расписку? Прежде нужно видѣть деньги.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка то старенькая, — произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ: — немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.

„Кулакъ, кулакъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „да еще и бестія въ придачу!“

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: кто любитъ попа, а кто попадью, говоритъ пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами, — говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

— Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать: коли выберется свободный часикъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу.

„Да, какъ бы не такъ!“ думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. „По два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!“

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянь взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

„Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ!“ проговорилъ онъ сквозь зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи: но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, попавши гдѣ то на дорогѣ претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

— Эй борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ, чтобъ не мимо господскаго дома?

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

— Что жъ, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

— Эхъ, ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрягу Плюшкина не знаешь, — того, что плохо кормитъ людей?

— А! заплатанной, заплатанной! — вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову заплатанной, очень удачное, но

неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду, и много уѣхали впередъ, однакожъ, все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно россійскій народъ! И если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куды бываетъ мѣтко все то, что́ вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что̀ не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ паспортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами, разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его часть собственнаго своего

характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

Глава VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что̀ носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города, — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невыданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шед-

шаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ [1] на бѣговыхъ дрожкахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ [2] или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! — вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицею, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно,

[1] Родъ поддевки.
[2] Бусы, ожерелье.

мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движенье въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, — словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъза избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго: цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ.

Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой — опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ, и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшотку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круг-

лился въ воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители [1], темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ [2], густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ

---

[1] Верхняя часть колонны.

[2] Мелкій, кривой, дряхлой лѣсъ, кустами поросшій отъ корней, объѣденный скотомъ.

только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что̀ создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній, — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура — баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. „Ой, баба!“ подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ:

„Ой, нѣтъ!“ — „Конечно, баба!“ наконецъ, сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказалъ онъ, выходя изъ брички: — что баринъ? ...

— Нѣтъ дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: — А что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! — сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ старинным серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюрѣ, выложенномъ перламутною мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ

мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ[1] какого то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ трехугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки: замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо,

[1] Гравюра.

еслибы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не бреетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣньемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что жъ баринъ? У себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, — сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? — повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы то, что ли? — сказалъ ключникъ. — Эхва! А вить хозяинъ то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и ню-

хаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, еслибы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы [1] загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной [2]. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки [3],

[1] Верхній этажъ надъ амбарами, ледниками и т. д.
[2] Все съѣдобное, всякая овощь.
[3] Ушатъ, бочка, раздѣленная надвое

ушаты, лагуны [1], жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники [2], куда бабы кладутъ свои мочки [3] и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. — Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! — говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда то, у того то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семья-

---

[1] Ведро съ покрышкой.
[2] Овальная, деревянная коробка для веретенъ и т. д.
[3] Мыканныя изъ льну.

нинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скуности. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого, кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ то

наскоро въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился, Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился въ мѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ, на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его, болѣе и болѣе, главныя части хо-

зяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и, наконецъ, бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить: къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по-прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя, и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который

глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не

говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что то пробормоталъ сквозь губы, — ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: „А побралъ бы тебя чортъ съ своимъ почтеніемъ!“ Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: „Прошу покорнѣйше садиться!“

— Я давненько не вижу гостей, — сказалъ онъ: — да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

„Вонъ оно какъ!“ подумалъ про себя Чичи-

ковъ: „хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока“.

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! — продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!

— Мнѣ, однакоже, сказывали, — скромно замѣтилъ Чичиковъ: — что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенной кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила? — воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, — сказалъ Плюшкинъ: — да лихъ то, что съ того времени, до ста двадцати наберется.

— Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать? — воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать. седьмой десятокъ живу! — сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, воскли-

цаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь, — сказалъ Плюшкинъ. — Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говоритъ — родственникъ: „Дядюшка, дядюшка!“ и въ руку цѣлуетъ; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику[1], чай, на-смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и, наконецъ, спросилъ:

— Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: — служилъ по статской.

— По статской? — повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. — Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой: — вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости,

---

[1] Водка.

что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. — Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!..— Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые, и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... — сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. — Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

„Ну, ты, я думаю, устоишь!“ подумалъ про себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прики-

дывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ:

— Эй, Прошка!

Чрезъ минуту было слышно, что кто то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ, дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Еслибы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. — Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. — Поставь самоваръ, — слышишь? — да вотъ возьми ключъ,

да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарь то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ то вѣникомъ, чтобы для вкуса то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. — Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: „Вѣдь чортъ его знаетъ; можетъ быть, онъ, просто, хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ!“ А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ:

— Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ —

такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? — Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Плюшкинъ: — мошенница-ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ то повынулъ, и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! — сказалъ Плюшкинъ. — Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: „Дядюшка“, говоритъ, „дайте чего-нибудь поѣсть!“ А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть. — Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ, вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?.. А домъ то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ — или воръ, или

мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю! — вскричалъ онъ. — Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!.. Такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И конечно, къ нему!

— Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, — сказалъ онъ: — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные! — Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ: — Мавра, а Мавра! — На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь не-

большого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да понамаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти то тебя и припекутъ! Скажутъ: „А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина то обманывала!“ да горячими то тебя и припекутъ!

— А я скажу: „Не за что! ей Богу не за что: не брала я...“ Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:

— Ну, что жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчу; сало — дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ко мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но, наконецъ, убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою то заплѣснѣвшею жидкостью и

множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, еслибы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: „здѣсь погребенъ человѣкъ“; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля, — сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо: — которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя? — быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а еслибы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А, ей Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ,

что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

„Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ“, сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали? — спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копеекъ за душу.

— А какъ вы покупаете — на чистыя?

— Да, сейчасъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты то моей, уже дали бы по сорока копеекъ.

— Почтеннѣйшій! — сказалъ Чичиковъ: — не только по сорока копеекъ, по пятисотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу — почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А, ей Богу, такъ! Ей Богу, правда! — сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее: — все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему жъ не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ; по пяти копеекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копеекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копейки пристегните.

— По двѣ копеечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили — семьдесятъ?

— Нѣтъ, всего наберется семьдесять восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копеекъ за душу, это будетъ... — Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ: — это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копеекъ! — Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать расписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а, можетъ быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? — сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать.

— Да, мнѣ пора! — произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

— Какъ же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ

дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ! А письмо то предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой бочонокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. „Я ему подарю“, — подумалъ онъ про себя: — „карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые, — немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ“, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія: — „лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ“.

Но герой нашъ, и безъ часовъ, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное пріобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ чело-

вѣкъ! Конечно, еще подъѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и, наконецъ, затянулъ какую то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ: „Вишь ты, какъ баринъ поетъ!“ Были уже густыя сумерки, когда подъѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно, и, казалось, самые предметы перемѣшалися тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка взъѣхала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-гдѣ только начинали освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія то, казалось, женскія восклицанія: „Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!“ или: „Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!..“ Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій

образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ, бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ со свѣчою въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка пріѣзду барина — неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность, на этотъ разъ, какъ будто нѣсколько прояснилась.

— Долго изволили погулять, — сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

— Да, — сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу. — Ну, а ты что?

— Слава Богу, — отвѣчалъ половой, кланяясь. — Вчера пріѣхалъ поручикъ какой то военный, занялъ шестнадцатый номеръ.

— Поручикъ?

— Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдыя лошади.

— Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо! — сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ: — Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!

— Да я ихъ отпиралъ, — сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ силь-

Гоголь на репетиціи „Ревизора“.

По акварели П. А. Каратыгина (не 1835 г., какъ подписано, а 1836 г.).

ную усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣдаютъ ни геморроя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

Глава VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками — и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ оку-

рилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта [1]: ибо не признаётъ современный судъ, что равно

[1] Отголоски журнальныхъ нападокъ на Гоголя.

чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаётъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаётъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаётъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, протянулъ руки и ноги, и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего нахо-

дилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья. „Вотъ, посмотри“, говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою: „какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!“ — Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ, выѣхавшій на слѣдствіе, неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подьячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: Тысяча восемьсотъ такого то года; потомъ вслѣдъ за тѣмъ мелкими: помѣщикъ такой то, и все, что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые, точно, были когда то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а, можетъ быть, и просто были хорошими мужиками, то какое то странное, непонятное ему самому чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой то особенный характеръ, и черезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ

почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостію въ слогѣ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностію; ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано: „хорошій столяръ“, къ другому приписано: „дѣло смыслитъ и хмельного не беретъ“. Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только, какого то Ѳедотова, было написано: „отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ“. Всѣ сіи подробности придавали какой то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: „Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?“ И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать: „Эхъ какой длинный, во всю строку разъѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или середи дороги переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ? — Пробка Степанъ, плотникъ, трезвости примѣрной. — А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а, можетъ, и государственную зашивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ. Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для боль-

шаго прибытку подъ церковный куполъ, а, можетъ быть, и на крестъ потащился и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о-земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: „Эхъ, Ваня[1], угораздило тебя!“ а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто. — Максимъ Телятниковъ, сапожникъ. Хе, сапожникъ! Пьянъ, какъ сапожникъ, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ[2]. А какъ кончилось твое ученье: „А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ“, сказалъ ты: „да не такъ, какъ нѣмецъ, что̀ изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю“. И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ то въ-три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: „Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!“ — „Это что̀ за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ!“ Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда — неизвѣстно; но такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть, не Елизавета, а Ели-

[1] См. выше — Степанъ.
[2] Пріятелемъ.

заветъ. Однакоже, онъ это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ. — „Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай, какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!“ —„А вы что, мои голубчики?“ продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина: „вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку? то же, что и мертвые. И гдѣ то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ, да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю? — Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны. — Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. „Чей ты?“ говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо. — „Такого то и такого то помѣщика“, отвѣчаешь ты бойко. „Зачѣмъ ты здѣсь?“ говоритъ капитанъ-исправникъ. — „Отпущенъ на оброкъ“, отвѣчаешь ты безъ запинки. „Гдѣ твой пашпортъ?“ — „У

хозяина, мѣщанина Пименова". — „Позвать Пименова! Ты Пименовъ?" — „Я Пименовъ". — „Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?" — „Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта". — „Что жъ ты врешь?" говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. — „Такъ точно", отвѣчаешь ты бойко: „я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю". — „Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?" — Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта". — „Что жъ ты опять врешь?" говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ. „Гдѣ жъ твой пашпортъ?" — „Онъ у меня былъ", говоришь ты проворно: „да, статься можетъ, видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его". — „А солдатскую шинель", говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо: „зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?" — „Никакъ нѣтъ", говоришь ты, не сдвинувшись: „въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался". — „А почему же шинель нашли у тебя?" — „Не могу знать: вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее". — „Ахъ, ты бестія, бестія!" говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. „А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму". — „Извольте! я съ удовольствіемъ", отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно какихъ то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и разспрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и гово-

ришь, осматривая новое обиталище: „Нѣтъ, вотъ весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше“. — „Абакумъ Ѳыровъ! Ты, братъ, что? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?..“ Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики, между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки, и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

„Эхе, хе! двѣнадцать часовъ!“ сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, взглянувъ на часы. „Что жъ я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то ни съ того, ни съ другого, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!“ Сказавши это, онъ перемѣнилъ

свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя о-де-колономъ, взялъ въ руки теплый картузъ и бумаги подъ мышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать, — опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанью, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и неловко: все-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія, и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ, какъ, на самомъ поворотѣ въ переулокъ, столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ — это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ

благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

— Это что?

— Мужички.

— А! — Онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка. — Славно написано — сказалъ онъ: — не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?

— Ну, ужъ не спрашивайте,—сказалъ Маниловъ.

— Вы?

— Жена.

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.

— Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста — большой трехъэтажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностію каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извозчичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными над-

писями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ второго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды и въ ту жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руку со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ, принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать, какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто, какую то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлявшуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на-бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганьи земли или описке имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ по-

мѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ, подъ его покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: „Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!“ — „Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!“ Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: „На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши“. Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили: — Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

— А что вамъ нужно? — сказали оба чиновника, обратившись.

— А мнѣ нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

— Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ: гдѣ; а такъ нельзя знать.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

— Послушайте, любезные, — сказалъ онъ: — я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ: а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ.

Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой то старикъ, перемѣчавшій какія то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: — здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою:

— Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.

— А гдѣ же?

— Это въ крѣпостной экспедиціи.

— А гдѣ же крѣпостная экспедиція?

— Это у Ивана Антоновича.

— А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: — здѣсь крѣпостной столъ?

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слыхалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ, — не то, что молодой болтунъ и вертопляс. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитьи кувшиннымъ рыломъ.

— Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція? — сказалъ Чичиковъ.

— Здѣсь, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить.

— А продавцы на-лицо?

— Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.

— А просьбу принесли?

— Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?

— Да, сегодня!.. Сегодня нельзя, — сказалъ Иванъ Антоновичъ: — Нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній.

— Впрочемъ, что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...

— Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ: бываютъ и другіе, — сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ заковыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ: — Другіе тоже не будутъ въ обидѣ; я самъ служилъ, дѣло знаю...

— Идите къ Ивану Григорьевичу, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, голосомъ нѣсколько поласковѣе: — Пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ, и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

— Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся, — приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ, и давно лѣзла оттуда подкладка, за что и

получилъ въ свое время коллежскаго регистратора, — прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли однѣ только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поворотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую, какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зерцаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, что сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавца, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже, онъ поблагодарилъ предсѣдателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ:

— А ваше какъ здоровье?

— Слава Богу, не пожалуюсь, — сказалъ Собакевичъ. И точно не на что было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ.

— Да вы всегда славились здоровьемъ, — ска-

залъ предсѣдатель, — и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человѣкъ.

— Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ, — отвѣчалъ Собакевичъ.

— Мнѣ кажется, однакожъ, — сказалъ предсѣдатель: — вы бы тоже повалили медвѣдя, еслибы захотѣли выйти противъ него.

— Нѣтъ, не повалю, — отвѣчалъ Собакевичъ: — покойникъ былъ меня покрѣпче. — И, вздохнувши, продолжалъ: — Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь, что̀ за жизнь? Такъ какъ то себѣ...

— Чѣмъ же ваша жизнь не красна? — сказалъ предсѣдатель.

— Не хорошо, не хорошо! — сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою. — Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хоть бы горло заболѣло, вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это. — Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

„Экъ его!“ подумали въ одно время и Чичиковъ, и предсѣдатель: „на что вздумалъ пенять!“

— Къ вамъ у меня есть письмецо, — сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

— Отъ кого? — сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, воскликнулъ: — А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человѣкъ! А теперь...

— Собака, — сказалъ Собакевичъ: — мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Извольте, извольте, — сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо: — я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?

— Теперь, — сказалъ Чичиковъ: — я буду про-

сить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города; я принесъ и крѣпости, и просьбу.

— Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ,— сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ: — Иванъ Антоновичъ здѣсь?

— Здѣсь! — отозвался голосъ изнутри.

— Позовите его сюда!

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

— Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...

— Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ, — подхватилъ Собакевичъ, — нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куданибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ — они всѣ даромъ бременятъ землю.

— Именно, именно! — сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

— Еще я попрошу васъ, — сказалъ Чичиковъ, — пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку, — сыномъ протопопа отца Кирилла; онъ служитъ у васъ же.

— Какъ же, пошлемъ и за нимъ! — сказалъ предсѣдатель: — все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить. — Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженьемъ большого удовольствія и, наконецъ, сказалъ: — Такъ вотъ какъ! Этакимъ то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы пріобрѣли.

— Пріобрѣлъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Благое дѣло! Право, благое дѣло!

— Да, я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности. — Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и по-дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: „Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!“ Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

— Да что же вы не скажете Ивану Григорьевичу, — отозвался Собакевичъ: — что̀ такое именно

вы пріобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто, золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева.

— Нѣтъ, будто и Михѣева продали? — сказалъ предсѣдатель — Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ...

— Кто, Михѣевъ умеръ? — сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись. — Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. На-дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать.

— Да, Михѣевъ славный мастеръ, — сказалъ предсѣдатель: — и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.

— Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ, — вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ! — А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: — А такъ, просто, нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру! — Засимъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ: — Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума.

— Но позвольте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ предсѣдатель, — какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводъ?

— На выводъ.

— Ну, на выводъ — другое дѣло; а въ какія мѣста?

— Въ мѣста... въ Херсонскую губернію.

— О, тамъ отличныя земли! — сказалъ пред-

сѣдатель и отозвался съ большою похвалою насчетъ рослости тамошнихъ травъ.

— А земли въ достаточномъ количествѣ?

— Въ достаточномъ, — столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

— Рѣка или прудъ?

— Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть.

Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ ненарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: „Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!“

Пока продолжались разговоры, начали мало-по-малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не верхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентовыхъ и за припечатку въ Вѣдомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого то другого просителя.

— Итакъ, — сказалъ предсѣдатель, когда все

было кончено, — остается теперь только вспрыснуть покупочку.

— Я готовъ, — сказалъ Чичиковъ. — Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, еслибы для эдакого пріятнаго общества да не раскупорить другую, третью бутылочку шипучаго.

— Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ, — сказалъ предсѣдатель, — это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что, господа? Покамѣстъ что, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру; онъ у насъ чудотворецъ: ему стоитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистишку.

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованьи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову:

— Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую.

— Да вѣдь какіе крестьяне? — отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ: — препустой и преничтожный народъ, и половины не стоитъ.

Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

— А почемъ купили душу у Плюшкина? — шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

— А Воробья зачѣмъ приписали? — сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

— Какого Воробья? — сказалъ Собакевичъ.

— Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву „ъ“ поставили на концѣ.

— Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ, — сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались, наконецъ, гурьбой до дому полицеймейстера. Полицеймейстеръ, точно, былъ чудотворецъ: какъ только услышалъ онъ, въ чемъ дѣло, въ ту жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: „понимаешь?“ а ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзалися въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, — это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки 9-типудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы [1], маслянцы [2], взваренцы [3]. Полицеймейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противу своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хоть дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ то чрез-

[1] Маленькіе пирожки съ мясомъ и лукомъ.
[2] Комки тѣста, опущенные въ растопленное масло.
[3] Вареные фрукты.

вычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ придти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: „Что, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку“. — „Да, Алексѣй Ивановичъ“, отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: „нужно бы“. — „Ну, братъ, Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя; попробуемъ“. Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ; „Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!“ Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: „Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ!“ Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ „хоть оно и возьметъ, но зато ужъ никакъ тебя не выдастъ“.

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей, и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, — какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, — приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый

свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣстъ тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что, когда полицеймейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши: „А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведенье природы?“ подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенья природы оставался всего одинъ хвостъ; а Собакевичъ пришипился [1] такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилкою въ какую то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпитъ, какъ читатели, можетъ быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ:

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ — избу только выхолаживать: на порогъ да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?

— Женимъ, женимъ! — подхватилъ предсѣдатель. — Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, по-

[1] Притворился, сдѣлалъ видъ.

пали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ.

— Что жъ? зачѣмъ упираться руками и ногами, — сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ: — женитьба еще не такая вещь, чтобы того ... была бы невѣста.

— Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, что хотите!..

— А коли будетъ ...

— Браво, остается! — закричали всѣ: — виватъ, ура, Павелъ Ивановичъ! ура!

И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечокался со всѣми. „Нѣтъ, нѣтъ, еще!“ говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечокались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться: перечокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнеся въ изліяніи сердечномъ; „Душа моя! маменька моя!“ и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: „Ахъ ты такой и эдакой, камаринскій мужикъ!“

Послѣ шампанскаго, раскупорили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ — объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя, въ другое время, сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ сти-

хахъ, Вертера къ Шарлоттѣ [1], на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ: „Ступай раздѣвать барина!“ Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣсѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько времени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галлереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ-де завалился спать — можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ, от-

[1] „Страданія молодого Вертера“ Гёте.

несши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостиницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ: и бривших, и не бривших бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и во фризовой шинели. Что дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлыя четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ, одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а, можетъ быть, въ людской, если не на конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ, неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все угомонилось, и гостиница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой то пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, повидимому, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ под-

ходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

Глава VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. „Конечно“, говорили иные: „это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой“. — „Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ; но переселеніе то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы, ни двора — убѣжитъ, какъ дважды два, навострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь“. „Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу“. — „Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія“. — „Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто

не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ то и есть мораль, тутъ то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Уже было не мало такихъ примѣровъ, — просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже". — „Никогда, никогда", говорилъ управляющій казенными фабриками: „повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова, и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльника". — „Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя". — „Да, найдете управителя: всѣ мошенники!" — „Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ". — „Это правда!" подхватили многіе. — „Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель". Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5,000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ: „Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?" Но предсѣдатель сказалъ: „Нѣтъ, не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для

мужиковъ Чичикова!“ Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія насчетъ того, какъ искоренять буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученья.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побѣждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденья крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію, и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно — пронеслись слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они все были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого то особеннаго простодушія и короткости: „Любезный другъ, Илья Ильичъ!“... „Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!..“ „Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ“. Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: „Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?“ Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть „Людмилу“ Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостію, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: „Боръ заснулъ, долина спитъ“ и слово: „чу!“ такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для большаго сходства, онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы „Ночи“ и „Ключъ къ таинствамъ натуры“ Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, „уснастить“ рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ то: „судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ“, и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащи-

валъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто „Московскія Вѣдомости“, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ тюрюкъ, то есть, человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежные — чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но, вообще, они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ то близкимъ, — тѣмъ болѣе Чичиковъ, съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: „Ну, недѣльку, еще одну недѣльку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!“ словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), кокорое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны останавливаетъ его неограниченное почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ

другой стороны... съ другой стороны, просто, трудно. Дамы города N были... нѣтъ, никакимъ образомъ, не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно — совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется — развѣ слова два о наружности, да о томъ, что поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, — именно за то, что одна изъ нихъ какъ то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, — оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались „во взаимномъ нерасположеніи“, по выраженію городского свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступниче-

ствѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что̀, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, что называютъ другое-третье, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что̀ происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ другое-третье или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла? Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: „я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула“, а говорили: „я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка“. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: „этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ“; и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: „этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя“, или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; зато ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма

опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово милліонщикъ, — не самъ милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни се, ни то, и на людей хорошихъ, словомъ — на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ разсчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда, узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже во многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но зато таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо. При этомъ было сказано какъ то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины, — что онъ больше ничего, какъ что то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостиномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ

ярмарки и не сходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни, у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло [1], которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то есть, поближе къ паперти, чтобъ какънибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: „Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!“ Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: „Что̀ жизнь наша? — Долина, гдѣ поселились горести. Что́ свѣтъ? — Толпа людей, которая не чувствуетъ“. Затѣмъ, писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню — оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

[1] Круглыя складки.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо и, наконецъ, сказалъ: „Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!“ Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось сурьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ: „А письмо очень, очень кудряво написано!“ Потомъ, само собою разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашенье на балъ къ губернатору — дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. Зато, можетъ быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыб-

кою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ, онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: „Ахъ ты, мордашка эдакой!“ и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки или повязывая галстукъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцовалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ, и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему навстрѣчу, — кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: „А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...“ Но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою. „Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!“ Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицеймейстера; по-

лицеймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откупщику, откупщикъ — архитектору... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфектный билетъ, а въ другой болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ, и болонку, — только завизжала собачонка, — словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится, и онъ самъ изволилъ, наконецъ, пошутить, то есть, произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ — смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услыхали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налѣво, по обыкновенію своему, нѣсколько на-бокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндою и нанесли съ собою цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ

кверху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины[1], атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать — до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: „Эй, улечу! Жаль только, что не подыму съ собой красавицу!“ Таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностію: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ поцѣлуя, эѳирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ скромностей. Эти скромности скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя,

[1] Дешовая шолковая мягкая матерія.

которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе, — словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: „Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!“ Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя — таково свойство губернскаго города: гдѣнибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: „Которая, однакоже, сочинительница письма?“ и высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхуновскій, Беребендовскій — все поднялось и понеслось...

— Вона! пошла писать губернія! — проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое, — у, какое тонкое!.. — Нѣтъ, — сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ: „женщины, — это такой предметъ...“ — здѣсь онъ и рукой махнулъ: „просто, и говорить нечего! Поди-ка, попробуй разсказать или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза

ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ — и поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, разсказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный — Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ — такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантерная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!“

Виноватъ! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній — по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ; и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, — словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего,

какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ, наконецъ, сказалъ: „Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!“ Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не прозошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ да-

мами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій, — которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ, — что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы:

— А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..

Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона, — въ духѣ того, что „неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?“ Герой нашъ поворотился въ ту жъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ, невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся овалomъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ

случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ, что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери? — сказала губернаторша, — институтка, только что выпущена.

Отъ отвѣчалъ, — что уже имѣлъ счастіе нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ, отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ; а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что то; и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; она силится припомнить, что позабылъ онъ: не платокъ ли? но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все, кажется, при немъ, а между тѣмъ какой то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ все-

му, что ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію: „Позволено ли намъ, бѣднымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?“ — „Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?“ — „Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?“ Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ не учтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ, — я говорю, у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ, — есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: „Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!“ или: „какой правильный, очаровательный лобъ!“ У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: „Ахъ какія чудесныя у этой плечи!“ а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянутъ, если же и взглянутъ, то какъ на что то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ

и показать во всемъ блескѣ превосходство того что у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на-бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что то неземное. Одна очень любезная дама, — которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцовать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите [1] въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги, — не вытерпѣла, однакоже, и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала ужъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спинъ, наконецъ, доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ, несмотря ни на что: откупщикъ получилъ отъ него такой толчокъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступилъ и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сгаравшую желаніемъ пу-

[1] Неудобство, затрудненіе.

ститься летать по паркету. А ужъ тамъ, въ сторонѣ, четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и армейскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, отвертывая такіе па, какіе и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожъ онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не сѣменилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви; даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то есть, не такъ чтобы толстые, однакожъ и не то, чтобы тонкіе, способны были къ любви; но при всемъ томъ здѣсь было что то такое странное, что то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ то вдали; скрипки и трубы нарѣзывали гдѣ то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которыэ означались въ какихъ то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ; но слово поэтъ будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ то въ родѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но ... Здѣсь, къ величайшему прискорбію, надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ, Богъ знаетъ, что разскажетъ: или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Симбирской губерніи, у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳедора Ѳедоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ Пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: свояче-

ница его Екатерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Ѳедоровна и Эмилія Ѳедоровна; въ Вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна, съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софьей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не нравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо, ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало быть, поздно.

Негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и милліонщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что то марсовское и военное; но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши — пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю погибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ

нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ, какой то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась пренепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей коекакія въ разныя времена случившіяся исторійки и даже коснулся было греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостиной, гдѣ производилась игра посильнѣе, чѣмъ въ обыкновенный вистъ, своей ли волею, или вытолкали его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, уже таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рома, вралъ немилосердо. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то есть оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣе удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судіею въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между

тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо навстрѣчу.

— А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! — кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. — Что? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство, — горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: — онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство, — продолжалъ Ноздревъ: — какъ сказалъ онъ мнѣ: „продай мертвыхъ душъ“, я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь ... не правда ли, прокуроръ!

Но прокуроръ, и Чичиковъ, и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, что отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ, нимало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь:

— Ужъ ты, братъ, ты, ты ... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я ... Вотъ и его превосходительство здѣсь ... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, — вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: „Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ до-

роже, отецъ родной, или Чичиковъ?“ скажу: „Чичиковъ“, ей Богу ... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе [1]. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!

Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождены такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но смертный — право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: „Посмотрите, какую ложь распустили!“ А другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: „Да это совершенно пошлая ложь, нестоящая никакого вниманія!“ И вслѣдъ за тѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ

---

[1] Поцѣлуй.

съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: „Какая пошлая ложь!“ И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это не стоитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно, точь-въ-точь, какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную, вонючую лужу; словомъ — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога. Конечно, почтмейстеръ и предсѣдатель, и даже самъ полицмейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамываетъ, знаемъ, кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, несмотря на то, что общество за столомъ было пріятное, и что Ноздрева давно уже вывели ибо сами даже дамы, наконецъ, замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандалезно. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ

хватать за полы танцующихъ, что было уже ни на что не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфектами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки — все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостію предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же неспокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая то тягостная пустота оставалась тамъ. „Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!“ говорилъ онъ въ сердцахъ, „Ну, чему съ дуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Эхъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата.

Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны [1], провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: „балъ, балъ, веселость!“ Просто, дрянь балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, что такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво... Все изъ обезьянства! все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно, какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, что изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, еслибы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, что такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь“.

---

[1] Дамскія платья — robe ronde.

Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованья. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но — страненъ человѣкъ: его огорчало сильное нерасположенье тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ, и насчетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся пріискать лучше какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ, который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется, чортъ знаетъ, куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, — пусть, молъ, его знаетъ, что такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся

родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и безсонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посинѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ быть, плелась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка, неизвѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками [1], скородумками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ [2] и пирогъ разсольникъ [3] выглядывали даже наверхъ. Запятки

[1] Сдобныя ватрушки.
[2] Съ курицей.
[3] Съ курицей, гречневой кашей, рубленными яйцами и разсоломъ.

были заняты лицомъ лакейскаго происхожденія, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью, — лицо, извѣстное подъ именемъ малаго. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ спросонья, что стало мочи: „Кто идетъ?“ но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, оставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади, то и дѣло, падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ, поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычкахъ и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, и хватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ, проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, колежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, — несмотря на то, что лошади не были подкованы, — и тамъ узнать навѣрно,

почемъ ходятъ мертвыя души, и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, въ-три-дешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

Глава IX.

Поутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голубыми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ [1], сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по откинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру: „Пошелъ!“ Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она, наконецъ, не вытерпѣла не сказать: „Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!“ Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе: „Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!“ Наконецъ, цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣ-

[1] Дамское верхнее платье.

раго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшоткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшоткою котораго находившіяся тоненькія деревпа побѣлѣли отъ никогда не сходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы опять не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей — опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непремѣнно найдется съ какомъ-нибудь углу нашего государства, — благо велико, — кто-нибудь, носящій его, и непремѣнно разсердится не на животъ, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположенье въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, — это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: „Вѣдь я тоже человѣкъ, стало быть, я тоже глупъ“; словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостья, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно — дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться лю-

безною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась — ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала — ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то есть пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее — просто пріятная дама. Пріѣздъ гостьи разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостья освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понеслись по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ,— и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется, голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжала ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ.

— Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ, — говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. — Вотъ такъ! вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка! — Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ. — Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто то подъѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: „вице-губернаторша", а я говорю: „Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать", и уже хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома...

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость, но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

— Какой веселенькій ситецъ! — воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Ѳедоровна однакоже, находитъ, что лучше, еслибы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоски все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Милая, это пестро.

— Ахъ, нѣтъ! не пестро!

— Ахъ, пестро!

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна

къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ не пестро, и вскрикнула:

— Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ.

— Какъ не носятъ?

— Намѣсто ихъ фестончики.

— Ахъ, это не хорошо — фестончики!

— Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эполетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало въ старину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.

— Ну, ужъ это, просто: признаюсь! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движеніе головою съ чувствомъ достоинства.

— Именно, это ужъ, точно: признаюсь! — отвѣчала просто пріятная дама.

— Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

— Я сама тоже... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить.

— Такъ у васъ развѣ есть выкройка? — вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенья.

— Какъ же, сестра привезла.

— Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святого.

— Ахъ, я ужъ дала слово Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея.

— Кто жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.

— Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.

— Она вамъ тетка, еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходитъ — вы мнѣ хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вамъ наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

— Ну, что жъ нашъ прелестникъ? — сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой! что жъ я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ? — Тутъ дыханіе гостьи сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

— Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его, — говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною: — а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!

— Да послушайте только, что я вамъ открою...

— Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ

совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ.

— Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапель истоаръ [1], — говорила гостья съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму. Итакъ, станемъ продолжать по-русски.

— Какая же исторія?

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! еслибы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, протопопша, отца Кирилы жена, и что бы вы думали? нашъ то смиренникъ, пріѣзжій то нашъ, каковъ, а?

— Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?

— Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что разсказала протопопша. Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ,

[1] Такъ называемая исторія.

раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: „Отворите, отворите, не то — будутъ выломаны ворота!..“ Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?

— Да что Коробочка? развѣ молода и хороша собою?

— Ничуть, старуха.

— Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться.

— Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина [1] и требуетъ: „Продайте“, говоритъ, „всѣ души, которыя умерли“. Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: „Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя“. — „Нѣтъ“, говоритъ, „онѣ не мертвыя; это мое“, говоритъ, „дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!“ кричитъ — „не мертвыя!“ Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ, — ну, просто, оррёръ [2], оррёръ, оррёръ!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. „Голубушка барыня“, говоритъ мнѣ Машка: „посмотрите въ зеркало, вы блѣдны“. — „Не до зеркала“, говорю, „мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ“. Въ ту жъ минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Гри-

---

[1] Знаменитый итальянскій разбойникъ, романическій герой.
[2] Ужасъ.

горьевна! еслибъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!

— Это, однакожъ, странно, — сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, — что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. „И теперь“, говоритъ Коробочка: „я не знаю“, говоритъ, „что мнѣ дѣлать. Заставилъ“, говоритъ, „подписать меня какую то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я“, говоритъ, „неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю...“ Такъ вотъ происшествія! Но только еслибы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что то другое.

— Я, признаюсь, тоже, — произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: — А что жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?

— Ну, какъ вы думаете?

— Какъ я думаю?.. Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши насчетъ этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и оттого, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

— Ну, слушайте же, что такое эти мертвыя души, — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванѣ, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенья.

Такъ русскій баринъ, собачей и іора [1]-охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный [2] доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

— Мертвыя души... — произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

— Что, что? — подхватила гостья, вся въ волненьи.

— Мертвыя души!..

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это, просто, выдумано только для прикрытья, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула она, всплес-

---

[1] Безпутный.
[2] Отогнать воротить въ поле.

нувъ руками, — ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло, — отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

— Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ.

— Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность.

— А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...

— Манерна нестерпимо.

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ.

— Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.

— Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть.

— Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.

— Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна: она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ.

— Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.

— Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!

— Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

— Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу! — сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

— Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна, — продолжала пріятная дама, — я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему: „Посмотрите, какая она блѣдная!“ Право, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ.

— Да, однакоже, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.

— Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандальозностей никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.

— Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе.

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ раждалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое словцо: „Вотъ, молъ, тебѣ! На, возьми, съѣшь!“ Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

— Я не могу, однакоже, понять только того, — сказала просто пріятная дама, — какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

— А вы думаете — нѣтъ ихъ?

— А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?

— Ну, да хоть и Ноздревъ.

— Неужели Ноздревъ?

— А что жъ? вѣдь его на это станетъ. Вы знаете: онъ родного отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты.

— Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости

я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!

— А я всегда предполагала.

— Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните Чичиковъ только что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ[1] въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, еслибы вы знали, какъ я перетревожилась! Еслибы не ваша благосклонность и дружба... вотъ уже, точно, на краю погибели... куда жъ? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть: „Душечка барыня“, говоритъ мнѣ: „вы блѣдны, какъ смерть“. — „Машка“, говорю, „мнѣ не до того теперь“. Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то есть, въ которомъ часу и прочее, но многаго захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь — это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія, — попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что прежде предположили только, какъ одно предположеніе, — въ этомъ ничего нѣтъ необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти

[1] Первый шагъ.

такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденіи. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ чодлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: „Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая то страна?“ или: „Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?“ или: „Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?“ Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно — и разсужденіе заключено словами: „Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!“ Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры — и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, какъ обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ, съ вѣчно неподвижною своей физіономіей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, разсказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать

городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе пораньше, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ-просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, — и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одурѣнія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. „Что жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, что за притча эти мертвыя души? Логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ жъ дуракъ такой возьмется? и на какія слѣ-

пыя деньги станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Что жъ за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ ... Однакожъ, разнесли, стало быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это, выходитъ, просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, белиберда, сапоги въ смятку! это, просто, чортъ побери!“ ... Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть поднялось. Какъ вихорь взметнулся, дотолѣ, казалось, дремавшій, городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки [1] и байбаки [2], которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно, какъ фраза: заѣхать къ Сопикову и Храповицкому, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и

[1] Увалень.
[2] Лежебокъ, лѣнтяй.

прочими принадлежностями); всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотрублевой ухи, съ двухъаршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; — словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда; въ гостиныхъ заторчалъ какой то длинный длинный съ прострѣленною рукою, такого высокаго роста, какого даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, подобные слухи, можетъ быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ камеражами [1], что, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія, и образовалися вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ — вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно

[1] Сплетни, предметъ сплетенъ.

уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, еслибы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ — это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще бо́льшія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе,

во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный tête-á-tête, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Полились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвесть похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, несмотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками, — именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ то черство, неотесанно, неладно, негожо, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ — однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная безпрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищенье губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба — что мѣшокъ: что положатъ, то несетъ; что главный предметъ,

на который нужно обратить вниманіе, есть мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что значатъ, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ, — событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбутетениванья [1] и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ. — „Ну, что", думали чиновники: „если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ-де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть". Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось, Богъ знаетъ что: что подъ словомъ мертвыя души не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генералъ-губернатора, — что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ, и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ

[1] Нагоняя.

даже не было. Слово мертвыя души такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, вслѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся, событій. Первое событіе было съ какими то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ устьсысольскимъ купцамъ, — пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами [1], пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на-смерть устьсысольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и въ подсочельникъ [2], свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ „нососъ“, по выраженію бойцовъ, то есть, весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полъ-пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныя каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спесь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тожъ, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого то Дробяжкина; что будто земская полиція, то есть, засѣдатель Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что, въ иныхъ случаяхъ, стоитъ

[1] Прохладительное.
[2] Подъ ребра, въ животъ.

повальной горячки, а причина-де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ-де блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-Спеси, такъ и Задирайлова тожъ, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человѣкъ мертвый, стало быть, ему немного въ томъ проку, еслибы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спеси и Задирайлова тожъ, а умеръ-де онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло; но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что, по дошедшимъ

показаніямъ и донесеніямъ, находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявящій никакихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожъ всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ то неясно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало быть, жизнь его была въ опасности; стало быть, его преслѣдовали; стало быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое ... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ, — наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однакожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ, господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то есть, въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка, и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не

объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули немного: купилъ-де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставитъ, и потому навѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ-де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, раз-

спросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина; но услышали тоже немного. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покоя, а отъ Селифана, что „сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ“ — и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

Глава X.

Собравшись у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученныя бумаги такого сурьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ, какіе, слухи, — все

это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и какой то Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма немного: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, судырь мой, сижу на одномъ мѣстѣ“. На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники: „Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь, заперши присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказное время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать — тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется, съ пола-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію, — что годъ, то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь“. Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьи называютъ толкомъ. Вообще мы какъ то не создались для представительныхъ засѣ-

даній. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ то: клубы и всякіе воксалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и ни вѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично; дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушнѣе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло, чортъ знаетъ, что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая то даже не-

постижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: „а можетъ быть, и не дѣлатель“; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ: „а, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь“. Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое то размышленіе, — вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного, — вскрикнулъ неожиданно:

— Знаете ли, господа, кто это?

Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время.

— А кто?

— Это, господа, судырь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копейкинъ! — А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: „Кто таковъ этотъ капитанъ Копейкинъ?“ почтмейстеръ сказалъ:

— Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копейкинъ?

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копейкинъ.

— Капитанъ Копейкинъ, — сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только вполовину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: „Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, ни вѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ — вещь, требующая чистоты“.— Капитанъ Копейкинъ, — повторилъ онъ, уже по-

нюхавши табаку: — да вѣдь это, впрочемъ, если разсказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма.

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, „презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму“, и онъ началъ такъ:

Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ — всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я“, можете представить себѣ, „самъ едва достаю хлѣбъ“. Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенья, что вотъ-де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: эдакой,

какой-нибудь, т. е. капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехеразада, понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ[1], да серебра мелочь... Ну, деревни на это не купишь, то есть и купишь, можетъ быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ то тысячъ нужно занять у французскаго короля. Ну, какъ то тамъ пріютился въ ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины... Видитъ — заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. „Что жъ, куда обратиться?“ говорятъ: „высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ“, все это, понимаете, въ Парижѣ; войска не возвращались; а есть, говорятъ, „временная комиссія. Попробуйте, можетъ быть, что-нибудь тамъ могутъ“. — „Пойду въ комиссію“, говоритъ Копейкинъ, „скажу: такъ и такъ, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, относительно сказать, жизнію жертвовалъ“. Вотъ,

[1] 5-тирублевая ассигнація.

судырь мой, вставши пораньше, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику — это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику въ комиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. „Вонъ“, говорятъ, „домъ на набережной“: избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, марморы, лаки, судырь ты мой... словомъ ума помраченье. Металлическая ручка какая-нибудь у двери — конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла. да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская эдакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лаханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ“. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столич-

номъ поведенцъ; подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копейкину. Копейкинъ: „Такъ и такъ“, говоритъ, „проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, — осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ-нибудь эдакихъ распоряженій, насчетъ, относительно такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли“, понимаете. Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „Хорошо“, говоритъ, „понавѣдайтесь на-дняхъ“. Копейкинъ мой въ восторгѣ: „Ну, думаетъ, дѣло сдѣлано“. Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ „Лондонѣ“, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ — однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копейкинъ, — кровь то, знаете, разыгралась, побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдомъ; „да нѣтъ“, — подумалъ, — „на время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что то слишкомъ расходился“. А промоталъ онъ, между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ. Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, въ комиссію, къ начальнику, да! „Пришелъ“, говоритъ, „узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...“ и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А что“, говоритъ начальникъ: „прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго на-

чальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу"... Ну, и понимаете, далъ ему, конечно, немного, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копейкину моему не того хотѣлось. Онъ то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь эдакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись"; а вмѣсто того — жди, да и время не назначено. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой, — и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь то петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ, какъ; сластей то, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ[1] какой-нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, — словомъ разсупе-деликатесъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей — словомъ, на

[1] Fines herbes — соусъ съ пряными и острыми приправами.

всякомъ шагу соблазнъ, относительно такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ — жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названьемъ з а в т р а. „Ну, ужъ“, думаетъ, „какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду“, говоритъ, „подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!“ И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію: „Ну что?“ говорятъ: „зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано“. — „Да что?“ говоритъ, „я не могу“, говоритъ, „перебиваться кое-какъ. „Мнѣ нужно“, говоритъ, „съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ“, понимаете. — „Ну, ужъ“, говоритъ начальникъ: „извините... На счетъ этотъ есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но, если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками, и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь“. Но Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить... „Да вы“, говоритъ, „то!“ говоритъ; „да вы“, говоритъ, „это!“ говоритъ; „да вы“, говоритъ, „обязанностей своихъ не знаете! да вы“, говоритъ, „законопродавцы!“ говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого то даже вовсе посторонняго вѣдомства,

онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо“, говоритъ: „если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ, и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ, дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, въ телѣжку да съ фельдъ-егеремъ. „Ну“, Копейкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ: „вотъ ты молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой...

— Только позволь, Иванъ Андреевичъ, — сказалъ вдругъ, прервавши его, полицеймейстеръ: — вѣдь капитанъ Копейкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со

всего розмаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же началъ хитрить и пробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человѣка, Богъ знаетъ, въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копейкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они, съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно, — странно даже и сказать, — что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: „Смотри, молъ“, говоритъ, „если что не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку“. И вотъ теперь они, можетъ быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались и, расматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чи-

чикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полицей-мейстеръ, который служилъ въ кампанію 12-го года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова, и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже, въ угоду имъ, готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но, какъ на бѣду, все именно произошло такъ, какъ разсказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а, напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ, заклятыми политиками. „Московскія Вѣдомости“ и „Сынъ Отечества“ зачитывались немилосердно и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Вмѣсто вопросовъ: „Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей?“ говорили: „А что пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?“ Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ пришелъ, неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣло свое

сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово Наполеонъ, какое то особенное значеніе; многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры [1]. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рысисто, и что все это не то. Думали, думали, толковали, толковали, и, наконецъ, рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичковымъ, стало быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ; пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное, какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: „Вотъ оно,

[1] 666 — число апокалипсическаго звѣря.

вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!“ Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декохтъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицеймейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ-прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городни-

чаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого то новичка, смягчился въ ту жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ, и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ, то есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ.

что помогалъ, и что еслибы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду; но языка никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ, и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, еслибы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицеймейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе; но, наконецъ, и рукой махнулъ, сказавши: „Чортъ знаетъ, что такое!“ И всѣ согласились въ томъ, что какъ съ быкомъ ни биться, а все молока отъ него не добиться. И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! „Экая расторопная голова!“ кричитъ толпа:

„какой неколебимый характеръ!“ А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни — куды дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, ѳетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: „Ахъ, Боже мой!“, послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленье смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто виденъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ, — объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

„Но это, однакожъ, насообразно! это несогласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!“ Такъ скажутъ

многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово дуракъ и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: „Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?“ Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразумiемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отовсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же,

на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздачѣ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіе сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфары. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой то томъ герцогини Лавальеръ[1], отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостиницей дрожки — то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ, почувствовалъ онъ себя лучше, и обрадовался, Богъ знаетъ, какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ,

[1] Старинный романъ.

давно была пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: „Экъ, какіе пошли писать лѣса!“ И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ пантолонъ. Наконецъ, онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и домы, и проходившіе мужики, довольно, впрочемъ, сурьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами:

— Не приказано принимать!

— Какъ! что ты! Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо! — говорилъ ему Чичиковъ.

— Какъ не узнать! вѣдь я васъ не впервой вижу, — сказалъ швейцаръ. — Да васъ то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно.

— Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?

— Такой приказъ; такъ ужъ, видно, слѣдуетъ, — сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: да; послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго

вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: „Эге! ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какая-нибудь!“

„Непонятно!“ подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что такое разумѣлъ предсѣдатель, и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицеймейстеру, къ вицегубернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изо всего, что онъ усомнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое-къ-кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостиницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ то безсмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего, сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты, и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

— Вотъ говоритъ пословица: для друга семь верстъ не околица! — говорилъ онъ, снимая картузъ: — прохожу мимо, вижу свѣтъ

въ окнѣ. „Дай“, думаю себѣ, „зайду! вѣрно, не спитъ“. А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?

— Да вѣдь я не курю трубки, — сказалъ сухо Чичиковъ.

— Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

— Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

— Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

— Никакого не было у меня Вахрамѣя.

— Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ еслибы эдакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ, братъ, Чичиковъ! еслибы ты только увидалъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ, это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку, — вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: „Вотъ“, говоритъ, „еслибы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!..“ (между тѣмъ, Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ

играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты, просто, поддедюлилъ [1] меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой — наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну, и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

— Я дѣлаю фальшивыя бумажки? — вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшись со стула.

— Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ? — продолжалъ Ноздревъ. — Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху; нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь. А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

— Какое рискованное дѣло? — спросилъ безпокойно Чичиковъ.

— Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: „Ну, ужъ“, думаю себѣ, „Чичиковъ, вѣрно не даромъ...“ Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго.

---

[1] Надулъ.

А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!

— Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? что ты? — говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

— Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора, — все это навело на него порядочный испугъ. „Ну, ужъ коли пошло на то“, подумалъ онъ самъ въ себѣ, „такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй“.

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: „Слушаю, Павелъ Ивановичъ“, и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось, какъ попало: онъ хотѣлъ непремѣнно быть гото-

вымъ съ вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ, очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная назавтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ; или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчитъ на балалайкѣ передъ дворовой челядью, и плететъ тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да щей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть, — не угадаешь. Многое разное значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

Глава XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во-первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ — это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена, и ничего не было готово — это была вторая непріятность. Онъ

разсердился, приготовился даже задать что то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги, въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

— Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать.

— Ахъ, ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?

— Да время то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ.

— Подлецъ ты! — вскрикнулъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

— Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! Когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это, а? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

— Зналъ, — отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

— Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: „Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!“

— А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непремѣнно въ два часа; а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу! — Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ идти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ:

— Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ; онъ — такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха.

— Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!

— Ей Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...

— Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! ступай!

Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣстъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже

на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено, и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки, да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все, что ни есть, все, что ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками, — все ему гадко, однакоже, онъ не отходитъ отъ окна. Стоитъ, то позабываясь, то обращая вновь какое то притупленное вниманіе на все, что передъ нимъ движется и не движется, и душитъ съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички, какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ, и бричка была заложена, и два горячіе калача, только что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ,

при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ, — и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ быть, надоѣла читателю, наконецъ, выѣхала изъ воротъ гостиницы. „Слава-те, Господи!“ подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на домы, стѣны, заборъ и улицы, которые также, съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышка, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ

шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ, за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ, и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши отъ души: „Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови“. Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя: „Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны; говорятъ: значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника“.

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и

городъ назади, и ничего нѣтъ — и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой то артиллерійской батареи“, зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу [1]. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, не-

[1] Писано въ Римѣ.

примѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣсни? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

— Держи, держи, дуракъ! — кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! — кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъ-егерь, съ усами въ аршинъ. — Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ! — И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу!

Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и „Не бѣлы снѣги“, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь — и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. „Полегче! легче!“ слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу пло-

тина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.. Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грезы. А посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ, и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ строну и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не по-

нравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда — бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: „Фи! такой гадкій!“ Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ и мѣсто, и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: добродѣтельный человѣкъ; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и

кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припречь и подлеца. Итакъ, припряжемъ подлеца!

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные — Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ материей стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: „ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца“. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ то кисло-непріютно, сквозь какое то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ[1], надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ“; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: „Опять задурилъ!“ отзывавшійся въ то время, когда ребе-

[1] Туфли.

нокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ, протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка [1], извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дни слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и, наконецъ, втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родствен-

[1] Гнѣдая съ желтоватыми подпалинами, мохноногая.

ница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: „Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой“. Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дни принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны — со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они

его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же.

Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить, — признакъ подступающаго голода, — онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ моргнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!“ говорилъ онъ:

„я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!“ И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. „Способности и дарованія — это все вздоръ!“ говаривалъ онъ: „я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому — нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!“ Такъ говорилъ учитель, не любившій на-смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ[1] (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой

[1] Треухая шляпа.

наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ея немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое новеденіе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать“, произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: „Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...“

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувство-

валъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: „береги и копи копейку“ пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ, что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со-временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копейка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: „А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!“ И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желанье скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на сто-

лахъ, обѣдалъ подчасъ со сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники отличались невзрачностію и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица — точно дурно выпеченный хлѣбъ: щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо, и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленіемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни зло-

дѣйскаго, ни добраго, и что то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ пронюхалъ его домашнюю, семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ до-

черью обращался, какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его со старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, несмотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: „Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!“

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекомендательныя письма,

за подписью князя Хованскаго[1], какъ выражаются у насъ на Руси, — „Нѣтъ, нѣтъ“, говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки: „вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ“. Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: „Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! это, просто, драгоцѣнный алмазъ!“ Но ждетъ проситель день, другой — не приносятъ дѣла на домъ, на третій тоже. Онъ въ канцелярію — дѣло и не начиналось; онъ — къ драгоцѣнному алмазу. „Ахъ, извините!— говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки: — у насъ было столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непремѣнно! Право, мнѣ даже совѣстно!“ И все это сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какъ-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: „да полно, нѣтъ ли чего?“ Вывѣдывать — говорятъ: „нужно дать писарямъ“. — „Почему жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой“. — „Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой“. — „По бѣленькой писарямъ!“ вскрикиваетъ проситель. — „Да чего вы такъ горячитесь? — отвѣчаютъ ему: „оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству“. Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ и вѣжли-

[1] Ассигнаціи.

выя, облагороженныя обращенія чиновниковъ. „Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что дѣлать: принесъ правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!“ Проситель, конечно, правъ; но зато теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась комиссія для построенія какого то казеннаго, весьма капитальнаго, строенія. Въ эту комиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ

одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры — и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, несмотря на пріятность, не понравилось начальнику, — почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это причинъ, — и онъ возненавидѣлъ его на-смерть. И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ. Но, такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генералъ скоро очутился въ рукахъ еще бо́льшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую

бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій секретарь, постигнувшій совершенно управленье генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генералъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запачканнаго послужного списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастію, у него не было.

„Ну, что жъ!“ сказалъ Чичиковъ: „зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать“. И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеръ, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ то не клеилось.

Двѣ, три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время. Должности какъ то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ

чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дни перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходить въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ то ненарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть: „Мать ты моя Пресвятая! какой же я сталъ гадкой!“ И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ, наконецъ, въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: „Вотъ бы куда перебраться:

и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!“ Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. Итакъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что бы ни стало, добраться до таможни — и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три, четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: „Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и при-

встать?"; или: „Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами"; или: „Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели". И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: „Ну, ну!" Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право произво-

дить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: „Еще не время“. Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ знать обществу, сказавши: „Теперь пора“. Разсчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало быть, немного получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить, какія угодно, условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. У Чичикова, говорятъ, даже и перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли благодатныя суммы, еслибы

какой то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ то въ жаркомъ разговорѣ, а, можетъ быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему — обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: „Нѣтъ врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты — такъ поповичъ!“ И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады: „Да, вотъ, молъ, что!“ Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе, и хотя выраженіе: „вотъ молъ, что!“ могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновника были въ дуракахъ, и бабенкой воспользовался какой то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ,

какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ — обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ — ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ — вотъ и все. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклёкнетъ на-вѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ нешумный, но, въ своемъ родѣ, тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было если

не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, ропталъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣнье, предъ которымъ ничто деревянное терпѣнье нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: „Почему жъ я? Зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жъ зѣваетъ теперь на должности? — всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я — другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? И что скажутъ потомъ мои дѣти? — „Вотъ“, скажутъ: „отецъ скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!“.

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, еслибы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: „а что скажутъ дѣти?“ И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло

ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ — не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что то строиться и ждало только плана. Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, — званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее; но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ Опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копейки, такъ что ужъ не на что было ѣсть. По этой то причинѣ понадобилось, наконецъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка, — все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку) — итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина

крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... „Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?“ сказалъ секретарь. „Числятся“, отвѣчалъ Чичиковъ. „Ну, такъ чего же вы оробѣли?“ сказалъ секретарь: „одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится“. Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риѳму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. „Эхъ я Акимъ-простота!“ сказалъ онъ самъ въ себѣ: „ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, Опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались, какъ слѣдуетъ: все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются, какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; а, можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копейку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ

образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ — пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: сельцо Павловское". И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго, и прочаго, словомъ — гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ меньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. Итакъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ — полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже въ столицу,

всегда какъ то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца-чубараго. Итакъ, вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ быть, заключительнаго опредѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, — это видно. Кто же онъ? Стало быть, подлецъ? Почему жъ подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его хозяинъ, пріобрѣтатель. Пріобрѣтеніе — вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе не очень чистыхъ. Правда, въ

такомъ характерѣ есть уже что то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ; не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растетъ и десятерится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ, — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существова-

ніи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтѣ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы, какъ живой, предъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. „Зачѣмъ?“ говорите вы: „къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе неутѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!“ — „Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?“ говоритъ помѣщикъ приказчику: „я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого — я тогда счастливъ“. И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона — и пошелъ помѣ-

щикъ забываться по міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устроивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнью ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: „Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что ни описано здѣсь, это все наше, — хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты?“ На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: „Вотъ, напримѣръ, звѣрь, — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ: — звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!“ Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ

онъ то, что называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все — или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ, а, впрочемъ, былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ. „Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ, — говорила отцу и своя, и чужая дворня: — что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертень[1]! — „Да, шаловливъ, шаловливъ, — говорилъ обыкновенно на это отецъ: — да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый: укори его при другомъ-третьемъ — онъ уймется, да вѣдь гласность то — вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!“ Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. „Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!“ И показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ

[1] Притѣснитель, обидчикъ.

какой-нибудь подобный вопросъ: „Ну, а еслибы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была, — пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать“. Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ быть, даже похвалите автора — скажете: „Однакожъ, кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!“ И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: „А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!“ А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?“ Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни

слишкомъ большой, ни слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!“ И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!“

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ-полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука объ руку; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

— Эхе-хе! что жъ ты? — сказалъ Чичиковъ Селифану: — ты?..

— Что? — сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

— Какъ что? Гусь ты! Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!

И въ самомъ дѣлѣ, Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая впросонкахъ вожжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузъ, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, примолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: „Не бойся!“ Лошадки расшевелились

и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: „эхъ! эхъ! эхъ!“ плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“ — его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что то страшное заключено въ семъ быстромъ мелькань, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій

кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторанивaются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Приложенія.

I.

Предисловіе

ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

(Въ 1846 г.)

Къ читателю отъ сочинителя.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть, что поправить: я прошу

тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, еслибы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что видѣлъ самъ или что слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, — все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ, по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло въ дѣлѣ и въ правдѣ дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, еслибы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ, намѣсто пользы, необдуманнымъ и невѣрнымъ изображеніемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, еслибы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ — и самой жизнью, и образованьемъ, отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій зато жизнь того сословія, середи котораго живетъ, и рѣшился бы такимъ же самымъ образомъ прочесть сызнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго, съ ко-

торыми встрѣчался на вѣку своемъ, и разсмотрѣть внимательно, нѣтъ ли какого сближенія между этими сословіями и не повторяется ли иногда то же самое въ кругѣ высшемъ, что дѣлается въ низшемъ? и все, что ни придетъ ему на умъ по этому поводу, то есть, всякое происшествіе высшаго круга, служащее въ подтвержденье или въ опроверженіе этого, описалъ бы, какъ оно случилось передъ его глазами, не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до мебелей и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не могу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія до тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно ее знать для моего сочиненія.

Не дурно также, еслибы кто-нибудь такой, кто надѣленъ способностью воображать или живо представлять себѣ различныя положенія людей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ поприщахъ, — словомъ, кто способенъ углубляться въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или развивать ее, прослѣдилъ бы пристально всякое лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и такихъ случаяхъ, что съ нимъ, судя по началу, должно случиться далѣе, какія могутъ ему представиться обстоятельства новыя, и что было бы хорошо прибавить къ тому, что уже мной описано: все это желалъ бы я принять въ соображенье къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новой этой книги, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлить меня своими замѣчаньями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ ихъ для человѣка ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, ничему почти не учившійся. Лучше даже, если, намѣсто меня, онъ себѣ представитъ какого-нибудь деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, какъ съ ребенкомъ, опасаясь ежеминутно, чтобъ не употребить выраженій свыше его понятія. Если это безпрерывно

будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу, то его замѣчанья выйдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

Итакъ, еслибы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями, и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу, то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія: сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя Ректора С.-Петербургскаго Университета, Его Превосходит. Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо въ С.-Петербургскій Университетъ, или на имя Профессора Московскаго Университета, Его Высокор. Степана Петровича Шевырева, адресуя въ Московскій Университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ журналистовъ, такъ и вообще литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, несмотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли, однакожъ, пользу большую какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что ни будетъ ими сказано на вразумленье или поученье мое, будетъ принято мною съ благодарностью

Гоголь въ 1852 г.

(Съ литографіи по рисунку Мамонова.)

II.

Замѣтки, относящіяся къ I-й части.

Идея города — возникшая до высшей степени пустота. Пустословіе. Сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе смѣшного въ высшей степени, какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

Частности въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни; какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшного. Какъ всѣ невольно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юбки образуются.

Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни.

Проходитъ страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе? Жизнь бунтующая, праздная — не страшно ли великое она явленье?... жизнь. При бальномъ..., при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти...

Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ то, другой — тѣмъ то, и потому принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

Явленіе другихъ дамъ на сцену.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ она

иногда побѣждала чувственныя наклонности, но посредствомъ ума своего, и чѣмъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ, это случилось само собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что то похожее на будочника, несмотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества. — „Нѣтъ, милая, я люблю — понимаете? — сначала мужчину приблизить и потомъ удалить, удалить и потомъ приблизить". Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже состроиваются идеи, какъ себя вести. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ-руки, ходили и рѣшились хохотать, какъ можно дольше. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ... хорошихъ.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе вѣнскаго конгресса ее очень занимаетъ. Туалетъ любила дама, то есть, замѣчать о другихъ, что на комъ хорошо и что не хорошо.

Сидя разсматриваютъ входящихъ. „Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ". — „Какъ хорошо одѣта губернаторская дочка..." — „Милая, она такъ гадко одѣта". Ужъ если и такъ...

— Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней — прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона главная и бальная общества.

Противоположное ему прообразованіе во II (части), занятой разорваннымъ бездѣльемъ.

Какъ низвести всѣ міра бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

Для [этого] включить все сходство и внести постепенный ходъ.

III.

Окончаніе IX главы
въ передѣланномъ видѣ.

Судили, судили и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ, у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти загадочныя мертвыя души. Прокурору выпалъ жребій (идти) переговорить къ Собакевичу, а предсѣдатель вызвался самъ идти къ Коробочкѣ. А потому отправимся и мы вослѣдъ за ними и посмотримъ, что такое тамъ разузнали.

Глава...

Собакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поодаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился, и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ съ супругой; дѣтей при немъ не было. Онъ началъ уже скучать и помышлялъ объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого то моднаго капота на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслѣ, начиналъ побранивать и мошенничество, и прихоть, а самъ все глядѣлъ не на жену, а на уголъ печки. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ: „Прошу“, и, приподнявшись, сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Ѳеодулія Ивановна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также

на стулъ. Всѣ три стула были выкрашены зеленой масляной краской, съ малеванными кувшинчиками по уголкамъ.

„Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ“, сказалъ прокуроръ.

„Душенька, ступай въ свою комнату! Тамъ тебя, вѣрно, ждетъ портниха“.

Ѳеодулія пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ: „Позвольте васъ спросить: какого (рода) людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?“.

„Какъ, какого рода?“ сказалъ Собакевичъ. „На это крѣпость есть; тамъ означено, какого рода: одинъ каретникъ...“

„По городу, однакожъ“, сказалъ прокуроръ, нѣсколько замявшись: „по городу разнеслись слухи...“

„Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи“, сказалъ спокойно Собакевичъ.

„Однакожъ, Михалъ Семенычъ, такіе слухи, что, просто, голова кружится: что души — не души, что цѣль совсѣмъ не та, чтобы переселить, и что самъ Чичиковъ — загадочный человѣкъ. Оказываются такія подозрѣнія... по городу пошли такіе пересуды...“

„Да позвольте спросить васъ: вы сами баба, что ли?“ спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ самъ у себя никогда еще не спрашивалъ, баба ли онъ, или что другое.

„Вы бы съ этакими запросами посовѣстились даже и приходить ко мнѣ“, сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

„Вы бы пошли къ какимъ-нибудь пряхамъ, что по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужъ если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Что вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго человѣка? Что я вамъ, въ насмѣшку, что ли? Въ службѣ своей, какъ слѣдуетъ, не упражняетесь; чтобы отечеству какъ-нибудь послужить и на пользу ближнему, — храня товарищей, о томъ не думаете; а вотъ только, чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнутъ, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадете, и добраго слѣда послѣ васъ не останется“.

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный, пошелъ онъ отъ Собакевича; а Собакевичъ ему вслѣдъ: „Убирайся себѣ, собака!“

Въ это время вошла Ѳеодулія. „Что это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ?“ сказала она.

„Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ“, сказалъ Собакевичъ. „Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старый человѣкъ, ужъ и волосъ сѣдой на головѣ, а я знаю, что онъ до сихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ. У нихъ ужъ обычай у всѣхъ: собаки всѣ. Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще дѣла такія дѣлаютъ, что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду! Весь городъ — разбойничій вертепъ. Не зачѣмъ намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!“

Супруга хотѣла было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника какія то ленты на чепцы, но Собакевичъ сказалъ: „Это, душа моя, все модныя выдумки; онѣ тебя къ добру не доведутъ“. Велѣлъ собирать все въ дорогу; самъ пошелъ, вмѣстѣ съ квартальнымъ, къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу; потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ недошитый, такъ, какъ былъ въ работѣ, съ воткнутой иголкой и ниткой, съ тѣмъ, чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать въ этотъ [городъ], потому что мошенникъ сидитъ на мошенникѣ и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ, какъ и разсказать объ этомъ предсѣдателю.

Но и предсѣдатель тоже немного успѣлъ въ объясненьяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулокъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго. Отъ этого ударилъ онъ самого себя весьма (сильно) палкой въ подбородокъ, потомъ затылкомъ... и, въ заключенье, забрызгался грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу среди чавканья, цлепанья грязи, свиного хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ позади всякихъ клѣтуховъ, вступилъ, наконецъ, въ сѣни. Здѣсь онъ прежде спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его такъ же, какъ и Чичикова, съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ. На шеѣ у ней было что то наверчено, въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое то отравительное для нихъ блюдо, къ которому онѣ, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Предсѣдатель, начавши сначала тѣмъ, что зналъ

нѣкогда ея мужа, потомъ вдругъ перешелъ къ такому вопросу: „Скажите, пожалуйста, точно ли къ вамъ, въ ночное время, съ пистолетомъ въ рукѣ, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ то душъ? И не можете ли вы объяснить намъ, какое было его намѣренье?“

„Да ужъ какъ не могу! Возьмите вѣдь мое положеніе: двадцать пять рублей бумажками! Вѣдь я не знаю, право: я вдова, я человѣкъ неопытный; меня не трудно обмануть въ дѣлѣ, въ которомъ я, признаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ то я знаю цѣну, сало тоже продала третья“...

„Да разскажите прежде пообстоятельнѣе: какъ это? Пистолеты при немъ были?“

„Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала. А мое дѣло вдовье — я не могу знать, почемъ ходятъ мертвыя души. Ужъ, батюшка, не оставьте, поясните, по крайней мѣрѣ, чтобы я знала цѣну то настоящую“.

„Какую цѣну? Что за цѣна, матушка? Какая цѣна?“

„Да мертвая то душа по чемъ теперь ходитъ?“

„Да она дура отъ роду или рехнулась“, подумалъ предсѣдатель, глядя ей въ глаза.

„Что жъ, двадцать пять рублей? Вѣдь я не знаю: можетъ быть, онѣ пятьдесятъ или больше“.

„А покажите бумажку“, сказалъ предсѣдатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли. Но бумажка была — какъ бумажка.

„Да разскажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? что купилъ? Я въ голову... ничего не могу сообразить...“

„Купилъ“, сказала Коробочка. „Да вы то, батюшка, что жъ вы то не хотите мнѣ сказать, по чемъ ходитъ мертвая душа, чтобъ я знала настоящую цѣну мертвыхъ душъ?“

„Да помилуйте, что это вы говорите! Гдѣ жъ видано, чтобы мертвыхъ продавали?“

„Да что жъ вы цѣны не хотите сказать?“

„Да что жъ цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ сурьезно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?“

„Нѣтъ, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу, что вы покупщикъ“. — И посмотрѣла подозрительно въ глаза.

„Да я предсѣдатель, матушка, здѣшней палаты...“

„Нѣтъ, батюшка, какъ хотите, вы это ужъ того...

изволите такъ... хотите сами меня обмануть. Да вѣдь что жъ вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичьихъ [перьевъ]: у меня о Рождествѣ и птичьи перья будутъ".

„Матушка, говорю вамъ, что я предсѣдатель. Что мнѣ ваши птичьи перья? Не покупаю ничего".

„Да вѣдь торгъ — честное дѣло", продолжала Коробочка. „Сегодня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Что жъ, если мы станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣ жъ и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ".

„Матушка, я не покупщикъ, а предсѣдатель!"

„Да Богъ знаетъ. Можетъ быть, вы и предсѣдаете; вѣдь я не знаю. Что жъ? Я вдова. Да что жъ вы такъ разспрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами... того... хотите купить ихъ".

„Матушка, я вамъ совѣтую полѣчиться", сказалъ предсѣдатель, разсердившись. „У васъ вотъ недостаетъ..." сказалъ онъ, постучавши себя пальцемъ по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покупщикъ, и удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ, и какъ трудно бѣдной вдовѣ. Предсѣдатель изломалъ колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, что пріобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый палкою подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ, повѣсивши [голову].

„Ну, что̀ узнали отъ Собакевича?"

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ: „Во всю жизнь не былъ трактованъ .."

„А что̀?"

„Оплевалъ совсѣмъ", сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ

„Какъ?"

„Говоритъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ: ни одного доноса не подалъ на товарищей. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ; я выставлялъ: „челъ" на всякомъ листкѣ, даже и тогда, когда иной разъ и слѣдовало бы подать доносъ, — не задерживалъ ни одной бумаги".

Прокуроръ истинно сокрушался.

„Такъ что̀ жъ онъ объ Чичиковѣ говоритъ?" сказалъ предсѣдатель.

„Что̀ говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками".

Предсѣдатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки; на нихъ сидѣлъ вице-губернаторъ.

„Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ“ И предсѣдатель, и прокуроръ разинули ротъ. Предсѣдатель подумалъ про себя: „Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки! Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщетъ! Увидитъ, какая безтолочь въ городѣ!“

„Одно за другимъ!“ подумалъ огорченный прокуроръ.

„Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генералъ-губернаторы, какого нрава, какого свойства?“

„Ничего еще неизвѣстно“, сказалъ (вице-губернаторъ).

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ.

„Господа! могу васъ поздравить съ генералъ-губернаторомъ“.

„Слышали, да вѣдь еще неизвѣстно“, сказалъ вице-губернаторъ.

„Извѣстно даже и кто“, сказалъ почтмейстеръ: „князь Однозоровскій-Чементинскій“.

„Что жъ говорятъ?“

„Строжайшій человѣкъ, судырь мой“, сказалъ почтмейстеръ: „дальновиднѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ какомъ то эдакомъ, понимаете, казенномъ большомъ построеніи. Завелись тамъ коекакіе грѣхи. Всѣхъ, судырь, распушилъ, стеръ въ прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего“.

„А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ“.

„Палата, судырь мой, свѣдѣній; человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго!“ продолжалъ почтмейстеръ. „Случилось одинъ разъ...“

„Однакожъ“, сказалъ почтмейстеръ: „мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше жъ заѣдемъ“.

Всѣ опомнились. А ужъ на улицѣ собрались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты, на разговаривающихъ съ четырехъ дрожекъ. Кучера закричали, и четверо дрожекъ потянулись къ предсѣдателю.

„Кстати чортъ принесъ этого Чичикова“, думалъ предсѣдатель, снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

„У меня идетъ кругомъ голова“, говорилъ [прокуроръ], снимая съ себя шубу.

„Я все не могу разобрать этого дѣла“, сказалъ вице-губернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія власти [не обходятся] безъ закуски, и если въ губерніи хоть два чиновника сойдутся, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ себѣ самой горькой полынной водки, сказавши: „Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ".

„Я и подавно", сказалъ прокуроръ. „Этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить..."

„А какъ человѣкъ между тѣмъ... свѣтскаго лоску", сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой и составивъ себѣ смѣсь изъ разныхъ водокъ: „очевидно былъ въ Парижѣ. Я думаю, что едва ли не дипломатикомъ служилъ".

„Ну, господа!" сказалъ въ это время, входя, полицеймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ: „Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ: изъ комнаты не выходитъ, чѣмъ то заболѣлъ. Разспрашивалъ людей. Лакей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ". При этомъ полицеймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ. „Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился съ людьми, кажется, хорошими: съ Перекроевымъ... Назвалъ много помѣщиковъ — все коллежскіе и статскіе совѣтники. Кучеръ Селифанъ — „неглупымъ человѣкомъ", говоритъ, „показывался всѣми за то, что службу хорошо исполнилъ. Былъ въ таможнѣ, при какихъ то казенныхъ постройкахъ", а въ какихъ именно — не могъ сказать. Лошади три: „одна куплена", говоритъ, „три года назадъ тому; сѣрая", говоритъ, „вымѣнена на сѣрую, третья куплена... А самъ Чичиковъ дѣйствительно называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ".

Всѣ чиновники задумались.

„Порядочный человѣкъ, и коллежскій совѣтникъ", подумалъ прокуроръ: „и рѣшиться на такое дѣло, какъ увозить губернаторскую дочку, или возымѣть безуміе покупать мертвыя [души], пугать по ночамъ спокойныхъ престарѣлыхъ помѣщицъ — это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику".

„Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе, какъ дѣлать бумажки!" подумалъ вице-губернаторъ, который былъ самъ кол-

лежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу скорѣй имѣлъ склонную къ искусствамъ изящнымъ, а не къ преступленью.

„Воля ваша, господа, а это дѣло какъ-нибудь нужно кончить: пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, увидитъ, что у насъ, просто, чортъ знаетъ что̀“.

„Какъ же вы думаете поступить?“

Полицеймейстеръ: „Я думаю, надобно поступить рѣшительно“.

„Какъ же рѣшительно?“ сказалъ предсѣдатель.

„Задержать его, какъ подозрительнаго человѣка“.

„А если онъ насъ задержитъ, какъ подозрительныхъ людей?“

„Какъ такъ“?

„Ну, а если онъ подосланъ? Ну, что̀ если онъ съ тайными порученьями? Мертвыя души! Гм! Будто купить, а, можетъ быть, это — разысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано — „отъ неизвѣстныхъ случаевъ“?

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе. Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель тоже, сказавши ихъ, задумался. Обѣимъ прійти. .

„Что̀ жъ, какъ поступить, господа?“ сказалъ полицеймейстеръ, благотворитель [города] и благодѣтель купечества, и, произведши смѣшеніе водки сладкой [и] горькой, выпилъ, закусивши.

Человѣкъ подалъ бутылку мадеры и рюмки.

„Я, право, не знаю, какъ поступить“ (сказалъ предсѣдатель).

„Господа!“ сказалъ почтмейстеръ, выпивши рюмку мадеры и засунувши въ ротъ ломоть голландскаго сыру съ балыкомъ и масломъ: „я того мнѣнія, что это дѣло хорошенько нужно изслѣдовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально, — сообща, собравшись всѣмъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, понимаете, чтобы досконально раскрылось до всѣхъ изгибовъ, понимаете“.

„Что жъ, соберемся“, сказалъ полицеймейстеръ.

„Да“, сказалъ предсѣдатель: „собраться и рѣшить вкупѣ, что̀ такое Чичиковъ“.

„Это благоразумнѣе всего — рѣшить, что̀ такое Чичиковъ“.

„Да, отберемъ мнѣнья у всѣхъ и рѣшимъ, что̀ такое Чичиковъ“.

Сказавши это, всѣ въ одно время пожелали выпить шампанскаго и разошлись довольные тѣмъ, что комитетъ этотъ все объяснитъ и покажетъ ясно и досконально, что̀ такое Чичиковъ.

IV.

Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ.

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій.

„Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой“, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — „послѣ кампаніи двѣнадцатаго года вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, сударь мой, вы можете себѣ представить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій; этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете вообразить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить: я“, можете представить себѣ, „самъ едва достаю хлѣбъ“. Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными — словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: эдакой, какой-нибудь, то есть, капитанъ Копейкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ. Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, (какъ) сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная;

тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, сударь, да и полно. Понатолкался было насчетъ квартиры, только все это кусается страшно: гардины тамъ, шторы, понимаете, ковры — Персія такая; ну, просто, то есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь четырехъ синенькихъ. Ну, какъ то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки: обѣдъ — щи эдакія, кусокъ битой говядины. Ну, заживаться, видитъ, нечего; на другой же день, сударь мой, рѣшился идти къ министру. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ-за границы. Копейкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику — все это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натянулъ свою мундиришку и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ министру. Разспросилъ у будочника квартиру. „Вонъ“, говоритъ — указалъ ему домъ на Дворцовой набережной: избенка, понимаете, мужичья; стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, все это мраморъ, вездѣ металлическія галантереи. Какая-нибудь ручка у дверей, что нужно, знаете, забѣжать прежде въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее. Словомъ, сударь мой, гебены [1], лаки такіе, что просто, въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь, батистовые воротнички, канальство!.. Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ

[1] Черное дерево.

часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ или тамъ другой дежурный чиновникъ: „министръ“, говоритъ, „сейчасъ выйдетъ въ пріемную“. А въ пріемной ужъ, понимаете, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ, все это четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстые золотые макароны на эполетахъ — генералитетъ, словомъ, такой... Наконецъ, министръ выходитъ. Ну, подошелъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно?“ Наконецъ — къ Копейкину. Копейкинъ, собравшись съ духомъ: „Такъ и такъ, ваше превосходительство, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, лишился, такъ сказать, руки и ноги, работать не могу — осмѣлился просить монаршей милости“. Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „хорошо“, говоритъ, „понавѣдайтесь на-дняхъ“. Вотъ, сударь мой, не прошло четырехъ или пяти дней, мой Копейкинъ является опять. Министръ, понимаете, тотчасъ его узналъ: „а!“ говоритъ: „на этотъ разъ ничего не могу вамъ сказать, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя: тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать“. Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ часомъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: „пойду опять къ министру: какъ хотите, ваше высокопревосходительство, послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода“. Приходитъ, — говорятъ: „нельзя, министръ не принимаетъ, приходите завтра“; на другой день — тоже, а швейцаръ на него просто и смотрѣть не хочетъ. У моего Копейкина всего-на-всего остается какой-нибудь полтинникъ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша — словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакого какого-нибудь ресторана, поваръ тамъ собака, можете себѣ представить, иностранецъ, бѣлье на немъ чистѣйшее голландское, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями, — словомъ, разсупе-деликасетъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка,

арбузъ — громадище, делижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, — словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ такой — слюнки текутъ, а онъ слышитъ между тѣмъ все „завтра“. Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а ему подносятъ все одно и то же блюдо: „завтра“. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ: рѣшился, во что бы ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ то генераломъ, понимаете, проскользнулъ со своей деревяшкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы?“ „А!“ говоритъ, увидѣвши Копейкина: „вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія“. — „Помилуйте, ваше высокопревосходительство: не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба“... „Что жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать, старайтесь, покамѣсть, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ“. — „Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги“. Онъ то хотѣлъ прибавить: „а носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь, только развѣ высморкаешься, да и для того нужно купить платокъ“. Только министръ, сударь мой, — или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными, — началъ, можете себѣ представить, сердиться. „Ступайте же“, говоритъ, „у меня много такихъ, какъ вы, ожидайте спокойно“. А мой Копейкинъ, — голодъ, знаете, пришпорилъ его: „какъ хотите“, говоритъ, „ваше высокопревосходительство, не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите надлежащей резолюціи“. И, сударь мой! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, чтобы какой-нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ. „Грубіянъ!“ закричалъ онъ. „Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать фельдъ-егеря, препроводить его“, говоритъ, „съ фельдъ-егеремъ на мѣсто жительства“. А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъаршинный мужичина какой-нибудь; ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ — словомъ, дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку съ фельдъ-егеремъ. „Ну“. Копейкинъ думаетъ „по крайней

мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то". Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерѣ. да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Когда министръ", говоритъ, „самъ сказалъ, чтобы я поискалъ средствъ помочь себѣ — хорошо", говоритъ, „я", говоритъ, „найду средства". Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куды именно привезли — ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ — неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ нѣкоторымъ образомъ банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны: все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь — копейка, забубешь все такой, хоть трава не расти — словомъ, сударь мой, у него просто армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой-нибудь своей надобности — ну, спросятъ только: „зачѣмъ?" да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ или деньги — словомъ, все, что носитъ, такъ сказать, имя казны — спуска никакого. Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ, — онъ ужъ тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: „подавай, братъ казенные оброки и подати". Ну, мужикъ видитъ: эдакой безногій чортъ, на воротникѣ то у него, понимаете жаръ-птица, красное сукно — пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой. „На, батюшка, вотъ тебѣ, отвяжись только". Думаетъ: „ужъ вѣрно какой-нибудь капитанъ-исправникъ; а, можетъ, еще и хуже". Только, сударь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ расписку, чтобы нѣкоторымъ образомъ оправдать ихъ: что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, а принялъ вотъ такой то капитанъ Копейкинъ; еще даже и печать свою приложитъ — словомъ, сударь мой, грабитъ, да и полно. Посыланы были нѣсколько разъ команды изловить его, но Копейкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе... Но наконецъ, можетъ быть, испугав-

шись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку, и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него набрался капиталецъ порядочный, онъ, сударь мой, за границу, и за границу то, сударь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты. И пишетъ оттуда, сударь мой, письмо къ государю краснорѣчивѣйшее, какъ только можете вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь — все это, можно сказать, тряпка, дьячокъ въ сравненіи съ нимъ. „Не подумай, государь", говоритъ: „чтобъ я того и того"... Круглоту періодовъ запустилъ такую... „Необходимость", говоритъ, „была причиною моего поступка; проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. „Не наказуй", говоритъ, „моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мною, а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы примѣромъ за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе..." — словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно его монаршему сердцу было прискорбно: хотя онъ, точно, былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторомъ родѣ смертельнаго наказанія, но, видя, такъ сказать, какъ можетъ невинный иногда произойти — подобное упущеніе, да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить, одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ, — словомъ, сударь мой, государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе: повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть, раненыхъ — и вотъ, сударь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ вотъ кто, сударь мой, этотъ капитанъ Копейкинъ. Теперь, я полагаю, вотъ что: въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать, не удастся ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе.

Гоголь въ 1850 г.

(Съ рисунка К. И. Рабуса.)

В. Редакція, зачеркнутая цензоромъ.

„Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой", — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — „послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я", можете представить себѣ, „самъ едва достаю хлѣбъ". Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: „что вотъ-де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь"... Ну, какъ то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ, эдакой какой-нибудь, то есть, капитанъ Копейкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ — свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія цѣликомъ: ногой, такъ сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ. Ну, какъ то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки: обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины. Видитъ, заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. Говорятъ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, Высшая Комиссія, правленье, понимаете,

эдакое, и начальникомъ генералъ-аншефъ такой то. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, все было за границей. Копейкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, — потому что платить цырюльнику — это составитъ, въ нѣкоторомѣ родѣ, счетъ, — натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику, къ вельможѣ. Разспросилъ квартиру. „Вонъ“, говорятъ, указавъ ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, такъ что вазы и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажутся какъ бы въ-наружѣ: могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, достать съ улицы рукой; драгоцѣнные марморы въ стѣнахъ, металлическія галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, такъ что нужно, знаете, забѣжать напередъ въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее — словомъ: лаки на всемъ такіе — въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!.. Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда генералъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. „Генералъ“, говоритъ, „сейчасъ выйдетъ въ пріемную“. А въ пріемной ужъ народу, какъ бобовъ въ тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстый макаронъ блеститъ на эполетѣ — генералитетъ, словомъ, такой. Вдругъ въ комнатѣ, понимаете, пронеслась чуть замѣтная суета, какъ эѳиръ какой-нибудь тонкій. Раздалось тамъ и тамъ: „шу, шу“, и, наконецъ, тишина настала страшная. Вельможа входитъ. Ну... можете представить себѣ: государственный человѣкъ! Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, по-

нимаете... съ высокимъ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Все, что ни было въ передней, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ, дрожитъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ, или вельможа подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копейкину. Копейкинъ, собравшись съ духомъ: „Такъ и такъ, ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости“. Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „Хорошо“, говоритъ: „понавѣдайтесь надняхъ“. Копейкинъ мой выходитъ чуть не въ восторгѣ: одно то, что удостоился аудіенціи, такъ сказать, съ первостатейнымъ вельможею; а другое то, что вотъ теперь, наконецъ, рѣшится, въ нѣкоторомъ родѣ, насчетъ пенсіона. Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару. Зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ съ разными финтерлеями; спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ, видитъ, идетъ какая то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копейкинъ, кровь то знаете, разыгралась въ немъ, побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ, трюхъ, слѣдомъ — „да нѣтъ“, подумалъ, „пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что то расходился слишкомъ“. Вотъ, судырь мой, какихъ-нибудь черезъ три-четыре дня является Копейкинъ мой снова къ министру, дождался выходу. „Такъ и такъ“, говоритъ: „пришелъ“, говоритъ, „услышать приказъ вашего высокопревосходительства по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами“... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Вельможа, можете вообразить, тотчасъ его узналъ: „А“, говоритъ, „хорошо“, говоритъ, „на этотъ разъ ничего не могу сказать вамъ болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать“. Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копейкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ. Онъ то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: „На, тебѣ, голубчикъ, пей да веселись“; а вмѣсто того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца,

какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ. „Ну, нѣтъ“, думаетъ себѣ: „пойду въ другой разъ, объясню, что послѣдній кусокъ доѣдаю — не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода“. Словомъ, приходитъ онъ, судырь мой, опять на Дворцовую набережную, говорятъ: „Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра“. На другой день — тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синюхъ то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ; а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленой, да хлѣба на два гроша, словомъ — голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакого какого-нибудь ресторана — поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный снѣгамъ, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями, словомъ — разсупе-деликасетъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбузъ — громадище, дилижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ — на всякомъ шагу соблазнъ такой — слюнки текутъ, а онъ слышитъ, между тѣмъ, все: „завтра“. Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой то ему подносятъ все одно и то же блюдо: „завтра“. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ, рѣшился во что бы ни стало пролѣзть штурмомъ, понимаете. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Вельможа, по обыкновенію, выходитъ: „Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы?“ „А!“ говоритъ, увидѣвши Копейкина: „вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія“. — „Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба...“ — „Что жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать: старайтесь покамѣстъ помочь себѣ сами, ищите сами средствъ“. — „Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги“. — „Но“, говоритъ сановникъ, „согласитесь: я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много

раненыхъ, всѣ они имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Пріѣдетъ государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ". — „Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать", говоритъ Копейкинъ, и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя, требующія самоскорѣйшаго исполненія, — минута упущенія можетъ быть важна, — а тутъ еще привязался сбоку неотвязчивый чортъ. — „Извините", говоритъ, „мнѣ некогда... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ". Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тонкимъ, что пора, наконецъ, и выйти. А мой Копейкинъ, — голодъ то, знаете, пришпорилъ его: „Какъ хотите, ваше высокопревосходительство", говоритъ, „не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію". Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому стоитъ только слово, какъ вотъ ужъ и полетѣлъ вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше, подобное, такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ то, размѣръ каковъ: генералъ-аншефъ, и какой-нибудь капитанъ Копейкинъ! 90 рублей и нуль! Генералъ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное оружіе: души ужъ нѣтъ — ужъ она ушла въ пятки. А мой Копейкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанный. „Что же вы?" говоритъ генералъ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлась бы послѣ того улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: „Хорошо", говоритъ: „если вамъ здѣсь дорого жить, и вы не можете въ столицѣ покойно ожидать рѣшенья вашей участи, такъ я васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъ-егеря! препроводить его на мѣсто жительства!" А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, судырь мой, да въ телѣжку, съ фельдъегеремъ. „Ну", Копейкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то". Вотъ онъ, судырь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Когда генералъ говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочь себѣ, — хорошо", го-

воритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли — ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ то и начинается можно сказать, нить, завязка романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой..

V.

Размышленія о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

... Онъ даже и не задалъ себѣ вопроса, зачѣмъ эти люди попали ему на глаза, какъ вообще всѣ мы никогда не спрашиваемъ себя: „зачѣмъ насъ окружили такія то обстоятельства, а не другія?“ „зачѣмъ вокругъ насъ стали такіе то люди, а не другіе“, — тогда какъ ни малѣйшее событіе въ жизни не произошло даромъ, и все вокругъ въ наше наученье и вразумленье. Но слова, что „свѣтъ есть живая книга“ повторяются нами ужъ какъ то особенно безтолково и глупо, такъ что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произноситъ... Онъ даже и не задумался надъ тѣмъ, отъ чего это такъ, что Маниловъ, по природѣ добрый, даже благородный, безплодно прожилъ въ деревнѣ, ни на грошъ никому не доставилъ пользы, опошлѣлъ, сдѣлался приторнымъ своею добротою, а плутъ Собакевичъ, ужъ вовсе не благородный по духу и чувствамъ, однакожъ не разорилъ мужиковъ, не допустилъ ихъ быть ни пьяницами, ни праздношатайками? и отъ чего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книгъ никакихъ, кромѣ часослова, да и то еще съ грѣхомъ пополамъ, не выучась никакимъ изящнымъ искусствамъ, кромѣ развѣ гаданія на картахъ, умѣла однакожъ наполнить рублевиками сундучки и коробочки, и сдѣлать это такъ, что порядокъ, какой онъ тамъ себѣ ни былъ, на деревнѣ все-таки уцѣлѣлъ: души въ ломбардъ не заложены, а церковь, хоть и небогатая, была поддержана, и правились и заутрени, и обѣдни исправно, тогда, какъ иные, живущіе по столицамъ, даже и генералы по чину, образованные и начитанные, и тонкаго вкуса и примѣрно человѣколюбивые, безпрестанно заводящіе всякія филан-

тропическія заведенія, требуютъ, однакожъ, отъ своихъ управителей все денегъ, не принимая никакихъ извиненій, что голодъ и неурожай, — и всѣ крестьяне заложены въ ломбардъ и перезаложены, и во всѣ магазины до единаго и всѣмъ ростовщикамъ до послѣдняго въ городѣ должны. Такъ надъ этимъ Чичиковъ не задумался, такъ же, какъ и многіе жители просвѣщенныхъ городовъ, которые обыкновенно любятъ въ этомъ случаѣ повторять извѣстное изреченіе: „трудно даже и повѣрить, какіе у насъ живутъ оригиналы во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ!“ Помѣщики вылетѣли изъ головы Чичикова, даже и самъ Ноздревъ. Онъ позабылъ то, что наступилъ ему тотъ роковой возрастъ жизни, когда все становится лѣнивѣй въ человѣкѣ, когда нужно его будить, будить, чтобъ не заснулъ навѣки. Онъ не чувствовалъ того, что еще не страшно для молодого (ретивый пылъ юности, гибкость не успѣвшей застыть и окрѣпнуть природы бурлятъ и не даютъ мельчать чувствамъ), какъ начинающему старѣть, котораго нечувствительно обхватываютъ, совсѣмъ почти незамѣтно, пошлыя привычки свѣта, условія, приличія безъ дѣла движущагося общества, которыя до того, наконецъ, всего опутаютъ и облекутъ человѣка, что и не останется въ немъ его самого, а только куча однѣхъ принадлежащихъ свѣту условій и привычекъ. А какъ попробуешь добраться до души, ея уже и нѣтъ: окременѣвшій кусокъ и весь превратившійся человѣкъ въ страшнаго Плюшкина, у котораго если и выпорхнетъ иногда что похожее на чувство, то это похоже на послѣднее усиліе утопающаго человѣка..

Примѣчанія.

„Мертвыя Души“, т. I.

Гоголь привезъ изъ-за границы уже подготовленный для печати первый томъ своей поэмы въ началѣ сентября 1841 г. Чувствовалъ онъ себя „свѣтло и хорошо“. Первыя шесть главъ его любимаго дѣтища были отдѣланы тщательнѣе остальныхъ, но Гоголь и въ нихъ вноситъ рядъ перемѣнъ послѣ чтенія московскимъ пріятелямъ; конецъ поэмы подвергся болѣе основательнымъ передѣлкамъ. Привезенная изъ-за границы и покрытая рядомъ поправокъ и дополненій рукопись была переписана въ началѣ декабря для представленія въ цензуру, но затѣмъ Гоголь и въ нее внесъ много поправокъ и дополненій. 12 декабря 1841 г. московскій цензурный комитетъ поручилъ разсмотрѣніе рукописи Снѣгиреву Первоначальные отзывы Снѣгирева давали Гоголю полное право разсчитывать на пропускъ поэмы, но затѣмъ московскіе толки и сплетни запугали слишкомъ трусливаго цензора, и онъ рѣзко повернулъ фронтъ.

Цензурная передряга потрясла и безъ того больного писателя. Въ письмѣ къ Плетневу 7 января 1842 г. онъ такъ передаетъ ея исторію: „разстроенный и тѣломъ и духомъ, пишу къ вамъ... Ударъ для меня никакъ неожиданный: запрещаютъ всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снѣгиреву, который нѣсколько толковѣе другихъ, съ тѣмъ, что, если онъ находитъ въ ней какое-нибудь мѣсто, наводящее на него сомнѣніе, чтобъ объявилъ мнѣ прямо, что я тогда посылаю ее въ Петербургъ. Чрезъ два дня Снѣгиревъ объявляетъ мнѣ торжественно, что рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной, и въ отношеніи къ цѣли, и въ отношеніи къ впечатлѣнію, производимому на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго мѣста — перемѣны двухъ-трехъ именъ (на которыя я тотъ же часъ согласился и измѣнилъ) нѣтъ ничего, чтобъ могло навлечь притязанія цензуры самой строгой. Это же самое онъ объявилъ и

другимъ. Вдругъ Снѣгирева сбилъ кто то съ толку, и я узнаю, что онъ представляетъ мою рукопись въ комитетъ. Комитетъ принимаетъ ее такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранѣе и былъ настроенъ разыграть комедію: ибо обвиненія, всѣ безъ исключенія, были комедія въ высшей степени. Какъ только Голохвостовъ, занимавшій мѣсто президента, услышалъ названіе „Мертвыя Души", — закричалъ голосомъ древняго римлянина: „нѣтъ, этого никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія". Въ силу, наконецъ, могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ объ ревижскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ, и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что мертвыя значитъ ревижскія души, произошла еще большая кутерьма. „Нѣтъ," закричалъ предсѣдатель и за нимъ половина цензоровъ: „этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово; ревижская душа; ужъ этого нельзя позволить: это значитъ — противъ крѣпостного права". Наконецъ, самъ Снѣгиревъ увидѣлъ, что дѣло зашло уже очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ, и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка; что это — рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло. „Предпріятіе Чичикова", стали кричать всѣ: „есть уже уголовное преступленіе". „Да, впрочемъ, и авторъ не оправдываетъ его", замѣтилъ мой цензоръ. — „Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать мертвыя души". — Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы людей молодыхъ. „Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ — Крыловъ), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого. Хотя, конечно, эта цѣна дается за одно имя — душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя

позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ“. Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не разсказываю вамъ о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, какъ то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. „Да вѣдь и Государь строитъ въ Москвѣ дворецъ!“ сказалъ цензоръ. Тутъ, по поводу, завязался у цензоровъ разговоръ единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанія, которыя даже совѣстно пересказывать, и, наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста. Вотъ вамъ вся исторія. Она почти невѣроятна, а для меня въ добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить въ человѣкѣ. Цензора не всѣ же глупы до такой степени. Я думаю, что противъ меня что-нибудь есть. Но дѣло между прочимъ для меня слишкомъ серьезно. Изъ-за ихъ комедій или интригъ мнѣ похмелье. У меня, вы сами знаете, всѣ мои средства и все мое существованіе заключены въ моей поэмѣ. Дѣло клонится къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ. Другого я ничего не могу предпринять для моего существованія. Усиливающееся болѣзненное мое расположеніе и недуги лишаютъ меня даже возможности продолжать далѣе начатый трудъ. Свѣтлыхъ минутъ у меня немного, а теперь просто отнимаются руки. Но что я пишу вамъ, уже не помню; я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись къ Государю. Я объ этомъ пишу къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Я просилъ ее — чрезъ Великихъ Княженъ или другими путями“.

Узнавъ объ этихъ разговорахъ, еще до окончательнаго рѣшенія комитета, Гоголь рѣшилъ взять назадъ свою рукопись и отправить ее въ Петербургъ съ Бѣлинскимъ, который былъ тогда проѣздомъ въ Москвѣ.

Терзанія бѣднаго автора этимъ не кончились. Отъ Бѣлинскаго онъ очень долго не имѣлъ вѣстей, хлопоты въ Петербургѣ, даже черезъ очень вліятельныхъ лицъ, все болѣе затягивались, и Гоголь минутами впадалъ прямо въ отчаяніе. Онъ переживаетъ теперь тѣ же настроенія, которыя были у него послѣ всѣхъ перипетій постановки „Ревизора“ и тяжкой болѣзни въ Вѣнѣ въ 1839 году. 14 февраля 1842 г. онъ пишетъ своему другу Прокоповичу: „Не могу совсѣмъ работать. Чувствую,

что мнѣ нужно быть подальше отъ всего житейскаго дрязгу: онъ меня томитъ". Въ одновременномъ почти письмѣ къ Языкову звучатъ еще болѣе рѣшительныя ноты, указывающія глубокій внутренній надломъ. Его „мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска"; „разорвались послѣднія узы, связывавшія его со свѣтомъ"; онъ чувствуетъ „съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха", онъ испытываетъ теперь „непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе", мечтаетъ о поѣздкѣ въ Палестину для поклоненія гробу Господню и тоскуетъ по своемъ „тихомъ углѣ въ Римѣ". Только въ половинѣ февраля были получены изъ Петербурга первыя благопріятныя извѣстія, которымъ Гоголь не смѣетъ вѣрить. Вопросъ выяснился только 5-го апрѣля, когда прислана была, наконецъ, пропущенная цензурою рукопись. „Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ" была зачеркнута цѣликомъ, и Гоголю пришлось ее передѣлывать и посылать въ Петербургъ вторично. Печатаніе началось немедленно. Самъ Гоголь нарисовалъ обертку [1] для „Мертвыхъ Душъ", въ которой ярко сказалось его теперешнее настроеніе: въ ней преобладаютъ всевозможныя эмблемы смерти. Видимо, больной духомъ и тѣломъ писатель все болѣе устремлялся всѣми своими помыслами къ иному міру, упорно думалъ о смерти; по словамъ Тихонравова (изданіе 10-е, томъ III, стр. 478), „идеалъ аскетизма предсталъ ему съ неотразимою силою".

„Мертвыя Души" вышли изъ печати 21-го мая 1842 года. Въ 1846 году появилось ихъ второе изданіе, съ незначительными перемѣнами.

Предисловіе ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ". Первое изданіе перваго тома „Мертвыхъ Душъ" разошлось очень быстро. Уже въ февралѣ 1843 года Шевыревъ поднялъ вопросъ о второмъ изданіи. Гоголь сначала было согласился на это и собирался перепечатать свою поэму безъ всякихъ перемѣнъ, но затѣмъ рѣшилъ передѣлать по новому плану первую часть, послѣ того, когда будутъ готовы двѣ послѣднія.

Въ 1846 году, уже всецѣло охваченный мистическимъ настроеніемъ, онъ одновременно работаетъ надъ подготовкой для печати „Выбранныхъ мѣстъ изъ пере-

---

[1] Она воспроизведена при III томѣ 10-го изданія соч. Гоголя подъ редакціей Тихонравова.

писки съ друзьями“ и предисловіемъ ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“. Обращеніе Гоголя къ читателямъ за совѣтами и указаніями произвело странное впечатлѣніе. Очень рѣзко обрушился на него Бѣлинскій (соч. т. XI, Москва, 1861 г., стр. 69—72). Великій критикъ съ азартомъ напалъ на тѣ мѣста, въ которыхъ „изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ то прорицателемъ и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ“. Съ глубокимъ сожалѣніемъ онъ видитъ въ этихъ „мистико-лирическихъ выходкахъ“ Гоголя „зерно, можетъ быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы“. Предисловіе ко второму изданію внушаетъ ему „живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ“. Онъ считаетъ это предисловіе вообще фантастическимъ, иронизируетъ надъ обращеніемъ къ читателямъ и называетъ его фарсомъ.

Замѣтки, относящіяся къ первой части. По мнѣнію Тихонравова, эти замѣтки были набросаны Гоголемъ въ 1845 году послѣ сожженія второго тома „Мертвыхъ Душъ“. „Проектъ представить весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней, какъ прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ, высказанный въ замѣткахъ, находится въ близкомъ родствѣ съ попыткою разрѣшить городъ, гдѣ властвуетъ Сквозникъ-Дмухановскій, въ аллегорію душевнаго города человѣка“, т. е. „Развязкой Ревизора“. (Томъ III, стр. 514.)

Окончаніе IX-й главы въ передѣланномъ видѣ. По мнѣнію Тихонравова (т. III, стр. 515—518), этотъ варіантъ IX-й главы былъ написанъ уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія, во второй половинѣ 1842 года или въ первой 1843.

„Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ“. По мнѣнію Тихонравова (томъ III, стр. 522—526), „одна изъ первоначальныхъ редакцій относится къ1841 году (заграничная рукопись, привезенная Гоголемъ въ Москву). Хотя Гоголь для печати смягчилъ многія мѣста, петербургскій цензоръ Никитенко зачеркнулъ всю повѣсть цѣликомъ, и ее пришлось передѣлывать вторично, съ еще большими смягченіями“. Письмо Никитенка о цензурованіи „Мертвыхъ Душъ“ напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1889 года, VIII, стр. 384—385; отвѣтъ въ „Письмахъ Н. В. Гоголя“ подъ редакціей В. И. Шенрока, т. II-й, стр. 223—224.

„Размышленія о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Напечатано впервые въ VII томѣ 10-го изданія (стр. 444—445) и относится къ тому

періоду, когда Гоголь былъ уже всецѣло охваченъ мистическимъ настроеніемъ и все болѣе склонялся къ аллегорическому толкованію своихъ произведеній. По всей вѣроятности, это мѣсто онъ собирался включить въ новую редакцію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Интересно отношеніе автора къ Собакевичу, котораго онъ какъ будто бы хочетъ нѣсколько реабилитировать.

Указанія Гоголя и его современниковъ на послѣдующее содержаніе „Мертвыхъ Душъ“.

1.

I томъ „Мертвыхъ Душъ".

а) И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

б) Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло тольк по природѣ другихъ народовъ...

в) Можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

г) Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то

увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу...

д) Читателю съ полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

е) (Предисловіе ко 2 изд. I тома.) Взятъ онъ (Чичиковъ) больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ.

ж) (Замѣтки къ I тому.) Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней — прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона главная и бальная общества. Противоположное ему прообразованіе во II (части), занятой разорваннымъ бездѣльемъ. Какъ низвести всѣ міра бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра? Для (этого) включить все сходство и внести постепенный ходъ.

2.

„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

а) Письмо Н. М. Языкову.

Воззови, въ видѣ лирическаго сильнаго воззванія, къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ свою бѣдную душу. Уже онъ далеко отъ берега, уже несетъ и несетъ его ничтожная верхушка свѣта, несутъ обѣды, ноги плясавицъ, ежедневное сонное опьяненіе; не чувствительно облекается онъ плотію и сталъ уже весь плоть, и уже почти нѣтъ въ немъ души. Завопи воплемъ и выставь ему вѣдьму-старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, предъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ и обратно. О, еслибъ ты могъ сказать ему то, что можетъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до Мертвыхъ Душъ“!

в) Письмо (4-е) по поводу „Мертвыхъ Душъ".

Бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ.

3.

Письмо къ гр. А. Ѳ. Орлову (1850 г.).

Сочиненіе мое „Мертвыя Души" долженствуетъ обнять природу русскаго человѣка во всѣхъ ея силахъ. Изъ этого сочиненія вышла въ свѣтъ одна только часть, содержащая въ себѣ осмѣяніе всего того, что несвойственно нашей великой природѣ, что ее унизило; вторая же часть, гдѣ русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороной, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера, не могла быть такъ скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созрѣть самому.

4.

Три письма къ Н. В. Гоголю (архим. Ѳеодора) [1].

Помнится, когда кое-что прочиталъ я Гоголю изъ моего разбора „Мертвыхъ Душъ", желая только познакомить его съ моимъ способомъ разсмотрѣнія этой поэмы, то и (я?) его прямо спросилъ, чѣмъ именно должна кончиться эта поэма. Онъ, задумавшись, выразилъ свое затрудненіе высказать это съ обстоятельностію. Я возразилъ, что мнѣ только нужно знать, оживетъ ли, какъ слѣдуетъ, Павелъ Ивановичъ. Гоголь, какъ будто съ радостію, подтвердилъ, что это непремѣнно будетъ, и оживленію его послужитъ прямымъ участіемъ самъ царь, и первымъ вздохомъ Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. Въ изъясненіи этой развязки онъ нѣсколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминанія подробностей, ни-

[1] Спб., 1861, стр. 138. Писаны были письма въ 1848 г.

чего не говорю объ этихъ его рѣчахъ. — А прочіе спутники Чичикова въ „Мертвыхъ Душахъ“? спросилъ я Гоголя: „и они тоже воскреснутъ?“ — „Если захотятъ“, отвѣтилъ онъ съ улыбкою; и потомъ сталъ говорить, какъ необходимо далѣе привести ему своихъ героевъ въ столкновеніе съ истинно хорошими людьми, и проч., и проч.

5.

Письмо С. П. Шевырева Гоголю (27 іюля 1851 г.).

Успокойся. Даже и женѣ я ни одного имени не назвалъ, не упомянулъ ни объ одномъ событіи. Только разъ при тебѣ же назвалъ штабсъ-капитана Ильина, и только. Тайна твоя для меня дорога, повѣрь. Съ нетерпѣніемъ жду 7 и 8 главы [1].

6.

Воспоминанія А. О. Смирновой [2].

То, что читалъ Гоголь А. О. С[мирнов]ой, начиналось не такъ, какъ въ печати. Читатель помнитъ торжественный тонъ окончанія перваго тома. Въ такомъ тонѣ начинался, по ея словамъ, и второй. Слушатель съ первыхъ строкъ былъ поставленъ въ виду обширной картины, соотвѣтствовавшей словамъ: „Русь! куда несешься ты? Дай отвѣтъ!“ и пр. Потомъ эта картина суживалась, суживалась и, наконецъ, входила въ рамки деревни Тѣнтѣтникова. Нечего и говорить о томъ, что все читанное Гоголемъ было несравненно выше, нежели въ оставшемся брульонѣ. Въ немъ очень многаго недостаетъ даже въ тѣхъ сценахъ, которыя остались безъ перерывовъ. Такъ, напримѣръ, анекдотъ о черненькихъ и бѣленькихъ разсказывается генералу во время шахматной игры, въ которой Чичиковъ овладѣваетъ совершенно благосклонностью Бетрищева; въ домашнемъ быту генерала пропущены лица — плѣнный французскій капитанъ Эскадронъ и гувернантка англичанка. Въ дальнѣйшемъ развитіи поэмы недостаетъ описанія деревни Вороного-Дрянного, изъ которой Чичиковъ переѣзжаетъ къ Констанжогло. Потомъ нѣтъ ни слова объ имѣніи Чегранова, управляемомъ молодымъ человѣкомъ, недавно выпущеннымъ изъ университета. Тутъ Пла-

[1] Отчетъ Импер. Публ. Библ. 1893, 68.
[2] Кулишъ, „Записки“, II, 226–227.

тоновъ, спутникъ Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портретъ, а потомъ они встрѣчаютъ, у брата генерала Бетрищева, живой подлинникъ этого портрета, и начинается романъ, изъ котораго Чичиковъ, какъ и изъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, каковы бъ они ни были, извлекаетъ свои выгоды. Первый томъ, по словамъ А. О. С—ой, совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображеніи передъ вторымъ: здѣсь юморъ возведенъ былъ въ высшую степень художественности и соединялся съ паѳосомъ, отъ котораго захватывало духъ. Когда слушательница спрашивала: „неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія?“ Гоголь отвѣчалъ: „я очень радъ, что это вамъ такъ нравится, но погодите: будутъ у меня еще лучшія вещи: будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ“.

7.

Воспоминанія Арнольди [1].

„Сколько мнѣ помнится, она (первая глава второй части „М. Д.“) начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ и неизвѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ и только безпрестанно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глупо-вопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о

[1] „Русскій Вѣстникъ“, 1862, I, 74–79.

Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрестанно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими . . .“ — „Черненькими, ваше превосходительство“, перебивалъ его Чичиковъ. „Да, — повторялъ генералъ, — полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ Самъ Господь Богъ полюбитъ“. Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ, смѣясь, повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ Самъ Господь Богъ полюбитъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собой Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ разсказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они уславливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову, что совралъ, разсказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала, встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Улинькой, и наконецъ обѣдъ. Описаніе этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чи-

чиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентетникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Улинька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и наконецъ Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшій кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ второго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчателенъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно, по его мнѣнію, то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ разсчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Ветрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ брильянтъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? Она вся впилась глазами въ Тентетникова; она, казалось, ловила съ жадностью каждое его слово; она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами; она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку; англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая.

Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. „Да, — сказалъ онъ, — страшные холода были въ 12-мъ году!“ — „Не о холодахъ тутъ рѣчь“, замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; — но Тентетниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ. — Послѣ этого я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословленія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго колебался и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ, и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ сотласіе, Тентетниковъ, внѣ себя отъ счастія, оставилъ на минуту Улиньку и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному съ самимъ собою. Счастье его душило!.. Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы. — Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомыя, и наконецъ все то, что чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый! — Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно. — Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?.. всей моей жизни мало для этого...“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай“, отвѣчалъ онъ: „я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!“ — „Чѣмъ, чѣмъ?“ повторилъ Тентетниковъ: „скажите скорѣе, и я все сдѣлаю“. Тутъ

Чичиковъ разсказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да зачѣмъ же непремѣнно мертвыхъ?“ говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. „Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую“. Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія. „Какъ вы не боитесь сдѣлать это?.. Вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?“ Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. „Какъ!“ воскликнулъ онъ: „сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе чѣмъ жизнію“. Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или чрезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень безпокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала и извѣстить о помолвкѣ Улиньки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностью. „Чего лучше?“ думалъ генералъ: „онъ человѣкъ умный, приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны“. Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда не бываетъ. Чичи-

ковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску“.

„Вотъ все, что читалъ при мнѣ Гоголь изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ“.

Впослѣдствіи Смирнова разсказывала Арнольди, „что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ: это лицо — эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проведшая свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за 35 лѣтъ; она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей, ихъ окружающихъ, какимъ то великимъ счастіемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастіе было только на минуту, и чрезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанія они замѣчаютъ, что это была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе, и потомъ опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать, въ этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ прежде[1].

„Когда Гоголь окончилъ чтеніе, то онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „ну, что вы скажете? Нравится ли вамъ?“ — „Удивительно, безподобно!“ воскликнулъ я. — „Въ этихъ главахъ вы гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ томѣ; тутъ вездѣ слышится жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ преувеличеній; а описаніе сада — верхъ совершенства“. — Ну, а не сдѣлаете ли вы мнѣ какого-либо замѣчанія? Нѣтъ ли тутъ вещи, которая бы вамъ не совсѣмъ понравилась?“ возразилъ снова Гоголь. Я немного подумалъ и откровенно отвѣчалъ ему, что Улинька кажется мнѣ лицомъ немного идеальнымъ, блѣднымъ, неоконченнымъ. „Къ тому же“, прибавилъ я,“ вы изобразили ее какимъ то совершенствомъ, и не говорите между тѣмъ, отчего она вышла такою, кто въ этомъ виноватъ, каково

[1] Ib. стр. 80.

было ея воспитаніе, кому она этимъ обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанкѣ!" Гоголь немного задумался и прибавилъ: „Можетъ быть, и такъ. Впрочемъ, въ послѣдующихъ главахъ она выйдетъ у меня рельефнѣе. Я вообще не совсѣмъ доволенъ; еще много надо будетъ дополнить, чтобы характеры вышли покрупнѣе". Онъ не былъ доволенъ, а мнѣ казалось, что я не выбросилъ бы ни одного слова, не прибавилъ ни одной черты: такъ все было обработано и окончено, кромѣ одной Улиньки[1]...

Сестра моя скоро захворала... Чтобы разсѣять ее, Гоголь самъ предложилъ прочесть окончаніе второго тома „М. Д.", но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтенія и не до его сочиненій. Мнѣ показалось, что онъ немного обидѣлся этимъ отказомъ[2].

Въ послѣдній разъ я былъ у Гоголя въ новый годъ; онъ былъ немного грустенъ, разспрашивалъ меня очень долго о здоровьѣ сестры, говорилъ, что имѣетъ намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, когда окончится новое изданіе его сочиненій, и когда выйдетъ въ свѣтъ второй томъ М. Д., который, по его словамъ, былъ совершенно оконченъ.

8.

Отрывокъ изъ письма Гоголя къ А. П. Толстому, касающійся второй части „Мертвыхъ Душъ"[3].

Васъ удивляетъ, почему я съ такимъ стараніемъ стараюсь опредѣлить всякую должность въ Россіи, почему я хочу узнать, въ чемъ ея существо? Говорю вамъ: мнѣ это нужно для моего сочиненья, для этихъ самыхъ „Мертвыхъ душъ", которыя начались мелочами и секретарями и должны кончить(ся) дѣлами покрупнѣе, и должностями повыше, и это познаніе точное и вѣрное должностей въ томъ... въ какомъ онѣ должны у насъ въ Россіи быть. Мнѣ бы не хотѣлось дать промаха и погрѣшить противъ правды, тѣмъ болѣе, (что) характер(ы) и люди въ остальныхъ двухъ частяхъ выходятъ покрупнѣе обыкновенныхъ и въ значительныхъ должностяхъ. Я васъ очень благодарю, что вы объяснили должности генералъ-губернатора; я только съ вашихъ словъ узналъ, въ чемъ она истинно можетъ быть

---

[1] Ib. стр. 80—81.
[2] Ib. стр. 91.
[3] 10-е изд., т. VII, стр. 450—451.

важна и нужна въ Россіи. Прежде мнѣ казалось, что и безъ нея организмъ управленія губерніи совершенно полонъ. Кстати разсмотримъ этотъ организмъ, чтобы видѣть, такъ ли точно я его понимаю, какъ есть. Мнѣ кажется, что онъ очень умно сображенъ въ частяхъ, соотвѣтствуетъ духу земли и обнаружива(етъ) въ Государынѣ Екатеринѣ большое пониманье потребностей нашихъ...

9.

Письмо И. С. Аксакова (30 августа 1849 г.) [1].

Я получилъ на дняхъ письмо отъ А. О. (Смирновой), которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говоритъ, что не велѣно, однакоже кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, не весь, но то, что написано. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. „Какъ жаль“, пишетъ она, „что я не смѣю вамъ проболтаться о Муратовѣ, Элабуевѣ, Улинькѣ, Чаграповой, генералѣ Быстрищевѣ“ [2]... и еще какая то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что написано и что только набросано, совершенно поблѣднѣлъ.

10.

Письмо С. Т. Аксакова (29 августа 1849 г.) [3].

Не могу далѣе скрывать отъ тебя нашу общую радость: Гоголь читалъ намъ первую главу 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“. Слава Богу! Талантъ его сталъ выше и глубже. Мы обѣщали ему не писать даже и къ тебѣ; но нѣтъ силъ молчать. Глава огромнѣйшая. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью.

11.

Изъ записной книжки Гоголя (1846—1848) [4].

Дрягилъ. Поддончиковъ. Тѣнтѣтниковъ. Баранчиковъ. Никита Семеновичъ Коза. Бухманловъ. Чухаловъ.

---

[1] И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II. М. 1888, стр. 216.
[2] Муратовъ-Муразовъ, Элабуевъ-Хлобуевъ, Быстрищевъ-Бетрищевъ. Не разобрана, вѣроятно, фамилія Тѣнтѣтникова.
[3] И. С. Аксакова въ его письмахъ, стр. 217.
[4] Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 538.

12.

Письмо Плетнева (17 марта 1852 г.) [1].

„Лѣтомъ же [2] читалъ многимъ главы (до семи) изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, и самъ попросилъ напечатать извѣстіе въ журналѣ о скоромъ его изданіи вмѣстѣ съ умноженнымъ первымъ“ [3].

А. О. Смирнова сказывала мнѣ, что только И. В. Капнисту, который хотя любилъ Гоголя, но терпѣть не могъ его сочиненій, онъ прочиталъ девять главъ, желая воспользоваться строгою критикою безпощаднаго порицателя своихъ сочиненій.

13.

Воспоминанія Н. В. Берга [4].

Лѣто того же года [5] я прожилъ у себя въ деревнѣ и когда возвратился въ Москву, то услышалъ, что Гоголемъ написано уже 11 главъ второго тома, но онъ все ими недоволенъ, все поправляетъ и переписываетъ...

14.

„Послѣдніе годы Гоголя“ В. Чижова [6].

По свидѣтельству людей, близко знавшихъ Гоголя, имъ былъ уже вполнѣ оконченъ весь 2-й томъ, состоявшій изъ 11 главъ, т. е. изъ того же числа, какое входило въ составъ перваго тома, и онъ рѣшался приступить къ изданію его, когда внезапная болѣзнь измѣнила его намѣренія и побудила къ сожженію съ такою любовью взлелѣяннаго произведенія.

15.

Письмо С. Т. Аксакова (1852) С. П. Шевыреву [7].

Въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой, Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать второго тома, что

---

[1] Сочиненія и переписка, III, 734.
[2] 1851 г.
[3] Изъ „Москвитянинка“ 1852, V, 47.
[4] „Русск. Старина“ 1872. I, 126.
[5] 1851 г.
[6] „Вѣстникъ Европы“, 1872, іюль, стр. 448.
[7] „Русскій Архивъ“, 1878, II, 54; Собр. соч. С. Т. А-ва, III, 433—434.

въ немъ все никуда не годится, и что надо все передѣлать. Сожженіе набѣло переписанныхъ главъ второго тома какъ нельзя больше подтверждаетъ эти слова. Итакъ, разсудите сами, слѣдуетъ ли ихъ печатать? Найденныя вами черновыя тетради, очевидно, забытыя Гоголемъ, должны быть самыя давнишнія. Только про первую главу второго тома онъ сказалъ мнѣ, что она получила послѣднее прикосновеніе, была тронута кистью художника, говоря техническимъ языкомъ живописцевъ. Онъ сказалъ это потому, что, при вторичномъ чтеніи той же главы для моего сына Ивана, я замѣтилъ многія измѣненія. Повторяю: какъ же печатать послѣ этого черновую, впослѣдствіи, можетъ быть, совершенно измѣненную рукопись?

16.

Письмо М. И. Гоголь Погодину (20 іюля 1852 г.) [1].

Считаю себѣ обязанностью служить вамъ, за присылаемый вами мнѣ журналъ „Москвитянинъ“, изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, второй главы, и тремя письмами, писанными ко мнѣ моимъ безцѣннымъ сыномъ, снятыми со всего этого копіями для напечатанія, гдѣ вамъ угодно.

17.

Письмо А. О. Смирновой (1 августа 1849 г.) [2].

Какъ жаль, что вы такъ мало пишете о Тѣнтѣтниковѣ: меня они всѣ очень интересуютъ, и часто я думаю о Костанжогло и Муразовѣ. Улиньку немного сведите съ идеала и дайте работу женѣ Костанжогло: она уже слишкомъ жалка. А, впрочемъ, все хорошо.

18.

Изъ воспоминаній Максимовича [3].

Въ числѣ весьма немногихъ Гоголь читалъ Максимовичу первыя главы второго тома „Мертвыхъ Душъ“ и говорилъ ему о своемъ трудѣ: „безпрестанно исправляю, и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще не написанныя“.

---

[1] Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, XII, 9.
[2] Ib., X, 322; „Рус. Стар.“ 1889, XII, 656.
[3] Ib., 328.

19.

То же [1].

... Умерла старушка, которую оплакиваютъ по очереди три дочери. Дѣвушки причитывали ей съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ... Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галлерейкѣ второго этажа и, опершись на перила, продолжали свои вопли и жалобы, и, обращаясь къ утреннему солнцу, вопили: „Солнышко ты мое красное!“ Максимовичу это живо напомнило Ярославну, „плакавшую рано Путивлю городу на заборолѣ“. Когда Максимовичъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ Гоголю, то онъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ, при случаѣ, въ „Мертвыхъ Душахъ“.

20.

Письмо Н. Ф. Павлова (1 марта 1852 г.) [2].

Гоголь... дней за десять до смерти, ночью, часа въ три, сжегъ всѣ бумаги, такъ что Хомяковъ ни въ одномъ ящикѣ не нашелъ ничего, нѣтъ и готовыхъ семи главъ второй части „Мертвыхъ Душъ“, которыя Гоголь читалъ Шевыреву. Неизвѣстно, отыщется, или нѣтъ. Говорятъ, что списокъ есть у великой княгини Ольги Николаевны,

21.

Письмо С. П. Шевырева (2 апрѣля 1852 г.) [3].

Изъ второго тома онъ прочелъ мнѣ лѣтомъ, живучи у меня на дачѣ, около Москвы, семь главъ. Онъ читалъ ихъ, можно сказать, наизусть по написанной канвѣ, содержа окончательную отдѣлку въ главѣ своей.

22.

Воспоминанія неизвѣстной (зима 1850—1851 гг.) [4].

Заставши разъ кн. В. А. Реннину и Г. И. Дунинъ — Ворковскую за чтеніемъ „М. Д.“, Гоголь сказалъ: „а

[1] Ib. XI, 146—147.
[2] Ib. стр. 537—538.
[3] Шенрокъ, письмо Шевырева Синельниковой (отд. оттискъ изъ „Русск. Старины“, стр. 442—443).
[4] Маркевичъ, Гоголь въ Одессѣ, Одесса, 1902, стр. 35.

что это! Это — грязный дворикъ, который долженъ привести къ чистому дому“. А съ m-me Гойеръ у Гоголя произошелъ такой разговоръ: „Скоро ли выйдетъ окончаніе „М. Д.“? — Я думаю, черезъ годъ. — Такъ онѣ не сожжены? — Да! Вѣдь это только начало было“.

23.

Письмо С. Т. Аксакова[1].

Я самъ слышалъ четыре, а С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали семь главъ.

24.

Воспоминанія кн. Д. А. Оболенскаго[2].

Осенью 1851 года, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я, посѣтивъ Гоголя, засталъ его въ хорошемъ расположеніи духа, и на вопросъ мой о томъ, какъ идутъ „Мертвыя Души“, онъ отвѣчалъ мнѣ: „приходите завтра вечеромъ, въ 8 часовъ, я вамъ почитаю“. На другой день, разумѣется, ровно въ 8 часовъ вечера я былъ уже у Гоголя; у него засталъ я А. О. Россета, котораго онъ тоже позвалъ. Явился на сцену знакомый мнѣ портфель; изъ него вытащилъ Гоголь одну довольно толстую тетрадь, усѣлся около стола и началъ тихимъ и плавнымъ голосомъ чтеніе первой главы. Гоголь мастерски читалъ: не только всякое слово у него выходило внятно, но, перемѣняя часто интонацію рѣчи, онъ разнообразилъ ее и заставлялъ слушателя усваивать самые мелочные оттѣнки мысли. Помню, какъ онъ началъ глухимъ и какимъ то гробовымъ голосомъ: „Зачѣмъ же изображать бѣдность да бѣдность... И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ“. Послѣ этихъ словъ внезапно Гоголь приподнялъ голову, встряхнулъ волосы и продолжалъ уже громкимъ и торжественнымъ голосомъ: „Зато какая глушь и какой закоулокъ!“ За симъ началъ великолѣпное описаніе деревни Тентетникова, которое, въ чтеніи Гоголя, выходило какъ будто писано въ извѣстномъ размѣрѣ. Всѣ описанія природы, которыми изобилуетъ первая глава, отдѣланы были особенно тщательно. Меня въ высшей степени поразила необыкновенная гармонія рѣчи. Тутъ я увидѣлъ, какъ

---

[1] „Русск. Старина“, 1873, т. IV, стр. 956.
[2] Ib. стр. 942—947, 950—951, 952—953.

прекрасно воспользовался Гоголь тѣми мѣстными названіями разныхъ травъ и цвѣтовъ, которыя онъ такъ тщательно собиралъ. Онъ иногда, видимо, вставлялъ какое-нибудь звучное слово единственно для гармоническаго эффекта. Хотя въ напечатанной первой главѣ всѣ описательныя мѣста прелестны, но я склоненъ думать, что въ окончательной редакціи они были еще тщательнѣе отдѣланы... Разсказъ о воспитаніи Тентетникова, сколько мнѣ помнится, читанъ былъ Гоголемъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ первомъ изданіи 1855 года. Причина же выхода въ отставку Тентетникова была гораздо болѣе развита, чѣмъ въ тѣхъ варіантахъ, которые до насъ дошли .. Причина выхода въ отставку Тентетникова имѣла весьма глубокое нравственное основаніе. Помню, что это мѣсто въ чтеніи Гоголя особенно меня поразило по тонкости его психическаго анализа борьбы, происходящей въ благородной душѣ молодого человѣка, съ возвышенными чувствами и безкорыстными желаніями добра и пользы поступающаго на службу. Такимъ былъ Тентетниковъ, — не нужно забывать, что подъ вліяніемъ чуднаго наставника развилось пылкое сердце мальчика и пробуждены были въ немъ всѣ честные, благородные порывы и стремленія; но Тентетниковъ лишился своего наставника, когда „еще не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, не испытанный измлада въ борьбѣ съ недугами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что растопившійся, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки“. Поэтому, еще въ школѣ, когда измѣнился характеръ преподаванія и воспитанія, онъ, благодаря природному уму, чувствовалъ, что не такъ должно преподавать, но какъ— не зналъ, и онъ „повѣсилъ носъ“. Но, по мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: „вѣдь это еще не жизнь, это — только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ“. Тамъ подвиги — и онъ жаждетъ ихъ. Съ такимъ настроеніемъ поступаетъ Тентетниковъ на службу. Съ рвеніемъ принимается за работу. Прежде всего его нѣсколько смущаетъ механизмъ занятій, которому, ему казалось, придаютъ слишкомъ большое значеніе. Но онъ съ этимъ примиряется въ надеждѣ все-таки добраться до сути дѣла, гдѣ найдетъ пищу своимъ благороднымъ стремленіямъ и гдѣ, можетъ быть, его ожидаютъ подвиги. Онъ принимается за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ. Дѣйствительно, уже

въ должности столоначальника, у него въ рукахъ дѣла, направленіе которыхъ уже много отъ него зависитъ. Онъ пишетъ, пишетъ новые законы, пишетъ распоряженія о благоустройствѣ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Пишетъ заочно наказы, разрѣшающіе участь цѣлаго народонаселенія, о дѣйствительныхъ нуждахъ котораго онъ ничего хорошенько не знаетъ. Рѣшаетъ на бумагѣ дѣло людей, живущихъ за 3 тысячи верстъ. Умъ и совѣсть говорятъ ему, что тутъ есть какая то фальшь, и что изъ всего этого можетъ произойти много вздору, при всемъ желаніи его добра и пользы. Онъ чувствовалъ, что не такъ слѣдовало бы идти дѣламъ, а какъ — не зналъ. И онъ утратилъ вѣру въ службу. Вотъ разгадка, почему Тентетниковъ „свыкнулся со службой: но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами“. При такомъ настроеніи, легко могъ Тентетниковъ подчиниться вліянію людей раздраженныхъ и наискиваться на непріятности. При первомъ случаѣ онъ выходитъ въ отставку. Вотъ тема, которая развита была Гоголемъ съ поразительною живостію, — Тентетниковъ выставленъ былъ лицомъ, въ высшей степени симпатичнымъ. Утративъ вѣру въ свой идеалъ, чувствуя себя безоружнымъ въ борьбѣ съ неразрѣшимыми противорѣчіями, онъ, можетъ быть, по примѣру другихъ, окончательно и примирился бы съ ними, чиновное честолюбіе взяло бы верхъ надъ голосомъ совѣсти, ежели бы не представилось воображенію его другое поприще дѣятельности, еще не испытанное имъ, но заманчивое по обилію средствъ къ практическому приложенію всего запаса добрыхъ и благородныхъ намѣреній, которыми полна была душа его. Онъ поѣхалъ въ деревню. Чудное описаніе этой деревни въ чтеніи Гоголя выходило такъ прелестно, что когда онъ кончилъ его словами: „Господи, какъ здѣсь просторно!“ то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули отъ восхищенія. Затѣмъ пріѣздъ Чичикова, разговоръ его съ Тентетниковымъ и весь конецъ первой главы, сколько мнѣ помнится, Гоголь читалъ совершенно согласно съ текстомъ изданія 1855 года. Окончивъ чтеніе, Гоголь обратился къ намъ съ вопросомъ: „ну, что вы скажете?“ Будучи подъ впечатлѣніемъ тѣхъ прелестныхъ картинъ и разнообразныхъ описаній природы, которыми изобилуетъ первая глава, я отвѣчалъ, что болѣе всего я пораженъ художественной отдѣлкой этой части, что ни одинъ пейзажистъ не производилъ на меня

подобнаго впечатлѣнія. — „Я этому радъ“, отвѣчалъ Гоголь и, передавъ намъ рукопись, просилъ, чтобы мы прочли ему вслухъ нѣкоторыя мѣста. Не помню, г. Россетъ или я исполнилъ его желаніе, и онъ прислушивался къ нашему чтенію, видимо, желая слышать, какъ будутъ передаваться тѣ мѣста, которыя особенно рельефно выходили при его мастерскомъ чтеніи. По окончаніи чтенія г. Россетъ спросилъ у Гоголя: „что, вы знали такого Александра Петровича (перваго наставника Тентетникова), или это вашъ идеалъ наставника?“ При этомъ вопросѣ Гоголь нѣсколько задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ: „да, я зналъ такого“. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы замѣтить Гоголю, что, дѣйствительно, его Александръ Петровичъ представляется какимъ то лицомъ идеальнымъ, отъ того, быть можетъ, что о немъ говорится уже, какъ о покойникѣ, въ третьемъ лицѣ; но какъ бы то ни было, а онъ, сравнительно съ другими дѣйствующими лицами, какъ то безжизненъ.

„Это справедливо“, отвѣчалъ мнѣ Гоголь и, подумавъ немного, прибавилъ: „но онъ у меня оживетъ потомъ“. Что разумѣлъ подъ этимъ Гоголь — я не знаю. Рукопись, по которой читалъ Гоголь, была совершенно набѣло имъ самимъ переписана; я не замѣтилъ въ ней поправокъ...

Шевыревъ, которому Гоголь успѣлъ прочесть почти весь второй томъ, могъ одинъ только, по памяти, возстановить текстъ, ближе всего подходившій къ той редакціи, которая была сожжена...

На первоначальномъ спискѣ, изданномъ въ 1855 г., послѣ второй главы написано было карандашемъ, въ скобкахъ: „здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о 12-мъ годѣ; помолвка Улиньки съ Тентетниковымъ; помолвка ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его для извѣщенія о помолвкѣ дочери и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ — полковнику Кашкарову...

Я могу указать... еще нѣсколько мотивовъ изъ послѣднихъ главъ 2-й части, о которыхъ г. Арнольди не упоминаетъ, ко которые я слышалъ отъ Шевырева. Напр., въ то время, когда Тентетниковъ, пробужденный отъ своей апатіи вліяніемъ Улиньки, блаженствуетъ, будучи ея женихомъ, его арестовываютъ и отправляютъ въ Сибирь; этотъ арестъ имѣетъ связь съ тѣми сочиненіями, которыя онъ готовилъ о Россіи, и съ дружбой съ недоучившимся студентомъ съ вреднымъ либеральнымъ направленіемъ. Оставляя деревню и прощаясь съ

крестьянами, Тентетниковъ говоритъ имъ простительное слово (которое, по словамъ Шевырева, было замѣчательное художественное произведеніе). Улинька слѣдуетъ за Тентетниковымъ въ Сибирь, — тамъ они вѣнчаются и проч. Вѣроятно, въ бумагахъ Шевырева сохранились какія-либо воспоминанія о слышанныхъ имъ главахъ 2-го тома „М. Д.;“ по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что онъ намѣренъ былъ припомнить содержаніе тѣхъ главъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ, и изложить ихъ вкратцѣ на бумагѣ.

25.

Изъ воспоминаній А. А. Стаховича [1].

Близкій пріятель Гоголя, Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, много интереснаго разсказывалъ о нихъ М. С. (Щепкинъ). Чтецъ онъ былъ превосходный и одинаково замѣчательный разсказчикъ. Анекдотъ во 2-й части „М Д.“ — „полюбите насъ черненькими“ принадлежитъ ему.

26.

Изъ письма Ю. Ѳ. Самарина Гоголю [2].

Впечатлѣніе, произведенное на Тентетникова его служебною дѣятельностью,... не совсѣмъ вѣрно, именно потому, что самая эта дѣятельность представлена у васъ слишкомъ ничтожною и ограниченною.

27.

Письмо А. О. Смирновой Гоголю (1845) [3].

Да увидимъ мы своими собственными глазами преображеніе вашихъ „М. Д.“ въ живительный источникъ любви и силы для нашихъ собственныхъ мертвыхъ душъ.

28.

Изъ писемъ И. С. Аксакова А. О. Смирновой (1849) [4].

Какъ благодаренъ я вамъ, что вы до сихъ поръ не совладѣли еще съ своею женскою слабостью — болтли-

---

[1] Клочки воспѣмпнаній, М., 1904, стр. 55.
[2] „Рус. Старина“, 1889, іюль, стр. 174—6.
[3] Іb. іюнь, стр. 648—649.
[4] „Русскій Архивъ“, 1895, XII, 437.

востью, проболтались и разсказали мнѣ кое-что о 2-мъ томѣ „М. Д.“, объ Улинькѣ, Хлобуевѣ, Чагравовой, Быстрищевѣ, Муразовѣ и Тентиничковѣ!... Вы меня просто освѣжили этимъ извѣстіемъ.

29.

Изъ письма С. Т. Аксакова Гоголю (1849) [1].

Можетъ быть, вы хотѣли бы слышать отъ меня критическую оцѣнку, но я не могу этого сдѣлать. Я слушалъ съ такимъ волненіемъ, а сначала и съ предубѣжденіемъ, что подробности впечатлѣній скоро поглотились однимъ чувствомъ наслажденія. При томъ же я ничего не могу судить вѣрно о подробностяхъ, слушая въ первый разъ: мнѣ надобно прочесть своимъ глазомъ. Но вотъ что у меня осталось въ памяти. 1) Мнѣ показалось, что сначала какъ то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мнѣ показался нѣсколько длиннымъ и натянутымъ разсказъ объ Александрѣ Петровичѣ. 3) Встрѣча въ деревнѣ крестьянами молодого барина какъ будто жидка и односторонняя. Но я не ручаюсь за вѣрность моихъ замѣчаній. Если вы захотите ихъ имѣть, то дайте мнѣ тетрадь въ руки. — Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье и благословитъ окончательные труды ваши: ибо я считаю, что „М. Д.“ написаны, и что теперь остается послѣдняя отдѣлка.

30.

Изъ записокъ О. Н. Смирновой [2].

Comme Shakespeare, Gogol a enrichi la langue russe d'expressions nouvelles, de proverbes et d'aphorismes. Il se préoccupait infiniment des noms de ses personnages; il en cherchait partout; ce sont devenus des types; il les trouvait dans les annonces (le nom du héros Tchitchikoff, du 1-er volume, fut trouvé sur une maison, autrefois on ne mettait pas des numéros, mais le nom des propriétaires), sur les enseignes; au moment de commencer le deuxième volume des Ames mortes, il avait rencontré le nom du général Betritcheff dans un livre de poste, à un relais de village, et disait à un de ses amis qu'en voyant ce nom, la figure et les moustaches grises

[1] Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, М. 1890, стр. 187.
[2] „La Nouvelle Revue“, „Etudes et souvenirs“, 1885, XI, стр. 17—18, 19.

du général lui étaient apparues. Il esquissait parfois les profils des ses héros avant de les décrire. Dickens, Balzac et Flaubert eurent aussi ce souci du nom à donner à leurs personnages. Celui de héros, du jeune premier du second volume des A m e s m o r t e s, avait longtemps préoccupé Gogol; à ce moment il était à la campagne, chez des amis; la maîtresse du logis lui donnait des avis toujours utiles; tous les jours il lui lisait un nouveau chapitre, faisant assister les enfants à cette lecture, épiant et étudiant leurs impressions: le nom de Tentétnikoff fut choisi là entre trois autres; le nom est ridicule, prétentieux, et il a le mérite d'être un nom véritable. La fameuse partie de dames jouée par le général et le héros excita chez les enfants un véritable enthousiasme; dès le lendemain ils la répétaient dans leurs jeux. Gogol était ravi: „à l' avenir, dit-il, tous ceux qui joueront aux dames en Russie penseront à cette scène“. Un dimanche il parut au déjeuner dans un costume qui excita la curiosité des enfants et même celle des parents: pantalon en nankin jaune, cravate en batiste rose, gilet en cachemire bleu turquoise; petit de taille, maigre, le nez très effilé en long, le visage pointu, les yeux tristes et profonds, mais petits et perçants, avec ses cheveux longs, il avait l'air, disaient les enfants. d'être un personnage des contes d'Hoffmann. Tous les soirs il se promenait dans les bois, leur enseignant la botanique, les faisant jaser, leur parlant de tout, s'intéressant à tout. Au moment où il parut au déjeuner, on lui demanda le pourquoi de ce costume étrange. — „Parce que c'est dimanche“, — répondit Gogol. — „Mais vous n'aviez pas ce gilet dimanche dernier“ — „En effet; mais c'est un dimanche à part, un jour de fête“. — „Une fête? laquelle?“ Les enfants voulaient aller chercher l'almanach. — „Cette fête n'y pas“, — dit Gogol: — „c'est ma fête à moi; c'est le jour de naissance de Ioulinka, la fille du général Betritcheff, mon héroïne; elle est née aujourd'hui“. Ioulinka est restée l'unique type féminin de son oeuvre; se n'est qu'une esquisse, mais elle est faite de main de maître. Gogol semblait hésiter à décrire la femme; son âme d'artiste et de poète la plaçait à une hauteur idéale et presque inaccessible... A la fin de l'année 1851, Gogol revint à Moscou avec ses amis; le troisième volume des A m e s m o r t e s était presque achevé, il y mettait la dernière main; dans ce volume, le drame faisait place à une conception plus haute, à la tragédie. La vie est ainsi. Peu à peu elle se dépouille, s'assombrit, le destin doit s'accomplir, nul n'y échappe; dans le drame de vie nos passions préparent l'issue fatale, et c'est la mort qui, quoi qu'on fosse, nous donne tragiquement la réplique. Malheureu-

sement, ce dernier volume ne devait jamais être publé en entier; Gogol en brûla la plus grande partie pendant sa dernière maladie, qui l'enleva peu après, en pleine activité littéraire. On fit courir beaucoup de légendes à propos de cet autodafé, dans lequel périt le plus grand de tous les romans russes; on déclara l'auteur fou; on prétendit qu'il voulait quitter la carrière littéraire pour se cloîtrer.

783515